



Ганс Кюнг

ВО ЧТО

Я ВЕРЮ

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ»

В серию входят книги
по современному богословию
(основное, литургическое,
нравственное богословие
и другие его разделы), принадлежащие
перу выдающихся современных
авторов основных христианских
конфессий

Книги Ганса Кюнга в Издательстве ББИ:

Церковь

Христианский вызов

Во что я верю

Начало всех вещей. Естествознание и религия

Вольфганг Амадей Моцарт – следы трансцендентного
(Богословие и музыка)

HANS KÜNG

Was ich glaube

Piper München Zürich

СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

ГАНС КЮНГ

Во что я верю

ИЗДАТЕЛЬСТВО



МОСКВА

ББК 86.376
УДК 230.111 / 227.12
К 99

Перевод: Елена Гетель
Редактор: Вольфганг Акунов

Верстка: Николай Жильцов
Обложка: Антон Бизяев



schweizer kulturstiftung

prohelvetia

Издание этой книги осуществлено при финансовой поддержке Института имени Гёте – Die Herausgabe des Werkes wurde aus Mitteln des Goethe-Instituts gefördert

Книга издана при поддержке Швейцарского культурного фонда Pro Helvetia

Данный перевод немецкого издания книги Ганса Кюнга
Was ich glaube публикуется с согласия автора

Кюнг Ганс

Во что я верю / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2013. – х + 274 с.

ISBN 978-5-89647-267-4

Эта книга глубоко личная, автобиографическая. Ганс Кюнг адресует ее тем, кто живет в вере, но хотел бы не просто верить, но быть уверенным и поэтому ищет веру, обоснованную с точки зрения философии, богословия, экзегетики, истории, которая могла бы быть практическим руководством к жизни. Автор признается, что он не спускается на богословском вертолете с небес, а начинает в долине повседневности с того, что подготавливает человека к жизни: с необходимого для каждого из нас доверия к жизни, глубинного доверия.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

- © Hans Küng, 2009
- © Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2013
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316,
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

Предисловие к русскому изданию книги «Во что я верю»	x
Целостный взгляд на мир	1
1. Доверие к жизни	5
Краеугольный камень здоровья личности.	5
Доверие к жизни. Испытание на прочность	6
Казалось бы, надежное философское обоснование	7
Мои сомнения	9
Жизненные кризисы	10
Жизненно важное решение отодвигается	11
Богословие, которое мало помогает.	14
Судьба «неверующих»	15
Духовное переживание	16
Не бойтесь глубоких вод	18
Жизненное доверие и религиозные убеждения	21
Доверие как основа науки, политики и экономики	22
2. Радость жизни.	26
«Веселая наука»	27
Главное, я счастлив?	29
Радостное сосуществование	31
Не всем можно доверять.	33
Радость от встречи с природой.	35
А животные?	37
Не мистика, а связь с природой	41
Космическая религиозность	43
Приближение к непреодолимой тайне.	46
Радоваться жизни до конца.	48

3. Жизненный путь	51
Жизненный путь человечества	51
Учиться вести себя по-человечески.	53
Этос выживания.	54
Ориентир, который не оправдал себя?	56
Где взять ориентиры, если их нет	59
Жизнеутверждающая этика для всех.	63
Главный критерий – человечность	65
Гуманистический этос и мировые религии встретились.	68
Путь к большей человечности	70
Идти своим путем.	72
4. Смысл жизни	75
Зачем мы на Земле?	76
Вопрос о смысле в науке и экономике	78
Смысл жизни отдельного человека.	80
Потеря смысла.	82
Работать, чтобы жить	84
Жить, чтобы работать?.	86
Получить удовольствие от жизни.	87
Полная жизнь?	89
Самовыражение	90
Не слишком ли много мы хотим от нашего «Я»?	92
«Маленький» смысл	95
«Большой» смысл.	97
5. Основа жизни	102
Есть ли будущее у веры в Бога?	103
Вера в Бога против науки и демократии.	104
Бог – проекция тоски?.	106
Религия – устаревшая модель?	109

Что говорит против религии	110
Что говорит за религию	113
Рациональная духовность.	116
Найти причину вещей	119
Эволюция в сторону человека	122
Реальная бесконечность?	124
«Настрой» через музыку?	126
Следы трансцендентности	128
6. Жизненная сила.	133
Новый взгляд на религии	134
Мистическая духовность?	136
Бог – личность или не личность?	142
Молиться или медитировать?	145
Высшая форма молитвы.	147
Один Бог или много богов	151
Власть жизни и другие силы	153
Свержение старых и современных богов	155
Бог как «Дух»	156
Творческое начало: нет определенной модели мира	159
Вера в чудеса сегодня?	163
Пришел наш последний час?	166
7. Модель жизни.	170
Соревнование между религиями	170
Модель индуизма	171
Буддийская модель	173
Конфуцианская модель	175
Иудейская модель.	177
Ложная христианская духовность	179
Христианская модель	182

Неповторимая жизнь	185
Неповторимая смерть	188
Олицетворенная модель жизни	190
Мусульманская модель	192
Устойчивость и готовность к диалогу	194
8. Жизненные страдания	197
Извечный вопрос: почему я страдаю?	197
Оправдание Бога перед страданием?	199
Диалектика страдания в самом Боге?	201
Бессилие Бога перед лицом холокоста	203
Распяли Бога?	205
Просветленный и распятый	206
Неразрешимая загадка теодицеи	208
Ложно понятое распятие	211
Свой жизненный крест	214
Контрольный вопрос для гуманистов	216
Как выстоять?	217
Большая свобода	219
9. Искусство жизни	222
Эрос и агапа	222
Сила любви	226
Любовь как исполнение мирового этоса	227
Мир за счет отказа от своих прав	230
Власть во благо других	231
Умеренное потребление	233
Воспитание во взаимном уважении	234
Честный спорт	236
Здоровье без мании здоровья	239
<i>Ars vivendi</i>	241

<i>Ars moriendi</i>	243
10. Видение жизни.	247
Прощание с псевдорелигиозными великими идеологиями	247
Реалистическая надежда	250
Обращение к ООН	252
Новая парадигма мирной глобальной политики.	254
Новая парадигма справедливой мировой экономики	256
Надежда на единство церквей	259
Надежда на мир между религиями	261
Надежда на сообщество наций.	264
Историю невозможно просчитать.	265
Моя последняя надежда.	267
 Для дальнейшего чтения: книги Ганса Кюнга	 270

Предисловие к русскому изданию

Я буду всегда благодарен тем русским друзьям, которые во время советского коммунизма при великих опасностях и с бесконечно многими трудами перевели на русский язык и распространили в подполье мои объемистые книги «Быть христианином» (1974) и «Существует ли Бог?» (1978). Эти книги помогли тогда многим читателям, но и, разумеется, вызвали живые, хотя для многих непривычные, дискуссии.

Тем временем прошло много десятилетий, и мои взгляды прояснились, конкретизировались и расширились. И такой исключительной радостью было для меня попытаться к моему 80-летию 2008 года создать синтез своих религиозных взглядов. Я излагал их в лекциях для слушателей всех факультетов в Тюбингенском университете и мог констатировать, что многие люди чувствовали в них большую помощь и воспринимали их с радостным одобрением.

Так что я всей душой надеюсь, что книга «Во что я верю» (и во что вместе со мной верят многие) поможет многим в России и прежде всего молодежи заново осмыслить христианскую веру и достойнее жить – как просвещенным людям XXI века.

*Ганс Кюнг,
Тюбинген, май 2011 г.*

Целостный взгляд на мир

«Скажите откровенно, во что Вы лично верите?» Такой или почти такой вопрос я слышал бесчисленное число раз за мою долгую жизнь богослова. Я постараюсь дать не формальный и лаконичный, как лозунг, а личный и в то же время всеобъемлющий ответ на этот вопрос.

Я пишу для людей, находящихся в поиске. Для тех, кого не удовлетворяет традиционалистская вера римского или протестантского происхождения, но одновременно не устраивает и собственное неверие или сомнения, тех, кто не ищет дешевой «оздоровительной духовности» или краткосрочной помощи в жизненных проблемах. Я пишу и для тех, кто живет в вере, но хотел бы не просто верить, но быть уверенным и поэтому ищет веру, обоснованную с точки зрения философии, богословия, экзегетики, истории, которая могла бы быть практическим руководством к жизни.

Мое понимание веры прояснялось и углублялось в течение всей моей долгой жизни. Я никогда не говорил, не писал и не проповедовал того, во что я не верю. Многие десятилетия я имел возможность изучать Библию и традицию, философию и богословие, и это заполнило всю мою жизнь. Результаты этой работы можно найти в моих книгах. Одна из них посвящена Апостольскому символу веры, системе догматов, известной нам в завершенном виде лишь с V века. Кто хочет больше знать об этих двенадцати таких различных и так часто оспариваемых догматах (таких, как например, рождение Девой Марией Богомладенца, Сошествие в ад, Вознесение), понимать их дух и букву, того я отсылаю к моей книге *Credo* (отдельное издание под заголовком «Введение в христианскую веру»). Все, что я утверждал там или в работе «Христианство. Суть и история» (о христологических догматах), я подтверждаю и в этой книге.

Но одно дело – «официальная религия» человека, которая объединяет его со всеми верующими его конфессии, а другое –

в высшей степени индивидуальная религия сердца (*heart religion*), которую человек носит в душе и которая только частично совпадает с «официальной религией». Узнать что-то об этой неподдельно искренней и личной жизненной философии человека – значит вступить на психологическую *via regia*, «царский путь», к глубинам понимания его души.

Однако я не принадлежу к людям, у которых в вопросах веры что на уме, то сразу и на языке и которые при первой возможности сообщают окружающим о своих религиозных убеждениях и даже навязывают их. Как раз в разговорах о религии такт и тонкое чутье – это и требование, и потребность. Так или иначе, как богослов, я не могу себе позволить заменять аргументы потоком эмоций или поспешными признаниями. Поэтому я часто отвечал на вопрос о моей «спиритуальности», моей «духовности» так: «Об этом Вы можете подробно прочитать во всех моих книгах». Сдругой стороны, мне не хотелось бы совсем отказать тем, кто просил меня дать краткий, сжатый, общепонятный ответ на вопрос, во что я верую. Духовность, спиритуальность (от средневекового латинского *spiritualitas*) – это ведь гораздо более широкое понятие, чем вера в религиозном смысле. Ведь в этом понятии соединились все духовные течения от ортодоксальной мистики и церковной догматики до эзотерических течений и периода *New Age*. Но, конечно, в нем есть и соблазн неразборчивости.

Поэтому мне хочется еще раз взглянуть на многочисленные духовные элементы, которые я вынашивал на своем жизненном пути и которые отразились в моих книгах, чтобы еще раз критически обдумать их и объединить в единое целое. «Во что я верую?» Я хочу, чтобы каждое слово этого вопроса было понято в самом широком смысле.

«Я» для меня не только субъективное понятие: я никогда не чувствовал себя гордым одиночкой, тем более избранным. Я всегда стремился быть солидарным как в мыслях, так и в делах со многими людьми моей религиозной общины, христианского мира, мировых религий, да и секулярного мира тоже. Я был бы рад, если

бы мне удалось в этой книге, и не только на отдельных страницах, выразить убеждения многих.

«Верю» я понимаю не узкоцерковно или интеллектуально заумно. Просто принимать то, во что «мне предписывает верить церковь», – эта традиционалистская формула едва ли приемлема сегодня даже для консервативных католиков. Ведь «верить» – это больше чем считать верными определенные догматы. Вера движет разумом, сердцем, руками человека, объединяет его мышление, волю, чувства и действия. Правда, к слепой вере я питаю подозрение еще со времен учебы в Риме, так же как и к слепой любви. Слепая вера обрекла на гибель многих людей и целые народы. Я всегда трудился во имя понимающей веры, у которой, может быть, и нет строгих доказательств, но есть серьезные основания. В этом отношении моя вера не рационалистична, но и не иррациональна, она скорее разумна.

За словами «во что» в нашем вопросе стоит, таким образом, значительно больше, чем символ веры в традиционном смысле. А именно глубокие убеждения и принципы, которые были и остаются для меня важными и которые, как я надеюсь, могут помочь и другим разобраться и сориентироваться в жизни. Не просто психолого-педагогические советы «быть довольным» или «жить своей жизнью». Но и не проповедь свысока, не подбадривающая речь, ведь я не святой и не подвижник. Это скорее серьезные раздумья об осмысленной жизни, основывающиеся на личном опыте и наполненные конкретной информацией.

И, если хотите, «медитация»! *Meditari* означает буквально «взвешивать», «духовно соразмерять», а поэтому и «обдумывать», «размышлять», «наблюдать». Но это медитация не монаха, сознующего присутствие Бога, а мирянина, Бога ищущего. Я хочу, чтобы при этом работала не только голова, но и наши сердца открывались для иных измерений действительности. Корни моей духовности в повседневном опыте, таком же, как у многих. Но питается она научными знаниями, накопленными за долгую богословскую жизнь. И конечно, моя духовность находится под вли-

янием рокового опыта мировой истории, который я не могу отделить от личной истории борьбы и страдания, описанных в двух томах моих «Воспоминаний».

«Вера как духовная основа жизни» – сегодня не что-то само собой разумеющееся. Тем более христианская вера. Но в наше безумное, запутанное время всем нам в потоке информации необходимы как никогда не просто знания, а знания-ориентиры: четкие координаты и цели. При этом, конечно же, каждому человеку нужен и свой собственный внутренний компас, который поможет принять конкретные решения в жесткой повседневной реальности. Пусть настоящая книга поможет обрести этот главный ориентир.

Я стараюсь связать и упорядочить все это изобилие тем и вопросов с помощью многоцветного и всеобъемлющего понятия «жизнь» – жизнь вообще, жизнь отдельного человека, моя личная жизненная история. Само собой разумеется, что при этом невозможно затронуть все аспекты и темы христианской веры. Многие из них затронуты в книгах из приведенного в конце списка.

Я хочу пригласить читателей и читательниц не на легкую богословскую прогулку с посещением различных жизненных провинций по дорожкам без кочек и ухабов. Скорее, если продолжить метафору, это захватывающий духовный поход в горы: в медленном темпе альпиниста мы будем терпеливо взбираться в гору то по легким, то по опасным тропам, к сожалению, не останавливаясь на отдых в горных хижинах и ни на миг не упуская из виду цель на вершине – целостный взгляд на мир. Поэтому я начинаю первую главу с простого, элементарного и личного. Не спускаюсь на богословском вертолете с небес, а начинаю в долине повседневности с того, что подготавливает человека к жизни: с необходимости для каждого человека доверия к жизни, глубинного доверия.

*Ганс Кюнг
Тюбинген, июль 2009*

1. Доверие к жизни

«Глубинное доверие – это краеугольный камень здоровья личности, это отношение к себе и миру, базирующееся на опыте первого года жизни».

Эрик Х. Эриксон, американский психолог немецкого происхождения, ведущий представитель психологии юности (*Identity and the Life Cycle*, 1959).

Что есть для меня духовная основа человеческой жизни? Глубинное доверие, доверие к жизни. У каждого человека своя история доверия к жизни. Она начинается самое позднее в тот момент, когда ребенок появляется на свет.

Краеугольный камень здоровья личности

Конечно, доверие к жизни не просто данность, ему нужно учиться. Эрик Эриксон и другие представители школы психологии развития показали эмпирически: ребенок учится доверять жизни буквально с пеленок. Обретение доверия имеет жизненно важное значение для физического и психического развития ребенка. Если уже в грудном возрасте психика ребенка травмирована – психогенными ли заболеваниями, отсутствием ли близкого человека или скудостью эмоций равнодушных и перегруженных заботами нянь (уже давно исследованный Рене Шпицем «госпитализм»), – то доверие может и вовсе не возникнуть. Для Эрика Эриксона первая стадия развития ребенка (приблизительно совпадающая с первым годом жизни) прямо-таки идентична *стадии глубинного доверия (basic trust)*.

Дальнейшие научные изыскания показали, что источником доверия, необходимого маленькому ребенку для любого исследования мира, служит мать или тот, кто ее заменяет. Не надо иметь, как в моем случае, пять младших сестер и младшего брата, чтобы

видеть, как ребенок, научившись ползать и вступать в контакт с окружающими, все время ловит взгляд матери и плачет, как только теряет ее из виду. И как на втором году жизни малыш, хотя уже и передвигается вне поля зрения матери, постоянно возвращается к ней и заметно боится ее потерять.

Открываясь матери и одновременно постепенно отрываясь от нее, ребенок открывается людям, вещам и миру. Последние исследования подтверждают, как важна ранняя привязанность к близкому человеку для развития сильного Я. Чем неуверенней ребенок в своей связи с матерью, тем больше скованности в его отношениях с другими людьми, ведь он постоянно занят формированием хотя бы одной надежной связи – связи с матерью. И наоборот, из доверия к матери или к тому, кто ее заменяет, в сложном процессе развития – о роли отца и многих других аспектах я здесь не говорю – возникает вначале наивно-безоговорочное детское доверие, которое и позволяет ребенку занять свое место в жизни. При этом это доверие постоянно находится под угрозой и проверяется на прочность.

А как это было у меня?

Доверие к жизни. Испытание на прочность

Я, и таких людей множество, приобрел прочный запас доверия к жизни на основе далеко не беспроблемных, но здоровых отношений с матерью, отцом и другими близкими людьми. Но и мое доверие жизнь снова и снова подвергала испытаниям. Все мы с ранних лет учимся не только у наших воспитателей, но и на собственном опыте и страданиях. Недаром старинная поговорка гласит: обжегшись на молоке, дуешь на воду.

В памяти осталось, быть может, одно из самых ранних потрясений, изведенных на собственном опыте: мне три или четыре года, я засовываю указательный палец левой руки в хлебрезку, чтобы вытащить маленький ломтик хлеба, и одновременно кручу ручку машины правой рукой. Отрезанный кончик пальца оказывается в хлебрезке. В те времена замечательный домашний врач

смог с помощью кусочка кожи с ноги отца так залатать палец, что сейчас почти ничего не заметно.

И, конечно, первая смерть навсегда запечатлелась в моей памяти, тогда шестилетнего ребенка: моя бабушка, погибшая в автомобильной катастрофе (за рулем был дедушка). Она лежала, бледная, тихая и прекрасная, только маленькое пятно крови на лбу напоминало о трагедии. Мне говорили, что она теперь «на небесах»... Но ни эти, ни подобные события не оставили во мне психической травмы и не смогли поколебать мое доверие к жизни.

Я высоко ценю психотерапию, но мой жизненный опыт побуждает меня скептически относиться к тем психоаналитикам, которые во всех жизненных проблемах винят психологические травмы раннего детского возраста. Конечно, я знаю, что и в детстве, и на любом этапе жизни человек может испытать тяжелые *кризисы доверия*. К ним могут привести неуспеваемость в школе, неурядицы в личной жизни, безработица, предательство друга или первое большое разочарование в любви. А позже также и неудача в профессиональной жизни, болезни или часто невыносимая тяжесть бытия...

Поэтому рано или поздно у каждого человека, проходящего через жизненные кризисы, из бесспорного, безоговорочного и бессознательного доверия ребенка, полностью зависящего от матери, должно вырасти *зрелое и ответственное, взвешенное и критичное доверие* взрослого самостоятельного человека к такой запутанной и трудной для понимания действительности. Сильная и способная к сопереживанию личность невозможна без настоящего доверия к себе. И чем дольше человек живет, тем очевиднее, что невозможно обойтись без сознательного решения, как относиться к жизни, к окружающим, к миру. Жизненные кризисы невозможно преодолеть без зрелого глубинного доверия, доверия к жизни.

Казалось бы, надежное философское обоснование

Это было лет за 20 до того, как я впервые прочитал Эрика Эриксона. Я изучал богословие у иезуитов в Германской коллегии

(*Collegium Germanicum*) Папского Григорианского университета в Риме. Тогда меня весьма занимал вопрос о знаниях, которые могут служить надежной основой мировоззрения. Шесть семестров я изучал курс философии, включая историю философии и блестящее введение в учение Канта и Гегеля. В завершение лиценциатуры я написал работу о гуманистической сути экзистенциализма Жан-Поля Сартра (в 50-е годы это была очень модная тема).

В Риме я научился тому, что для меня по сей день остается чрезвычайно важным: латинской ясности, терминологической точности, стройному построению доказательств и вообще строгой рабочей дисциплине. После трех лет учебы я был убежден, что выработал то абсолютно надежное научное мировоззрение, которое позволит мне в любое время рационально и ответственно обосновывать все происходящее на жизненном пути.

Как сейчас помню, сразу после защиты лиценциата по философии я отправился вместе с моим швейцарским другом из Германской коллегии на прогулку в один из римских парков. Мы поднимались на холм Пинчо и воодушевленно говорили о том, что нам, трудясь в поте лица, наконец удалось выработать для себя четкое, насквозь рациональное философское обоснование богословия: естественную ее основу из очевидных принципов бытия и строгих, методичных выводов. Оставалось только на этом естественном фундаменте из здравого смысла и философии с той же основательностью выстроить сверхъестественное здание веры и богословия. Вот тогда мы были бы во всеоружии для встреч с собственным Я и с окружающими для работы, понимания мира и разумного времяпрепровождения. Так мы думали тогда. Но как раз это многоэтажное сооружение из разума и веры оказалось призрачным. Я все чаще спрашиваю себя: была ли эта неосхоластическая *Philosophia perrenis*¹ действительно надежной и прочной основой?

¹ Вечная философия (лат.). – *Прим. пер.*

Мои сомнения

Последние сомнения, к которым я вначале отнесся не очень серьезно, мне так и не удалось полностью рассеять. Бесспорно, сомнения неотделимы от мышления. Бывают глупые или поверхностные сомнения, которые легко можно устранить знанием. Но есть и «умные» сомнения, которые имеют более глубокие корни и поэтому никогда не оставляют нас. Уже в те римские годы мне было ясно, что я никогда не смогу стать таким же мягкодушным и «уравновешенным» как наш образцовый сокурсник и префект, впоследствии ставший крайне узколобым епископом одной из немецких епархий.

На интеллектуальном уровне все казалось предельно ясным, на экзистенциальном уровне оставался осадок неуверенности. Уже в первых семестрах во мне постоянно поднималось сомнение: а можно ли вообще все до конца оценить и доказать? Действительно ли так ясно и очевидно, что моя жизнь имеет смысл? Почему я такой, какой я есть? Во мне есть слабости и недостатки, от которых невозможно избавиться по мановению волшебной палочки. Почему мне нужно принять себя таким, какой я есть, со всеми плюсами и минусами? Оказалось непростым сделать это на основе аргументов разума.

И вообще чего я хочу? В чем смысл моей свободы? Почему она порождает не только добро? Что движет мной? Почему в мире существует вина? И эта возможность ошибки, вины – не задумка ли самого Создателя, и мои грехи отпущены? Мне казалось невозможным оправдать мою весьма не однозначную свободу рационального анализа.

Казалось бы, такая ясная и очевидная греко-томистическая метафизика – сущее есть бытие и не есть небытие – мало помогала в этих ежедневных, методично проверяемых совестью поисках. Вопросы и сомнения оставались: действительно ли бытие не является небытием? Всему существующему свойственна идентичность, истинность и добродетель. Но не является ли все суще-

ствующее одновременно крайне противоречивым, ложным, недобрым? Какая роль в мире отведена злу?

Ведь были же оспорены классические принципы бытия в эпоху нигилизма и экзистенциализма аргументами двойственности, конечности, брэнности, потерянности, а значит, ничтожности человеческого существования.

Не описывал ли Жан-Поль Сартр, чей экзистенциализм есть, по сути, гуманизм, человека как *trou d'être* – «дыру в бытии», как существо, которое должно само свободно творить себя? И не настоятельно ли выражал Ницше «подозрение», недоверие, сомнение по отношению ко всему, что существует и должно быть истинным и добродетельным, а в особенности ко всякой метафизике?

Жизненные кризисы

Во всяком случае, сам себя я постоянно ощущал как во многих отношениях противоречивое, двойственное существо, сильное и слабое, далекое от желаемого совершенства. Ни в коем случае не как идеального человека, а как человека со своими взлетами и падениями, со светлыми и темными сторонами, со всем тем, что К. Г. Юнг называет «тенью» личности – тем, что человек, вместо того чтобы проанализировать, предпочитает отодвинуть в сторону, вытеснить из сознания, подавить. И нет ли у некоторых из нас в душе желания быть все же немного другими: чуточку умнее, богаче, прекрасней. Зачастую мы легче принимаем мир, чем себя самих, такими, как мы есть или стали под влиянием других. Я как-то прочел у К. Г. Юнга: «Однако то, что кажется простым, всегда самое трудное. Ведь для того, чтобы быть простым, требуется высочайшее искусство; в принятии самого себя сходятся проблемы морали, проверяется суть того или иного мировоззрения» (*Über die Beziehung der Psychotherapie zur Seelsorge*, 1932)².

² Юнг К. Г. «Об отношении психотерапии к спасению души», в Юнг К. Г. *Бог и бессознательное*. М.: АСТ-ЛТД, 1998. – Прим. ред.

Я не сторонник жизненного пессимизма, который в любом действии предвидит неудачу. В жизни есть и успех, и прогресс, и подарки, и счастье. Но и удачливых людей не обходят стороной жизненные кризисы, которые все ставят под сомнение. Это может случиться уже в молодости и при выходе на пенсию или в пожилом возрасте, или когда грянет кризис среднего возраста, в любое время нас подстерегают фиаско в профессии, депрессия, смертельная болезнь. Если человек добился всего, чего мог, и уже не может добиться большего, что тогда?..

То, что мне довелось испытать в студенческие годы, я нашел десятилетие спустя очень точно описанным у католического богослова, который, как и я, но на десять лет раньше, преподавал в Тюбингене и тоже на богословском факультете. Это был Романо Гуардини, чья работа «Принять самого себя» (*Die Annahme seiner Selbst*) была опубликована в 1960-м, в год начала моего преподавания в Тюбингене. «Эта задача может быть очень сложной, – писал он, – Существует сопротивление тому, чтобы быть самим собой: зачем мне это? Разве я просился на этот свет?.. Есть чувство, что быть самим собой больше ничего не дает: что это мне даст? Я сам себе скучен. Я сам себе противен. Я больше не могу себя терпеть... Есть чувство, что ты сам себя обманываешь, что ты сам в себе сидишь под замком: я так мал, а хочу быть большим. У меня только эти способности, а хочу больших, более ярких. Всегда я должен делать то же самое. Всегда я натываюсь на границы, дальше которых нельзя. Всегда я совершаю те же ошибки, терплю те же поражения... Из всего этого может возникнуть безграничная монотонность, ужасная скука».

Как же мне (и это мой самый главный вопрос), не впадая в иррационализм, выработать положительный взгляд на самого себя и на эту сомнительную, амбивалентную действительность?

Жизненно важное решение отодвигается

Есть люди, которые годами не расстаются с экзистенциальными сомнениями по поводу собственного человеческого бытия и не

могут или не хотят избавиться от них. Я тоже отношусь к числу таких людей. В этой связи я вспоминаю Мартина Вальзера, моего, как и Гюнтера Грасса, ровесника, одного из ярчайших современных мастеров слова. У меня был с ним один-единственный короткий и дружеский разговор в антракте одной из опер Байройтского фестиваля. Я спросил его, не пора ли написать роман на тему религии. Он ответил, что да, действительно, эта тема не дает ему покоя, но ясности еще нет, время еще не пришло. Прошли годы, нам обоим уже за 80. И Мартин Вальзер рассказывает в своем последнем романе о 74-летнем Гете, который загорается бурной стариковской страстью к молодой женщине, доходит почти до смелотворности и терпит неудачу. Зеркальная ли это история самого Мартина Вальзера? Или Гетевский вопрос Гретхен: «Как ты относишься к религии?» окончательно заморожен?

Главным для меня был не вопрос о религии, а вопрос о моем отношении к жизни в целом. Как добиться конструктивного отношения к жизни, которое захватывало бы все человеческие переживания, поведение и поступки, когда совершенно не очевидны смысл и ценность этой в высшей степени сомнительной действительности, да и меня самого. Как добиться твердой позиции? Что нужно делать, чтобы жизнь удалась?

Очевидно, что в этом основном вопросе речь идет о моей свободной и именно поэтому столь ответственной позиции. Ведь я не полностью запрограммирован моей наследственностью или подсознанием и в то же время не полностью обусловлен моим окружением. Я свободен, конечно, до определенных границ. Несмотря на все аргументы нейрофизиологов, я не животное и не робот. В пространстве между «врожденным» и «детерминированной средой» я свободен в смысле самоопределения и ответственности за свою жизнь. Признаю, что я не могу теоретически доказать эту свободу выбора и решения. Но я могу в любой момент, когда захочу, непосредственно испытать ее на практике: я могу сейчас помолчать – нет, я лучше буду говорить – или, может быть, все же лучше помолчать? То есть у меня есть возможность поступать по-

разному. Вот сейчас я поступлю по-другому. Это опыт не только действия, но и отказа от действия. К сожалению, опыт не только побед, но зачастую и поражений.

Даже по мелким бытовым вопросам я могу принять то или иное решение, так же обстоит дело и с принципиальными вопросами, с вопросом отношения к жизни. Саму необходимость принятия решения я могу, конечно, игнорировать, могу отодвинуть, вытеснить из сознания, могу жить одним днем, избегать думать о последствиях. С психологической точки зрения есть много возможностей, но с философской есть принципиальная альтернатива: «да» или «нет». Я на собственном опыте понял, что помогает как следует задуматься об этих двух возможностях, ведь в период жизненного кризиса вы можете оказаться перед драматическим выбором.

Возможно принципиальное недоверие к жизни: в большей или меньшей степени сознательно я могу ответить отрицательно на вопрос, имеет ли моя жизнь смысл, сказать «нет» вообще всей действительности. Нигилистический подход, будь то философская рефлексия об отсутствии всякого смысла или прагматическая жизненная установка «а, все равно!» (если не сказать грубее), всегда найдет достаточно оснований, чтобы сделать вывод об абсурдности, разобщенности, пустоте, ничтожности и бессмысленности жизни. Таким принципиально недоверчивым людям нельзя ничем угодить. Вокруг них всегда царит атмосфера недовольства, брюзжания, цинизма.

Но возможно и принципиальное доверие к жизни: несмотря на всю бессмыслицу, я могу сознательно утверждать, что мое существование и самая жизнь имеют смысл. Несмотря на всю неоднозначность, мерзость, ничтожность жизни, я могу сказать «да» миру и смыслу моей жизни и действительности в целом. Конечно, это рискованный шаг, учитывая очевидную вероятность разочарования, вероятность неудачи. Безусловно, мне хочется, чтобы моя жизнь удалась, чтобы, несмотря на мои ошибки и слабости, я был бы чист перед собой, был бы доволен собой. Прожить

жизнь не зря, прожить жизнь счастливо. Но что поможет мне в этом?

Богословие, которое мало помогает

Уже студентом я жаждал четкого ответа на вопрос: «Почему я должен просто принять жизнь?» Мои римские преподаватели помогли мне поставить этот вопрос, но решение нужно было найти самому. Как сейчас помню, до чего я смутил этим вопросом моего первого духовного наставника. Он сослался на Бога. Но вопросы о моей собственной позиции, о смысле моей жизни, моей свободы, о смысле окружающей действительности казались мне насущнее, принципиальнее, чем вопрос о Боге, который, если рассуждать логически, нужно рассматривать уже после них.

Он парировал тем убийственным аргументом, что само мое упорство, в конце концов, есть восстание против Бога. Что на это возразишь? Я тихо попросился и удалился, так и не получив удовлетворительного ответа на вопрос: как я могу верить в Бога, когда не могу принять даже самого себя? Мне говорят, что нужно просто «верить». Но, с другой стороны, как нас учили в Папском Григорианском университете, вера – это понятие только «верхнего» уровня, собственно христианского откровения (Троица, Воплощение...). На «низшем», «натуральном» же уровне мышления нет места «вере», там должны господствовать разум и знания: ясное понимание и рациональные аргументы.

В последние годы учебы в Риме я сделал для себя еще одно открытие: протестантское богословие, с которым я тогда знакомился, с восторгом изучая монументальную догматику Карла Барта, также находится в замешательстве от этого вопроса. Что же, в этом основополагающем вопросе я должен просто довериться Слову Божьему? Просто читать Библию? А как быть тем миллиардам нехристиан, которые не знают Библии потому, что не могут или не хотят ее читать, или потому, что вообще не умеют читать?

Многие протестанты всерьез задаются вопросами: могут ли все нехристиане обрести твердую позицию в жизни, довериться жизни? Только ли вера в Христа есть условие для любого «да» по отношению к жизни и для любой основывающейся на этом этики? Жизненные вопросы, над которыми по сей день бьются и протестантские богословы.

Судьба «неверующих»

В то время как я, прилежный студент Папского университета, усердно, трактат за трактатом, штудировал неосхоластическое богословие и те положения, которые через сорок лет почти все вошли в Катехизис Католической церкви, меня все больше увлекала проблема разумного обоснования человеческого бытия и «спасения неверующих». *De salute infidelium*³ – так назывался семинар, который дал мне по этому вопросу много материала из христианской традиции. Но чувство неудовлетворенности оставалось: не было убедительного ответа на вопрос о спасении нехристиан и их позиции в жизни. И сегодня есть христиане, которые, напоминая грешнику об ответственности, грозят ему муками ада. Ад, конечно, предназначен для других, тех, кто «не с нами», *extra ecclesiam*, для иноверцев или для неверующих.

Мировые религии были для меня только одной из сторон проблемы «неверующих». В 1955 году я впервые посетил мусульманские страны Северной Африки, а через несколько лет впервые совершил кругосветное путешествие. Я встречался с множеством людей разного цвета кожи, различных культур и религий. Что же, никто из них не спасется, им всем предначертан ад? Но ведь сказано: «Бог хочет, чтобы все люди спаслись» (1 Тим 2:4). Другая сторона проблемы «неверующих» – растущее число представителей нехристианских конфессий в Европе, в том числе в моем ближайшем окружении, в университете. Не может ведь быть, что

³ О спасении неверующих (лат). – Прим. ред.

представители других религий, а тем более атеисты и агностики, так и не обретут твердой жизненной позиции, доверяя к жизни, что только вера в Христа является условием принятия любой действительности и любого этоса.

Нам читали много лекций об атеизме и агностицизме, но все они были довольно абстрактными. О современных философах нам говорили в отрыве от контекста их столь волнующих жизненных судеб. Получается, что одна духовная система создала вторую, а та, в свою очередь, третью! Разве не стояли за абстрактными интеллектуальными вопросами основателей философии современного секуляризованного мира жизненные вопросы, жизненные судьбы?

Вопрос сознательного, разумного обоснования человеческого существования так и оставался для меня нерешенным. Ключевым переживанием, правда, тоже отрицательным, стал для меня один длинный разговор, состоявшийся в 1953 году, во время моего второго и последнего пребывания на родине за семь лет учебы в Риме. Я проходил в то время многонедельную пасторскую практику в берлинском районе Моабит, в приходе Святого Лаврентия. Кроме прочего я вел дискуссии с молодым художником, который маялся приблизительно такими же проблемами смысла жизни, как и я. Но, несмотря на все мое философское и уже более чем двухгодичное богословское образование, я оказался неспособным дать моему собеседнику убедительный ответ. Не помогали и попытки аргументировать с точки зрения эстетики. Вновь вставал вопрос: как обрести место в жизни? В итоге я твердо решил больше не уходить от этого вопроса, а активно взяться за его решение.

Духовное переживание

В Германской коллегии у каждого студента был духовный наставник, доверенное лицо – спиритуал. Я имел счастье иметь таким наставником Вильгельма Кляйна, иезуита с большим жизненным опытом, много путешествовавшего, обладавшего основательны-

ми философско-богословскими знаниями, гегельянца. Он умер в 1998 году, в возрасте 102 лет. Вот один из его типичных каламбуров: тезисы григорианцев о разуме и откровении «прозрачны как вода», но они и есть «не более чем вода». К этому *homo spiritualis* я отправился после моего возвращения с практики.

И, конечно, я опять получил ответ, которого ожидал и на который у меня уже давно выработалась аллергия. Я заранее приготовился возражать, чтобы наконец-то добиться разрешения конфликта. Нужно верить! Верить? Верить?? Но это же не ответ! Я хочу *знать!*

И вдруг в разгар нашей беседы меня пронизывает мысль. Я не очень люблю слово «озарение», это был скорее духовный опыт. Во всяком случае, это интуитивное заключение пришло ко мне не от моего собеседника и не моими собственными усилиями. Может быть, извне, сверху?

«Верить»? Очевидно, в этом принципиальном вопросе речь идет не о вере в традиционном католическом понимании как интеллектуальном принятии сверхъестественных откровений, преимущественно в виде догм. Но и не о вере в протестантском смысле, как оправдывающем верующего принятии Божьей милости во Христе. Мое личное видение, наверное, тоже касается всего этого, но оно проще, элементарней, принципиальней. В вопросе сознательного, разумного обоснования человеческого существования речь идет – как для христиан, так и для нехристиан, и еще «до» прочтения Библии – о том, как обрести свою твердую позицию в жизни. Как принять самого себя со всеми теневыми сторонами? Как принять мою свободу, открытую и для зла? Как при всей бессмыслице признать смысл моей жизни? Как принять мир и человека как они есть, со всей их загадочностью и противоречивостью?

Что же мне открылось в этот момент? То, что от меня в этом вопросе требуется просто рискнуть, рискнуть довериться! Какой вызов: рискни сказать «да»! Вместо неизмеримого недоверия в облачении нигилизма или цинизма рискни принципиально довериться этой жизни, этой действительности! Вместо недо-

верия к жизни, попробуй отнестись с принципиальным доверием к жизни, к самому себе, к другим людям, ко всей спорной действительности.

Вот как выразил эту мысль Даг Хаммаршельд, тогдашний Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций. Я нашел это высказывание многие годы спустя. Оно датировано Троицей 1961 года (за четыре месяца до его гибели во время миротворческой миссии на границе Конго): «Я не знаю, кто-то или нечто поставили передо мной этот вопрос. Я не знаю, когда этот вопрос возник. Я не знаю, ответил ли я. Но однажды я ответил “да” кому-то или чему-то. С этого часа во мне есть уверенность, что бытие имеет смысл, и поэтому моя жизнь – в смиренном подчинении – имеет цель. С этого часа я узнал, что значит “не оглядываться назад”, “не беспокоиться о завтрашнем дне”» (*Zeichen am Weg*⁴, 1965. S. 170).

Не бойтесь глубоких вод

Это удивительное переживание наполнило меня необузданной радостью. Действительно: сказать «да», решиться довериться, рискнуть довериться жизни. Так и только так я могу продолжать мой жизненный путь, получить определенный положительный настрой, так я могу идти дальше с поднятой головой.

Это значит, что то самое глубинное доверие к жизни, которое я обрел еще ребенком, сохранил в подростковом возрасте и юношестве и от которого никогда не отказывался, будучи студентом, я теперь осознаю как часть себя. И та наполнившая меня безудержная радость была подобна той радости, которую я испытал ребенком, когда учился плавать, когда я впервые почувствовал, что вода действительно держит мое тело – и мое тоже! – и что я могу без чьей-либо и какой-либо поддержки полностью довериться воде. Ни теория, ни наблюдение с берега, ни тренировка на суше не

⁴ «Знаки на пути». – *Прим. пер.*

могли меня научить этому. Я должен был сам попробовать. И я попробовал: теперь это тщательно взвешенное доверие взрослого, зрелого человека к жизни.

Конечно, это доверие к жизни весьма критическое! Мне уже тогда было ясно: мое доверие не имеет ничего общего со слепой доверчивостью или дешевым оптимизмом. Ведь такая, зачастую печальная, действительность – и мир и я сам – не изменились. Изменилось только мое принципиальное отношение к ней. Мир не стал ни в коем случае непогрешимым, он остался полным противоречий, под постоянной угрозой превратиться в хаос и абсурд. И моя личность совсем не утратила своих теневых сторон. Она осталась непонятной, ошибающейся, виновной, смертной. Моя свобода и свобода людей вокруг, как и раньше, была способна на все.

Я понимаю, что многие люди, даже умеющие плавать, испытывают почти непреодолимый страх перед глубинами вод: вдруг они в них все же утонут? Специалисты предупреждают родителей, которые учат своих детей в возрасте от одного года до четырех лет плавать: будьте внимательны, маленькие дети еще не способны сами оценить опасность. Должен признаться, что и я в свои юные годы чувствовал себя не очень уютно, когда один-одинешенек заплывал далеко на нашем озере, да еще и в пасмурную погоду. Я вдруг осознал, что глубина озера почти 90 метров, и мне никто не сможет помочь. Но если вы не хотите пойти ко дну, когда плаваете в естественном водоеме, то нельзя останавливаться, нужно непрерывно, неустанно двигаться, чтобы достичь берега. А если вы вдруг попали в туман, то надо как можно быстрее постараться увидеть деревья на берегу, указывающие вам, куда плыть.

Жизнь в мире этом – не безопасный бассейн, в котором можно в любую минуту нащупать ногами дно и отдохнуть. Жизнь полна бездн и подобна, в особенности в политике и экономике, аквариуму с акулами. И кто стремится к жизни, всегда надежно защищенной и от всего застрахованной, рано или поздно должен будет на собственном опыте узнать, что и его жизнь всегда будет незащи-

щенной, полной взлетов и падений, шансов и опасностей. И важно на взлете не потерять голову от высокомерия, а при падении не упасть духом. Правильно поступает тот, кто имеет реалистическое представление о самом себе и отказывается от идеализации себя и завышенных требований к себе.

Но разумно ли это – решиться плыть, хотя и зная о многих успешных примерах, но не имея доказательств того, что ты тоже сумеешь? Да, я увижу, что это разумно *на собственном опыте*, во время плавания! Мое доверие к жизни ни в коем случае не иррационально, оно поддается проверке. Конечно, мою принципиально положительную позицию, мой в принципе антинигилистический, конструктивный подход к жизни невозможно «объективно» обосновать. То, что может обосновать мое глубинное доверие, не проявляется как очевидное и разумное. Нет никакой «архимедовой точки опоры» как предпосылки мышления. И даже такой критичный мыслитель, как австрийско-британский философ и теоретик принципов научного познания Карл Поппер, не мог не поставить в основу своего «критического рационализма», как минимум, разумность разума, «веру в разум», как он особо подчеркивает (*Revolution oder Reform?*⁵, 1971).

Философы-рационалисты, может быть, и считают такое доверие к разуму иррациональным; сам Поппер говорит об «иррациональном решении». Но таким образом они сами демонстрируют иррациональную основу своего рационализма. Я лично не стал бы говорить об этой возможности довериться разуму, этом принципиальном доверии к разуму как о чем-то иррациональном. Хотя доверие к разуму и невозможно изначально доказать, но его можно вполне *испытать в действии*. В применении разума, в открытии себя действительности, в принятии ее. Глубинное доверие к действительности, так же как и другие важнейшие переживания, такие, как любовь или надежда, нельзя доказать аргументами до или после переживания. Это не предпосылка моего решения, но

⁵ «Революция или реформа». – *Прим. пер.*

и не следствие его. Это доверие познается в момент выполнения моего решения, в самом действии, познается как нечто весьма разумное и имеющее смысл.

Нигилистическое «нет», циничное глубинное недоверие, хотя и не сдает свои позиции под напором даже самых рациональных аргументов, все больше запутывается в противоречиях. Убедительный пример тому – сочинения Фридриха Ницше, его жизнь и духовное угасание. А принципиальное «да» может сохраниться на всю жизнь, несмотря на все трудности и препятствия. Я познал это на собственном опыте: человеку, живущему в согласии с жизнью, несмотря на все испытания и разочарования, снова и снова удается нащупать почву под ногами и таким образом продвигаться вперед. Ведь глубинное доверие, постоянно сопротивляясь подступающему разочарованию и отчаянию, превращается в неисчезающую надежду. Так можно упражняться в добродетели упорства (*Perseverantia*), в выдержке, терпении, выносливости.

Жизненное доверие и религиозные убеждения

Может быть, можно назвать глубинное доверие «верой»? Я думаю, что можно, но делать этого не следует. Есть философы, как например, заслуживающий уважения Карл Ясперс, которые говорят о «философской вере», не делая четкого различия между верой и глубинным доверием. Другие, наоборот, называя глубинное доверие «первобытным доверием» (как например, психиатр из Базеля Бальтазар Штелин), придают этому понятию богословски-мистический, а иногда и полемический антипросвещенческий оттенок.

Ради ясности понятий мне всегда казалось важным различать глубинное доверие и веру в смысле религиозного убеждения или веры в Бога. Мне никогда не хотелось интерпретировать человека с богословской точки зрения иначе, чем он себя понимает сам. Не хотелось, в отличие от других богословов, делать из Ницше верующего, а из атеистов и агностиков скрытых, потенциальных или, как в свое время говорил богослов Карл Ранер, «анонимных» хри-

стиан. Мне было уже давно ясно, что многие, в особенности иудеи и мусульмане, воспримут это догматическое «обезличивание» как попытку христианства использовать их в своих целях.

При этом отношения между глубинным доверием и верой могут иметь достаточно сложные формы. Из своего опыта, который подтверждает и Эрик Эриксон, могу сказать, что есть три группы людей:

– Люди, которые черпают свое доверие к жизни из религиозной веры. Они мотивированы религиозно и готовы к исключительным усилиям в жизни, к трудностям и стойкости в кризисных ситуациях: ими движет убежденная и убедительная вера.

– Но есть люди, которые называют себя верующими, однако не испытывают доверия к жизни, к людям и к себе самим. Они находятся в затруднительном положении: они, так сказать, руками хватаются за облака, а на земле не находят опоры. Оторванные от мира религиозные мечтатели и энтузиасты, которым не хватает связи с жизнью.

– И наконец, есть люди, у которых есть доверие к жизни, но в то же время нет религиозной веры. Мы не можем отрицать, что такие люди, стоящие двумя ногами на земле, могут выдерживать сложные жизненные обстоятельства так же хорошо, а иногда и лучше, чем некоторые верующие. Они черпают свое доверие из человеческих отношений, из производительного труда, их научной или политической деятельности, из гуманистической морали.

Из этого я прихожу к выводу: исходя из собственного глубинного доверия, и атеисты и агностики могут прожить жизнь вполне человечно и в этом смысле высоко морально. Другими словами, из атеизма не обязательно следует нигилизм. В этом смысле я должен возразить Достоевскому: даже если бы Бога не существовало, отнюдь не все было бы дозволено!

Доверие как основа науки, политики и экономики

Я сам с течением жизни осознал: глубинное доверие не только определяет первый этап развития человека, но и остается на

всю жизнь *краеугольным камнем психически здоровой личности*, а жизненным контрапунктом к нему, конечно, остается глубинное недоверие. Ведь все дело всегда в том, чтобы (используя терминологию психоаналитика и психотерапевта Хорста Эберхарда Рихтера) не «убежать» и уклониться, а «устоять» и выдержать, особенно в таком крайне сложном обществе, как наше. Глубинное доверие, таким образом, это основа чувства самоидентичности, которое необходимо сохранить, каждый раз по-новому проходя через все социально-психологические конфликты. Глубинное доверие остается пожизненной задачей, его необходимо снова и снова получать в подарок от жизни.

Между тем глубинное доверие жизненно важно не только для личности, но и общества. Тридцать лет тому назад я написал в своей книге «Существует ли Бог?» большую главу о «глубинном доверии». И не вызвал никакого интереса у гильдии богословов и философов. Уже тогда я говорил о доверии как основе этики и науки. Позже мне становилось все яснее, какое очевидное значение имеет глубинное доверие для всей жизни общества, даже для мировой политики и экономики.

Но нужно было пережить мировой экономический кризис в 2008–2009 гг., чтобы люди на себе почувствовали, что может означать *недостаток доверия*. Глубинное доверие стало им понятным в своем общественном измерении. Суть кризиса – недоверие крупных банков друг к другу, порожденное ими же самими, и вытекающие из этого фатальные последствия для предприятий всего мира, домовладельцев, бесчисленных частных вкладчиков. Более чем когда-либо видно, какое фундаментальное значение имеет доверие именно для экономической деятельности во всем мире. В результате экономического кризиса вдруг заговорили о доверии как главной валюте функционирующих финансовых рынков, о разрушенном и столь необходимом «системном доверии».

Поэтому я несколько не преувеличу, если назову доверие *основой человеческого сосуществования*. В фирмах сегодня говорят о необходимости доверия между руководителями и сотрудниками,

между коллегами и партнерами. Ведь контроль не может заменить доверия, как профессиональные знания не заменят сильные качества личности, а профессиональная эффективность – характер. Ищут руководителей, которые могут вызывать и сохранять доверие, ибо только они способны в трудные времена удерживать ценных сотрудников, укрепить их доверие к предприятию и показать путь в настоящем и будущем. Перед лицом растущего дефицита доверия, не в последнюю очередь в финансовой отрасли, консультанты, продавцы, аналитики должны заново завоевывать утраченное доверие и выработать в себе правдивость, мужество, умеренность. При этом разумное доверие, как раз в финансовой области, включает в себя определенный скептицизм и требует рациональной оценки рисков. Доверие не заменяет собственной оценки, а также государственного или сверхгосударственного регулирования финансовых рынков.

При всем при том важно всегда сознавать, что ни государственная, ни церковная власть, ни государственный чиновник, ни папа Римский не могут претендовать на безусловное, а потому некритическое доверие. Я могу проиллюстрировать это одной небольшой историей: «Вы должны мне доверять», – говорил мне, приглашенному на Собор молодому богослову, папа Павел VI во время личной аудиенции в конце Второго Ватиканского собора, 2 декабря 1965 года. *Deve averi fiducia in me*. Можно ли сказать на это «нет»? Я ответил: «Я доверяю Вам, *Santita, ma non in tutti quelli che sono in torno a Lei* – но не всем, кто Вас окружает». Прямота ответа, не принятая при дворе папы, заставила его слегка вздрогнуть. Если бы он в духе Собора попросил меня принять участие в серьезных реформах курии, я бы наверняка не отказал ему в доверии. Но сохранившийся еще со Средних веков абсолютизм римской системы, от которого он, в согласии с непоколебимым ядром курии, очевидно, не хотел отказаться, не заслуживал и не заслуживает доверия.

И сейчас, почти пять десятилетий спустя, оглядываясь назад, я вижу, что сегодня важно для любой духовности: при всем дове-

рии к жизни, одна из четырех главных добродетелей – *жизненная мудрость* – требует от нас в практической сфере рассудительности, баланса между доверием и разумными сомнениями, а в отдельных случаях даже скептицизма и недоверия. Отказ в доверии может оказаться в определенной жизненной ситуации решающим. С другой стороны, доверяя, следует всегда давать людям и событиям шанс, в надежде, что мне будет ниспослана сила выдержать поражение и не опустить головы. Стоит и дальше думать о смысле жизни, жизненном пути и жизненной модели. Но сначала поговорим о радости жизни.

2. Радость жизни

«...Я никогда не ложусь в постель, не подумав при этом, что, может быть (хотя я и молод), уже не увижу нового дня. Но при этом никто из моих знакомых не сможет сказать, что я угрюм или печален. За это блаженство я всякий день благодарю Творца и от души желаю этого блаженства каждому из моих ближних».

Вольфганг Амадей Моцарт – из письма отцу, 4 апреля 1787 г.
(за четыре года до смерти).

Доверие к жизни – это хорошо, радость жизни – еще лучше. Так можно было бы сказать, имея в виду истинную радость, не злорадство, которое, как гласит пословица «самая прекрасная радость». Немецкое слово *Schadenfreude*¹ даже вошло как заимствование в английский язык, т. к. английский вариант – *malicious pleasure* – не обязательно выражает радость от неприятности.

И вот в 2009 году не я один задался вопросом, что же случилось с рассудительными лондонцами: более 800 автобусов разъезжают по городу с надписью *There is probably no God* – «Вероятно, Бога нет». Смысл акции становится понятным, если знать, что это реакция на распространявшиеся до этого в тех же автобусах угрозы верующих фундаменталистов, что все неверующие будут гореть в аду. Эти полные злорадства угрозы печального конца для всех неверующих должны были навсегда испортить им радость жизни. Поэтому-то убежденные атеисты и прибавляют к своему отрицанию Бога жизнерадостную формулу: *Now stop worrying und enjoy your life* – «Перестаньте беспокоиться, наслаждайтесь жизнью».

Эта атеистическая акция, распространенная и на другие страны, была проведена при финансовой поддержке протагониста «нового атеизма», британского нейропсихолога Ричарда Докинза.

¹ «Злорадство» (нем.), калька с немецкого *Schaden* (вред, ущерб) + *Freude* (радость) – радость, связанная с чужой неудачей. – *Прим. ред.*

Этот человек, написавший ряд серьезных научных работ, автор книги под названием «Бог как иллюзия» (*The God Delusion*, 2006). За столь легкомысленно-одностороннюю, снисходительно-самодовольную критику религии он бы наверняка попал под прицел того философа, который первым в конце XIX века тожественно объявил о «смерти Бога». Фридрих Ницше иронизировал над «нашими господами естествоиспытателями и физиологами», которым «не достает страсти в этих вещах, они не *страдают* ими» (*Der Antichrist*, № 8²). Они не могут себе представить, что значит – потерять Бога. В ответ на крик «безумного человека: “Я ищу Бога! Я ищу Бога!” – вокруг него раздался хохот».

«Веселая наука»

Ницше приводит притчу о безумном человеке в своей книге «Веселая наука» (III, № 125). Под «веселой наукой» понимается провансальская *gaya scienza* поэта, рыцаря, вольнодумца, с которой трубадур танцует, не думая о морали (в «Песнях принца Фогельфрай»). Для Ницше это решающий шаг к внутреннему и внешнему выздоровлению, к новой радости жизни, *радости жизни без Бога!*

Когда в 2009 году я читал доклад в Верхнем Энгадине (Швейцария) и смотрел из окна гостиницы, на высоте 2000 метров над уровнем моря, вниз на озеро Зильсерзее, я снова думал об этом: здесь в 1882 году Ницше писал свою «Веселую науку», с новым энтузиазмом, ведь его здоровье заметно улучшилось после первого пребывания в деревушке Сильс-Мария. Разве могу я забыть притчу о «безумном человеке», в самом начале которой появляются три мощных образа Бога, когда безумец кричит: «Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы?» И далее после смерти Бога целый каскад отчаянных вопросов: «Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерыв-

² «Антихрист», в Ницше Фридрих. *Сочинения*: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. – Прим. ред.

но? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли среди бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребаяющих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? – и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили!»

И, несмотря на это, Ницше хочет показать в своей «Веселой науке», что для будущего человечества смерть Бога означает новый свет и новое счастье, новое облегчение, веселье, бодрость, зарю. Горизонт вновь очистился. Наши корабли снова могут выйти в плавание, не думая об опасности. Вновь разрешен любой риск на пути познания. Море вновь свободно раскинулось перед нами, и, может быть, никогда еще не было такого свободного пространства.

Так что же, в жизни больше радости, если нет Бога? Но более отдаленные последствия смерти Бога оказываются скорее потрясением и опустошением, которые вскоре подступают и к личной судьбе Ницше. В конце своей жизни, незадолго до полного помрачения рассудка в 1889 году, он призывает Бога вернуться, того Бога, который для него и боль и счастье одновременно:

*Нет!
Возвращайся!
Со всеми твоими пытками!
Все мои слезы рвутся
тебе навстречу,
последнее пламя сердца
горит навстречу тебе.
Возвращайся же,
мой неизвестный Бог! Моя боль!
Мое последнее счастье!*

(«Жалоба Ариадны», из цикла
«Дионисийские дифирамбы»³.)

³ Ницше Фридрих. *Стихотворения. Философская проза.* СПб: Художественная литература, 1993. – *Прим. ред.*

Счастье – это вечная страсть человека. Счастье – великое закливание. Счастье – вот она, истинная волшебная формула?

Главное, я счастлив?

Хочу процитировать знаменитый припев из мюзикла «Моя прекрасная леди» (это моя любимая оперетта): *With a little bit of luck* – «немножко счастья» и радости, бесспорно, лучше помогут пройти по жизни, чем постоянные пессимизм и разочарование в культуре. Не лучше ли нам сегодня идти по пути «англосаксонского оптимизма», чем «немецкого страха»? *German Angst* – и это, казалось бы, типичное немецкое слово «страх» было заимствовано английским языком в таком сочетании.

Нет, и то и другое – общие лозунги. Ведь в британских и американских средствах массовой информации мы встретим выражения вроде: «Фиаско наше насущное подавай нам на каждый день» – так сказать, «Отче наш» современности. А у немецких фельетонистов, наоборот, периодически встречаются выражения, свидетельствующие о культурном здоровье. Впрочем, мне всегда импонировало то, что написано в качестве программного пункта в первой американской конституции 1787 года: человек имеет право на счастье (*happiness*) наряду с правом на жизнь и свободу. И не немецкий, а английский философ и социальный реформатор Иеремия Бентам уже в 1789 году построил свою морально-правовую систему утилитаризма на принципе «наибольшего счастья для наибольшего числа индивидуумов». При этом в английском языке (как и в латыни) существует четкое различие между счастьем как исполнением желаний (*happiness, beatitudo*) и счастьем как удачей (*luck, fortuna*). Может быть, все же из счастливых случайностей может сложиться счастливая жизнь?

Для меня лично важно счастье мгновения: когда утром передо мной открывается сверкающий на солнце снежный ландшафт, или кто-то подарит мне доброе слово или приветливый жест, или я могу кому-то доставить радость. Маленькое счастье повседнев-

ности. Но никто не в силах удержать навечно счастье высоких моментов: упоения музыкой, наслаждения величием природы, экстаза любви. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Уже Фауст Гете хотел удержать мгновение – безрезультатно. Ведь так много надо для счастья и так мало для несчастья: *Bonum ex integra causa, malum ex quolibet defectu* («Добро вырастает лишь из совершенной причины, зло – из любого недостатка»), это я выучил еще студентом в Риме. И нейробиология счастья учит нас, что хотя различная информация и может давать толчок выработке эндорфинов, гормонов счастья в человеческом мозгу, и вызывать ощущение счастья, но привыкание притупляет чувства, и наша биологическая система счастья не рассчитана на долгое существование.

Поэтому я скептически отношусь к попыткам вызвать счастье искусственно. Слишком часто человеческое стремление к счастью используется в политических и коммерческих целях. Счастье нельзя вызвать рекламой. Тот, кто не владеет своими чувствами, не найдет счастья в жизни. Употребление наркотиков – а что только не является наркотиком в современном мире! – хотя и дает на мгновение чувство счастья, но в долгосрочной перспективе лишь усиливает уныние. Нет лекарства для счастливой жизни и продолжительной радости.

И материальное благополучие тоже не может бесконечно усиливать чувство счастья. Миллионы на счету в банке хотя и успокаивают, но не делают человека автоматически счастливее. Жадность и желание иметь как можно больше – мировой экономической кризис доказывает это – ведут к спекулятивной лихорадке и личным катастрофам, к миллиардным убыткам и несчастьем миллионов людей.

Решающее значение для счастливой жизни имеет не финансовое положение человека, а его духовная позиция и активность. Ведь действительно существует нечто, что можно назвать, конечно, относительно, счастливой жизнью: счастье не как эйфория, а как фоновое настроение, которое помогает преодолевать и неудачи. Принимать жизнь как она есть, при этом не соглашаясь со

всем! Я часто восхищаюсь людьми в инвалидных колясках, они выглядят счастливее, чем многие здоровые люди. Восхищаюсь родителями детей-инвалидов, которые, несмотря ни на что, излучают энергию и жизнерадостность. Восхищаюсь мужественными женщинами и мужчинами (христианами и нехристианами), которые бескорыстно трудятся, помогая самым бедным людям нашего мира в трущобах Найроби, Сан Сальвадора или Чикаго.

Счастливы те, кто, несмотря на трудности повседневной жизни, живут в мире с самими собой, довольны прожитым и пронесли через все несчастья способность сердца к радости. Во всяком случае, девиз нашего заиклившегося на удовольствиях общества: «главное, чтобы я был счастлив» – не мой жизненный принцип. Удовольствия гедониста слишком часто приводят к разочарованиям, и даже самый утонченный сибарит попадет рано или поздно в ситуацию, когда станет не до «веселья» и удовольствий.

Постоянная радость жизни выражается не в словах «я счастлив», а скорее в словах «я в гармонии и мире с самим собой, я доволен». Это не исключает ни взлетов, ни падений настроения.

Радостное сосуществование

Приподнятое состояние духа: «Какой был самый прекрасный день в Вашей жизни? По какому поводу Вы испытали самую сильную радость?» – на эти вопросы в интервью я обычно не отвечаю. Слишком многое зависит от точки зрения, от обстоятельств, от возраста. Я пережил много радостных дней. Но постоянные повседневные радости для меня так же важны, как и быстро пролетающие дни сильного радостного подъема.

Одна женщина, посетившая меня на мое 80-летие, написала мне, что ей особенно бросилось в глаза, как я радовался: «Я еще никогда не видела, чтобы человек так умел всему радоваться». При всем желании я не вспомню сейчас, чему я радовался в тот день. Но я уверен, что причиной была и моя собеседница: то, как она вела себя и о чем рассказывала. Действительно, я всегда умел

радоваться многому. Больше всего, конечно, людям, женщинам и мужчинам, с которыми я сталкивался в жизни и без которых не мог бы жить и работать. Некоторых из них я уже назвал поименно в двух томах моих воспоминаний (и в книге «Женщина в христианстве»), некоторым надеюсь воздать должное в третьем томе.

Итак, это сосуществование в целом радостное. Я не рожден быть отшельником. Конечно, и я не могу относиться одинаково дружелюбно ко всем людям. Одни люди нам нравятся, другие – нет, третьи оставляют нас равнодушными. Но я сам многократно испытал, сколь благотворное влияние оказывает дружелюбное отношение совершенно чужого человека, как прибавляются силы от выраженной в письме поддержки и благодарности. Подобно тому как маленькому ребенку нужна мать или наставник, чтобы завоевать доверие к себе и окружающему миру, так же и взрослому человеку нужны окружающие, чтобы сохранить и укрепить доверие к этому не всегда дружелюбному к нам миру. Самоуважение и терпимость, привитые нам доверительными и искренними воспитателями, будут служить нам верой и правдой всю жизнь.

Скажу еще точнее: для того, чтобы ориентироваться в жизни, каждому «я» необходимо «ты». Не только что-то, какая-то вещь, а кто-то, другая личность, способная к свободе, помощи, добру, пониманию, к которой человек может обращаться на «ты», которой может довериться и доверять. Без доверия нет радости от совместной жизни и работы. Это касается, как было показано в предыдущей главе, и успешной экономической деятельности, и эффективной политики, общественных личностей, организаций, институтов. Ну и конечно, личной жизни каждого: без доверия нет дружбы, любви, партнерства, брака, нет психотерапии. Тот кризис доверия, который мы наблюдаем сегодня не только по отношению к политикам и журналистам, но и к менеджерам, врачам, священникам, вызванный зачастую моральным фиаско и проступками отдельных личностей, имеет тяжелые последствия. На фоне участвовавших случаев разрушения доверия мы имеем право на критику, но не на предвзятые обобщения и осуждения.

Радостное сосуществование людей различного происхождения, разной национальной и религиозной принадлежности как раз в Европе нарушается и омрачается обобщенными суждениями, насаждаемыми средствами массовой информации. Между католиками и протестантами, к счастью, уже не существует противоречий. Но так же, как раньше многие считали, что нельзя доверять иудеям, так и сегодня зачастую звучит: «Не связывайся с мусульманами». А многие иудеи и мусульмане то же самое думают о христианах. Подобным образом ведут себя в Индии некоторые индусы по отношению к мусульманам, или в Шри-Ланке буддисты-националисты по отношению к тамилам, и всегда такое отношение взаимно. Унизительные наклейки раздают верующие различных исповеданий «неверным», атеистам, скептикам, разного рода сомневающимся, а они, в свою очередь, поступают так же. Я уже не говорю о пресловутых политических обобщениях типа: «немцы», «швейцарцы», «американцы», «китайцы». Мой опыт противоречит этому: во всех странах, конфессиях и культурах я встречал мужчин и женщин, которым можно доверять и с которыми я мог на доверительной основе сотрудничать.

Не всем можно доверять

Естественно, нельзя заранее доверять каждому. Обычно я готов принимать людей, которые мне встречаются, изначально доверяя им. Но всегда бывают и те, кто дает серьезный повод к недоверию. Но, кроме того, есть еще тот неприятный сорт людей, которые встречаются и в политике, и в экономике, и в культуре, и в науке – их не всегда сразу распознаешь, но выдает их дух, который называется «Эгоист». В самом лучшем случае они верят только в себя, а вообще-то – в буквальном смысле – в ничто (от лат. *nihil* – ничто). Они не признают никаких идеалов, норм, истин, и поэтому их справедливо называют, как Тургенев своего героя в романе «Отцы и дети» (1862) или, как Фридрих Ницше, нигилистами.

Интенсивней всего я изучал именно этот принципиальный нигилизм, философски или не философски обоснованный. Об этом можно прочесть в моей книге «Существует ли Бог?» Прозорливее других предвидел приход этого нового человеческого типа нашего времени Фридрих Ницше. Для такого человека смыт горизонт смысла, он не признает и не знает ни высших принципов, ни обязывающих норм, ни надежных авторитетов. Против этого никакая философия не поможет. Нет никаких рациональных аргументов – в этом я уверен, – которые могли бы переубедить того, кто утверждает, что жизнь в конечном счете бессмысленна, что миром управляют случайность, слепой рок, хаос, нелепость и иллюзии, короче говоря, что все на свете ничтожно. Такое мнение нельзя опровергнуть рассуждениями. Но, с другой стороны, такое нигилистское представление также нельзя доказать рационально. Ведь вполне может быть и так, что вот эта человеческая жизнь все-таки не бессмысленна, не бесполезна, не ничтожна, не безотраднa. Иными словами, этот выбор за самим человеком!

Конечно, в ходе политических выборов наше демократическое общество навряд ли выскажет доверие политику или общественному деятелю, который громко и открыто, с пафосом «Заратустры» Ницше объявит своим мерилом принципиальный нигилизм ценностей и норм. Гораздо более распространен в наше время *тривиальный, практический* нигилизм: жить так, будто ничто не имеет значения, словно *anything goes*, если только живешь, «получая удовольствия». Это поверхностная «веселая наука», не-серьезный образ жизни.

Я далек от любой личной дискредитации и клеветы. Но не обязательно быть самодовольным моралистом, чтобы держаться подальше от людей с таким взглядом на жизнь. Особенно если они и в собственных глазах циники (от греч. *kynikós* – подлый, бесстыдный).

Я не имею ничего против остроумного политического кабаре или хорошей комедии с их колкой иронией, сатирой и сарказмом. Но я протестую против цинизма, который в борьбе за власть в по-

литике, экономке, публицистике намеренно злобно подвергает инакомыслящих издевательской, оскорбительной, уничтожающей критике и при этом продает любые истины, ценности и нормы. Сродни цинизму еще один феномен нашего времени, который я по аналогии с гробианизмом⁴ в литературе XV–XVI веков назвал «глумизмом», именуя так распространенное, особенно в публицистике, глумление как стилистическое средство для систематического принижения и оскорбления личности.

Нигилизм, цинизм и «глумизм» – это разрушительные тенденции, которые могут испортить подлинную радость жизни у человека и у окружающих. Ведь бывают такие неприятные представители человеческого рода – тут мне, кроме прочего, вспоминаются некоторые заседания кафедры, – от чьего присутствия или отсутствия меняется вся атмосфера. Хочется пожелать этим всегда капризным и ворчливым согражданам, которые усложняют жизнь другим и себе самим, чтобы им выпало на долю больше подлинной радости жизни.

Радость от встречи с природой

«Радоваться многому»: для меня к этому в первую очередь относится радость от встречи с природой. Я унаследовал это от матери. До сих пор звучат у меня в ушах ее слова: «Посмотри, как же красиво!..» И это могут быть совсем простые вещи. Я не могу утверждать, что умею разговаривать с растениями («Все это глупости», – сказал мне на это один знакомый ботаник). Но я могу радоваться одной-единственной розе в моем рабочем кабинете: сколько оттенков, форм лепестков! И я с восхищением наблюдаю за быстрой сменой состояний великолепной розовой японской вишни под моим окном: вот она зацветает, цветет пышным цветом, отцветает.

⁴ *Grobianismus* (нем.) – особое течение в немецкой литературе, возникло как пародийное подражание дидактическим поучениям, «зерцалам» (*Tischzuchten*). – *Прим. ред.*

Да, в природе можно найти тысячи и сотни тысяч вещей, которым люди могут радоваться – *если* они этого захотят! Потому что есть люди, и даже вполне образованные, которые не находят радости в природе. Им не хватает глубокого ощущения природы, как другим не хватает чувства музыки или искусства. Есть литературоведы, которые, где бы они ни находились, всегда находятся в мире своих книг. Или естествоиспытатели, которые видят мир сквозь свои физические, химические или биологические очки без всякого чувства красоты и великолепия природы. Или люди, которые живут только в мире своего бизнеса. Или те, вся жизнь которых вращается вокруг моды, косметики, здоровья. Природа для них в лучшем случае периферийное явление жизни. Они не замечают, что происходит в природе и какого богатства они лишаются.

Я много жил в больших городах, где люди в лучшем случае могут позволить себе домашнее растение, и мне сильно не хватало природы. Как и солнце, природа – это жизненная сила, дающая нам телесный и душевный комфорт. С юных лет я при любой возможности работаю на свежем воздухе. Я хорошо понимаю людей, которые выращивают свой садик на балконе, если нет другой возможности, или тех, кто влюбляется в какой-нибудь ландшафт. Каждый день я радуюсь потрясающей панораме, которая открывается передо мной в Тюбингене, каждый день по-разному, в зависимости от погоды и времени года и дня: первозданная гора Остерберг в центре города, а вдалеке – горная гряда Швабского Альба. Это так похоже на мою родную Швейцарию: цепочка Альп, а перед ней, среди мягких холмов, Земпахское озеро, зеркало неба, меняющее свое лицо и настроение от каждого дуновения ветра.

Каждый человек может вспомнить свои собственные впечатления от природы, в том числе и крупные, отложившиеся надолго в памяти. Всю жизнь я буду вспоминать, как однажды, катаясь на лыжах, великолепным ясным зимним днем, был потрясен великолепной панорамой бесчисленных залитых солнцем и покрытых

снегом вершин Альп, открывшейся мне с перевала Вайсфлуйох в Давосе. «Пейте, глаза, без конца, без запрета всё золотое обилие света!» – эти слова швейцарского национального поэта Готтфрида Келлера⁵, наверное, не только мне приходят на ум в этом месте.

Но я был также потрясен, когда впервые на тихоокеанском острове Пен погрузился с аквалангом в подводные глубины и проплыл в невероятном зелено-голубом свете вместе с многочисленными причудливыми рыбами и морскими животными вокруг кораллового рифа. Я знаю, что многие, даже плавая вокруг рифа с маской и трубкой, могут потерять счет времени.

Но, пожалуйста, при всей радости не стоит впадать в ложную мечтательность! Один и тот же ландшафт может при других обстоятельствах вселить в человека страх. Если океан бушует, или с гор дует фен, по лицу хлещет снег со льдом, туман полностью накрывает лыжника при спуске с гор, или кончается кислород во время ныряния, тогда природа показывает нам свое второе, опасное, а иногда и ужасное лицо. Природа может быть как другом, так и врагом человека и в большом, и в малом. На протяжении столетий человек ощущал недружелюбие природы.

Но если мы говорим о природе, то думаем не только о ландшафте или растительности, но также и о животных.

А животные?

Конечно, по-прежнему есть богословы, которые считают, что животные к нашей вере отношения почти не имеют и что их достаточно всего лишь мельком упомянуть в богословии творения. «Подобно аккуратной хозяйке, которая, убрав комнату, закрывает дверь, заботясь о том, чтобы в комнату не вошла собака и не испачкала лапами чистый пол, европейские мыслители тщательно следят за тем, чтобы в их этику не пробрались никакие звери», –

⁵ Gottfried Keller. *Abendlied* («Вечерняя песня»). Перевод В. Кормана (см. <http://stihi.ru/2007/10/07/2209>). – *Прим. пер.*

писал в книге «Культура и этика» Альберт Швейцер (*Kultur und Ethik*⁶, 1971. S. 362 f).

Но времена меняются. И видно это не только по прекрасным телепередачам о диких животных. Основанному уже в XIX веке движению в защиту животных, ставшему на сегодняшний день международным, помогают эффективно достучаться до широких масс в особенности два момента:

– *теория эволюции*, подтвержденная микробиологией: она демонстрирует родство человека с животными, особенно с высшими приматами, на основе общей наследственной информации. Гены человека отличаются от генов шимпанзе примерно только в одном проценте звеньев ДНК, это 30 миллионов из примерно 3 миллиардов частей генома;

– *принцип неистощительного использования*: он требует бережно обходиться с флорой и фауной и одновременно дальновидно думать не только о сегодняшнем дне, но и о будущих поколениях. Этот принцип на сегодняшний день все более широко признается в экономике и политике.

Некоторые люди не любят животных. Я животных люблю, но за неимением времени и места не могу и не хочу позволить себе держать домашних животных, не считая случайных муравьев, ос и пауков. Однако мне знакомо немало людей, которым их собака или кошка доставляет ежедневную радость, несмотря на все неудобства. Собака – друг человека? Особенно для внешне или внутренне одиноких людей животные могут быть настоящими товарищами. И почему бы человеку не приписывать животным личностные свойства: преданность, чувство симпатии, радость и печаль? Такой взгляд подтверждается новейшими исследованиями: высокоразвитые животные на самом деле могут испытывать чувства подобно человеку. Как раз поэтому общение с ними улучшает качество жизни. И, кроме того, как отмечают опытные педагоги,

⁶ «Культура и этика», гл. XX, в Швейцер А. *Благоговение перед жизнью*. М.: Прогресс, 1992. – *Прим. ред.*

домашние животные, за которыми нужно следить и ухаживать, приносят немалую пользу для развития детей.

Особенную тихую радость мне доставляют птички, вольно живущие и поющие в наших богатых лесом краях. Птичий заповедник на моем родном озере – это настоящий рай для птиц. А когда я плаваю, я всегда внимательно наблюдаю за всякого рода водными птицами, от лебедя до чомги.

Любители животных иногда спрашивают моего мнения, не попадут ли после завершения их земной жизни если уж не птицы, то хотя бы кошки и собаки в своего рода вечный «животный рай». Я не решаюсь ответить «да» и как раз наоборот, сомневаюсь, разумно ли строить все больше кладбищ для животных, в то время как из соображений экономии места умерших людей сжигают вместо погребения. Возражения у меня возникают и когда противопоставляют будто бы неиспорченных, естественных животных якобы насквозь фальшивому и себялюбивому человеку. На самом ли деле животные лучше людей? Во всяком случае, животные не люди.

Но, с другой стороны, животные и не являются просто вещами или товаром. Человек не должен распоряжаться ими как ему угодно. Они ни в коем случае не «бездушные автоматы», как это утверждал в начале Нового времени рационалистический философ Рене Декарт, отделивший рационально мыслящего субъекта от объективной природы. Эта мысль имела скверные последствия, вплоть до промышленного массового содержания животных, при котором весь процесс направлен на уничтожение, а животные уподоблены производственным машинам и поставщикам сырья.

Вопреки мнению еще самого Иммануила Канта, человек несет ответственность и за животных. Эта ответственность запрещает ему любое издевательство над животными. Но я считаю, что распространять запрет убийства на весь животный мир и принципиально ограничивать человечество вегетарианским питанием не обоснованно, не говоря уже о том, что практически невозможно. Но везде, где это возможно и необходимо, животные имеют право

на защиту и уход со стороны человека. Уже дети должны знать, что нельзя издеваться над животными, особенно над доверенными нам домашними животными. В эру защиты животных мы, не как раньше, заботимся о благе домашних и сельскохозяйственных животных, о том, чтобы содержать их в адекватных условиях, что касается пространства, ухода, корма, транспортировки. И если уж необходимо убить животное, то это должно быть сделано быстро и безболезненно. Однако до удовлетворительного состояния нашему животноводству еще далеко.

Ввиду того что условия существования человечества под угрозой и видны «пределы роста», на сегодняшний день важны не только естествознание и естественные науки, но и охрана природы и уход за окружающей средой. Изречение из Книги Бытия 1:28, которое часто цитируют и которым в наше время часто злоупотребляют, «и наполняйте землю, и обладайте ею», не имеет в виду эксплуатацию средствами новейшей науки и техники, а должно быть исполнено в первоначальном духе возделывания Эдемского сада.

Экосоциальная рыночная экономика требует сегодня баланса экономики и экологии. Уже недостаточно только *экологических знаний*, которые в наше время постоянно расширяются и становятся общедоступными. Необходимо, чтобы из этих знаний произрастала ответственность: ответственное обращение с ресурсами и технологиями в локальном, национальном и глобальном масштабе. Все это должно опираться на этику «благоговения перед жизнью» и поддерживаться ею, как это впервые сформулировал Альберт Швейцер и как было подчеркнуто в «Декларации мирового этоса» Парламентом религий мира в 1993 году в Чикаго. Там же подчеркивается наша особенная ответственность за нашу планету и за космос, за воздух, воду и почву.

С тех пор с каждым годом становится очевиднее, что постепенное изменение климата является угрозой для всего человечества, и особенно для бедных и беднейших. Одно за другим следуют стихийные бедствия с губительными последствиями для милли-

онов: засухи и наводнения, ураганы и смерчи, пожары и нехватка питьевой воды, таяние ледников и полюсов, затопления островов и прибрежных регионов... Срочно нужны конструктивная климатическая политика и реальные действия, и в первую очередь – по предотвращению дальнейшего глобального потепления. Этого, кроме прочего, требует основанный бывшим генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном *Глобальный гуманитарный форум* (Женева), членом которого я являюсь.

Но напрашивается еще одно уточнение относительно нашего подхода к природе:

Не мистика, а связь с природой

При всей радости от встречи с природой я не могу стать мистиком. Я имею в виду, что опыт общения с природой не заменяет мне опыта общения с Богом. Я наблюдаю за природой, уважаю ее и восхищаюсь ею, но я не верю в природу и знаком и с ее мрачными сторонами. Я не обоготворяю природу, не являюсь пантеистом.

Конечно, достижения современного естествознания убедительны, но я всегда сознаю, что природа подчиняется жестоким законам эволюционного отбора: выживают самые приспособленные. Так у одноклеточных, так и у хищников. Все основные выводы Дарвина подтверждены микробиологией. Но, конечно, не существует подтверждения для «социального дарвинизма», который не имеет отношения к самому Дарвину и пытается оправдать опасный хищнический капитализм. «Съесть или быть съеденным» – эта фраза напоминает мне ироническое высказывание одного из моих римских учителей, которое он часто повторял применительно к общественным вопросам: «*Pisces maiores manducant pisces minores* – большие рыбы поедают малых». Закон природы и человеческая история – это трудно согласовать с радостным человеческим сосуществованием и с разумным замыслом.

К сожалению, нет мирного сосуществования между зверем и зверем, человеком и зверем. Мы не живем в Царстве Божьем, о

котором мечтал в Библии пророк Исайя (11:6), когда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их.

Поэтому у меня нет иллюзий: повсюду живые существа могут выжить, только если они наносят вред другим живым существам или даже уничтожают их. Мы, люди, можем в лучшем случае стараться уменьшить этот вред. Мы не можем повернуть время вспять. Уже в тот момент, когда мы требуем, чтобы куры, да и яйца были дешевыми, мы выступаем за современные методы масового содержания животных.

Насколько нравственны *опыты над животными* – об этом в наше время идут горячие дискуссии, и нам не следует превращать их в борьбу идеологических экстремистов, как сказали бы некоторые, типично немецкую. Насколько я знаю, ни один разумный защитник животных не требует запрета важных для исследователей и, как это ни трагично, необходимых экспериментов или переноса исследовательских нейробиологических лабораторий за границу. Но ни один серьезный исследователь не станет защищать такие эксперименты, которые причиняют страдания высокоразвитым животным, таким, например, как макака-резус. Специалист по болезни Альцгеймера из Тюбингена рассказывал мне, что все исследователи этой болезни в Германии вообще не делают экспериментов с обезьянами, а делают их только с мухами, червями, рыбами и мышами.

Значит, надо найти золотую середину, тщательно взвесив все этические аргументы, чтобы, не упуская из виду цели излечения и уменьшения страданий человека, одновременно по возможности стремиться уменьшить страдания животных или избежать их. Утешает то, что при исследовании тяжелых заболеваний мозга подопытное животное переживает смерть не так, как человек, если она, конечно, не оттягивается жестокими предсмертными муками. Новейшие исследования животных подтверждают, что животное полностью живет сегодняшним днем. Только у человека есть настоящее самосознание, сознание времени, истории, конца. Только человек

думает о смерти. Только человек обладает способностью выражать сложные мысли словами, стратегически мыслить, взвешивать варианты поведения и понимать и видеть самого себя. Все это условия для абстрактного мышления и целенаправленных состояний духа, таких, как любовь и ненависть, убеждения и желания, опасения и надежды. Еще Дарвин описывал человека как «моральное существо». Животное управляется в основном инстинктами и по природе своей не может брать ответственность на себя. В соответствии с нашим нынешним уровнем знаний во Вселенной только человек является правовым субъектом, которому доступны как права, так и обязанности.

Вселенная же, в которой живут люди и звери, хранит в себе тайну. Поговорим о ней подробнее.

Космическая религиозность

При всем скептическом отношении к мистике я считаю, что в «космической религиозности» Альберта Эйнштейна, которой «не соответствует никакое человеческое понятие Бога», что-то есть. «Какой глубокой уверенностью в рациональном устройстве мира и какой жадной познания даже мельчайших отблесков рациональности, проявляющейся в этом мире, должны были обладать Кеплер и Ньютон, если она позволила им затратить многие годы упорного труда на распутывание основных принципов небесной механики!» (*Religion und Wissenschaft*⁷, 1930). Ну вот: вера в разумность творения, страстное стремление к познанию. «Только тот, кто посвятил свою жизнь подобным целям, – продолжает Эйнштейн, – может живо представить себе, что воодушевляло этих людей, что давало им силы, несмотря на бесчисленные неудачи, оставаться верными своей цели. Эту силу дает космическая религиозность». И я хочу добавить: какое сильное впечатление производят на меня всегда,

⁷ «Религия и наука», в Эйнштейн А. *Собрание научных трудов*: В 4 т. М.: Наука, 1967. Т. 4. С. 126. – *Прим. ред.*

если есть возможность заглянуть во внутреннюю кухню, терпение, сила и выдержка экспериментатора, необходимые ему в течение многих лет, чтобы добиться важного результата, исследуя червя, рыбу или муху!

Но сегодня мы относимся серьезно и к тому, с чем у Эйнштейна в силу патетичности характера еще были проблемы: что порядок («космос») и необходимость – это только одна сторона вселенной. Другая сторона – это беспорядок («хаос»), нечеткость, неопределенность, случайность, все, что проявляется во всем развитии космоса, в особенности в квантовой механике, которую Эйнштейн поэтому и не признавал.

Каждый, кто хотя бы чуть-чуть познакомился с фантастическими достижениями естественных наук за последние два столетия после Канта, может только удивляться. Но как раз прогресс в познании показал его когнитивные границы как в макрокосмосе, так и в микрокосмосе. Об этих границах нужно помнить, но они не должны омрачить нашу радость жизни, наоборот.

С тем же благоговением, как философ и естествоиспытатель Иммануил Кант, я рассматриваю звездное небо над моей головой, смотрю вечерами в бесконечную даль безоблачного или закрытого облаками неба. Какой возвышенный покой излучает звездное небо, если не мешает «человеческий» свет. И я снова и снова задумываюсь о тех больших вопросах, которые ставит нам космос на этом, как говорил Гегель, «богослужении мышления». И я знаю, что если бы космическому кораблю удалось добраться до середины Млечного Пути и вернуться на Землю, он нашел бы человечество, постаревшее на 60 000 лет. Но что эта цифра по сравнению с 13,7 млрд лет, которые по удивительно точным подсчетам астрофизиков прошли со времени Большого взрыва.

Я не испытываю ужаса, о котором писал еще в начале эры развития естествознания математик, физик и философ Блез Паскаль, перед лицом этого темного, невыразимо огромного пространства. Не страшит меня и чудовищная пропасть бесконечно

малого микромира. Физика элементарных частиц обнаружила в микромире невероятно малые процессы: порядок до одной биллиардной сантиметра (биллиард – 1 миллион миллиардов) и промежуток до одной триллиардной секунды (триллиард – 1 миллион биллионов).

Ужаса я не испытываю, но испытываю неутолимую жажду, «страстное стремление», как это сформулировал Эйнштейн, узнать: что же такое этот наш мир? Что является действительно действительностью, когда даже такие понятия, как «часть» или «расширение в пространстве» в мире элементарных частиц, потеряли значение? Когда модус реальности ядерных частиц, протонов, нейтронов, а тем более кварков, остается для физиков полностью невыясненным?

Для богослова слабое утешение, что и физики сидят лишь на острове знаний и их картина мира в высшей степени ограничена. Они сами признают, что после всех их исследовательских успехов нам известны все равно всего четыре процента вселенной. А именно та самая привычная, видимая материя: звезды, планеты, спутники. Все остальное – 96 процентов – и для физиков, несмотря на их дорогостоящие поиски в космосе и в земных глубинах, по-прежнему в буквальном смысле слова покрыто темнотой. Поэтому они и говорят совершенно правомерно о «темной материи» и «темной энергии». Абсолютно неизвестные величины.

«То, что мы знаем, подобно капле. То, что мы не знаем, – океану». Эти слова приписываются Исааку Ньютону, основателю классической физики. И похоже, что так будет еще долго. В ближайшем или далеком будущем наука, конечно, прольет свет на некоторые темные пункты, покажет яснее, что скрывается за этими условно принятыми картинками, шифрами, сравнениями физиков, всеми их понятиями, моделями и математическими формулами. Но я спрашиваю себя: станет ли тогда яснее многим физикам и естествоиспытателям, что пора обратиться к принципиальным вопросам, которые указывают нам на границы наших знаний? Поводов задать себе такие вопросы предостаточно.

Приближение к непреодолимой тайне

Спорная тема – «эволюция». «Вы верите в теорию эволюции?» – такой вопрос мне часто задают, особенно в США, фундаменталисты от Библии. Многим хочется, чтобы библейская история сотворения мира преподавалась в школах наравне с теорией эволюции. На этот вопрос я отвечаю: «В теорию эволюции я не верю, она научно доказана». Все объемные физико-химические, палеонтологические, эмбриологические и морфологические доказательства, несмотря на все еще существующие пробелы, столь убедительны, что я *знаю*: человечество – это продукт эволюции, длившейся миллиарды лет. Сенсационное подтверждение этому дало открытие ДНК и РНК: молекулярная биология доказала, что все живые организмы содержат эти молекулы, фиксирующие план развития всего живого.

Но я *знаю* и другое: теория эволюции отвечает не на все вопросы, которые ставит нам природа. Я беседовал со многими физиками, химиками и биологами о принципиальных вопросах естествознания. Те из них, кто способен задумываться, не ограничиваются своей областью деятельности и специальностью. И им знакомы чувства удивления, благоговения, радости, возникающие при мыслях о невероятной безграничности нашей вселенной, сложности молекулярного мира, непредсказуемости развития жизни, даже духовного развития. Они не закрываются перед великими вопросами человеческой жизни, которые их наука не может решить. Даже если мы не разделяем ужас Паскаля перед бесконечностью, нам следует помнить о его глубоком понимании места человека во вселенной: *la grandeur et misère de l'homme* – «Ничто в сравнении с бесконечным, всё в сравнении с ничтожеством... От него, как бесконечно далекого от постижения крайностей, конец вещей и их начало бесспорно скрыты в непроницаемой тайне...»⁸ («Мысли», № 84).

⁸ Паскаль Блез. *Мысли*. М: «Издательство имени Сабашниковых», 1995. – *Прим. ред.*

Un secret impenetrable – действительно ли непреодолимая тайна? На самом деле со времен Паскаля и Декарта, за более чем 300 лет фантастически успешного развития, естествознание так и не дало убедительного ответа на основные вопросы: откуда и почему, зачем и куда идет анализируемый и изучаемый ею процесс, начавшийся с Большого взрыва 13,7 миллиарда лет назад. Я солидарен с мнением большинства физиков, что события первого часа навсегда останутся для нас тайной. И никакие новые эмпирические методы, все более изощренные и точные (как, например, применяемые в Европейском центре ядерных исследований в Женеве) не смогут показать нам, что случилось в тот момент. Основанные на компьютерном моделировании попытки воспроизвести более ранние или иные вселенные тем более нам не помощники, т.к. для этого не существует никакого эмпирического материала.

Великая тайна, очевидно, не доступная естествознанию: почему Нечто, а не Ничто? Это, выражаясь словами гениального математика, великого философа и экумениста Лейбница, является основным вопросом философии. Или более конкретно, в соответствии с современным уровнем знаний: откуда взялись к моменту Большого взрыва материя и энергия, пространство и время? Или так: откуда взялись эти с самой первой точки отсчета существующие универсальные естественные константы: заряд электрона e , постоянная Планка h , константа Больцмана k , скорость света c ..

Перед лицом космоса и всех вопросов, вытекающих из его исследований, человеку в первую очередь следует быть интеллектуально скромным: при всем стремлении к знанию и познанию сохранять реалистическое осознание ограниченности знаний и конечности всего человеческого. Так ли важен человек для этой вселенной? Тот, кто придает слишком большое значение самому себе в науке, экономике, политике и отодвигает великие вопросы бытия, поступил бы правильно, если бы пересмотрел свое «место во вселенной». А тот, кто в личной или общественной жизни крутится только вокруг самого себя вместо того, чтобы задуматься о

великом Целом, тому следует задуматься о своей бренности и кратковременности. Эта малость человеческая понятна, если посмотреть на то космическое кружение, которое мы, к счастью, совсем не воспринимаем: все мы, обитатели планеты Земля, вращаемся вокруг земной оси со скоростью приблизительно 1000 километров в час. Наш земной шар одновременно вращается со скоростью 100 000 километров в час вокруг Солнца. А вся наша галактика – со скоростью 800 000 километров в час вокруг центра Млечного Пути. Вращение, которое не вызывает головокружения, если человек одновременно не будет вращаться вокруг своей собственной оси. Это испортит ему рано или поздно радость жизни.

Радоваться жизни до конца

Может быть, я пишу о радости слишком серьезно? Нет, эти главы написаны не для того, чтобы поупражняться в веселости, остроумии и легкости, а для того, чтобы задуматься о том, что приносит мне радость, что является основой моей радости. Я думаю больше об источниках радости, чем о формах ее выражения. Ведь это само собой разумеется: чем была бы наша жизнь без *юмора*, который облегчает так много страданий души и тела, помогает справиться со столькими сложными ситуациями, украшает наш быт? А чем была бы жизнь без *смеха*, который по Канту, такому серьезному философу, дан нам Создателем наряду с надеждой и сном для компенсации трудностей жизни. О многом я буду говорить позже, в связи с темой смысла жизни и ее причины. Я уже говорил, что мы медленно ступаем, продвигаясь вперед по нашей горной тропе. Сейчас мы еще в предгорьях. И очередь вопроса о Боге подойдет позже – мы будем говорить об этом основательно и осторожно. Но еще об одной опасности для радости я хотел бы сказать уже сейчас.

Хоть и часто я обращаю свой взор к небу в удивлении, восхищении и задумчивости, одного я там не нахожу – утешения. Кто потерял любимого человека, кого предал друг или партнер, кто

потерял работу, тот не замечает звезд. И перед лицом приближающейся смерти тем более нельзя ожидать от темного неба утешения или ободрения.

Так можно ли сохранить до конца жизни как лейтмотив радость, помня при этом о смертности и бренности человека? Не больше ли подходит человеку принципиальный пессимизм? Я не буду спешить с ответом, но скажу так: сохранить радость жизни, может быть, даже и легче, если всегда помнить о бренности бытия и возможности смерти в любой момент, чем если отгонять от себя эти мысли. Конечно, я не имею в виду, что мы, полные страха, должны постоянно помнить о смерти, а тем более об аде и дьяволе. Я скорее имею в виду легкое и спокойное понимание, что рано или поздно моя человеческая жизнь подойдет к концу и этот конец для меня будет не завершением, а свершением – я верю в это. Поэтому я и поставил в начало этой главы слова Вольфганга Амадея Моцарта, который в письме отцу признавался, что ежедневно перед сном думает о том, что может не пережить следующий день, но никогда, однако, не был хмурым или печальным.

Эту тему – то состояние внутреннего счастья, о котором говорит Моцарт, я обсуждал уже много лет назад с критичным биографом композитора Вольфгангом Хильдесгеймером. Это один из самых музыкальных немецких писателей нашего времени. Судьба еврейского эмигранта сделала его пессимистом, и ему хочется видеть в Моцарте последних месяцев жизни безрадостного, разочаровавшегося в людях и Боге человека, который «сдался» под напором очевидных профессиональных, финансовых сложностей и проблем со здоровьем. Но Хильдесгеймер просмотрел, что Моцарт до последнего своего дня без усталости работал. Писатель совсем не хочет заметить, что последняя и, наверное, самая значительная симфония Моцарта, симфония Юпитера, выдержана в светлом *C-Dur* и что в год смерти были завершены другие крупные композиции: танцы, сенсационная «Волшебная флейта», последняя опера «Милосердие Тита», Концерт для кларнета и его самая последняя незавершенная работа «Реквием», пробное ис-

полнение которой он слушал больной, лежа в постели, в последний вечер перед неожиданной смертью.

Нет, это не было «умозрительное самоуспокоение» (Хильдесгеймер), когда Моцарт в письме отцу за четыре года до своей смерти писал: «...Поскольку смерть, строго говоря, есть подлинная конечная цель нашей жизни, в последние несколько лет я так хорошо познакомился с этим подлинным и лучшим другом человека, что ее образ не только не содержит для меня ничего пугающего, но, напротив, дает много успокоения и утешения! И я благодарю Бога за то, что он даровал мне счастье познать смерть как ключ к нашему подлинному блаженству – я никогда не ложусь спать, не подумав, что может быть (сколь бы молод я ни был), на другой день перестану существовать...».

Радость жизни до конца нашего жизненного пути – это в принципе возможно. Стоит подумать, при каких условиях. Приблизительно в то же самое время, что и Моцарт, Новалис, молодой гений романтики (Фридрих фон Гарденберг), для которого «голубой цветок» являлся символом единства Конечного и Бесконечного, мечты и действительности, писал в своем незаконченном романе воспитания «Генрих фон Офтердингер» (автор умер через год, 29 лет от роду): «Куда же мы идем?» И дает ответ: «Всякий путь ведет домой». Всегда домой? Где же, возникает вопрос, дом человека? И какая дорога ведет туда, его жизненная дорога? Это уже другой вопрос.

3. Жизненный путь

«Наши очень разные религиозные и культурные традиции не должны мешать нам совместно активно выступить против всех форм бесчеловечности, за большую человечность. Выраженным в этом заявлении принципам могут следовать люди всех этических убеждений, не важно, подкреплены ли они религиозно или нет».

«Декларация о всемирном этосе» Парламента религий мира,
Чикаго, 4 сентября 1993 года, гл. I.

С доверием и радостью отправляемся в жизненный путь. Но где дорожные указатели?

Как часто, стоя у нашего озера в Швейцарии, спрашивал я себя: как же находят дорогу все эти скворцы, чайки, дикие гуси? У них нет руководителя, их движения не координирует никакое авторитетное лицо, и каждая в отдельности птица, по-видимому, не имеет никакого представления об общей стратегии. Тем не менее стая движется в определенном порядке и даже может изменить траекторию, если на нее нападет хищная птица. Этот феномен исследовали ученые и пришли к выводу, что у птиц, так же как у муравьев и рыб, существует «разум стаи». Отдельное животное не понимает целого, оно просто подчиняется группе или колонии, но тем не менее, следуя инстинкту, с помощью определенных ухищрений (крики, запахи) уверенно находит путь.

Но у людей все по-другому: каждый человек должен, отвечая сам за себя, найти путь в жизни и пройти его. Да и человеческий род должен был в течение десятков тысяч лет искать и обретать свой путь среди животного мира.

Жизненный путь человечества

Нигде мне не приходилось так напряженно размышлять об истоках человеческого рода, как в Африке, на границе Замбии и Зим-

бабве, там, где Замбези с шумом и грохотом падает со стометровой высоты водопадом Виктория. В конце 90-х годов мы вели там киносъёмки для телесериала «Путь мировых религий» в рамках цикла «В поисках следов»¹. Севернее этого места начинается знаменитая Великая рифтовая долина, огромная область африканско-сирийского разлома. Как показывают найденные здесь останки первобытных людей и орудий труда, отсюда начал свой путь по планете Земля *homo sapiens*.

Мы можем говорить о задержке развития у человека: на фоне эволюции космоса в течение 13,7 миллиарда лет *homo sapiens* начал свое развитие в теплом тропически-субтропическом климате и в богатой живностью Африке лишь около 200 000 лет назад. Мне никогда не мешало сознание того, что человек имеет много общего со своими ближайшими родственниками, человекообразными обезьянами: начиная с одинакового числа хромосом, строения челюсти и развития мозга и кончая социальным поведением обезьян и определенными признаками развития у них Я.

Но меня также всегда интересовало, что же определяет особое положение человека в животном мире. Это в первую очередь прямая походка (при прямом положении тела): в наши дни это прямо-таки символ этической позиции человека. Потом, конечно, самосознание, ставшее также этическим понятием, – условие сложного синтаксиса языка. Только обладающий речью человек имеет способность к абстрактному и стратегическому мышлению, к саморефлексии, обладает направленными состояниями духа, такими, как любовь и ненависть, надежда и опасения, убеждения и желания. Все это стало основой культурного развития человека и не в последнюю очередь – гуманистического этоса.

Эта двойственная структура человека наложила отпечаток на мою веру, мою духовность: я всегда не только дух и не только потребность. Я всегда, уже исходя из моей эволюции, и то и то: и духовное и телесное существо. Моя «духовность» включает всег-

¹ «Weltreligionen auf dem Weg» (die Reihe «Spurensuche»). – *Прим. пер.*

да и мою «телесность». Поэтому отбросим чувство духовного превосходства человека по отношению к животным, но и не будем их «биологически» уравнивать. Я не причисляю себя к верующим, которые считают, что с Библией в руках они могут разрушить все доказанные наукой факты. Но я и не чувствую ни малейшей симпатии к враждебным религии естествоиспытателям, которые, ссылаясь на научные данные и тщательно и честно исследованные исторические факты скандальных и даже преступных страниц истории христианства и других религий, мастерят так называемый научный атеизм, рассчитанный на наивного читателя. Серьезные естественнонаучные аргументы и критику религии я принимаю серьезно, несерьезные позволяю себе игнорировать.

Учиться вести себя по-человечески

Бесспорно, человек, вышедший из мира животных, был вначале эгоистически ориентирован. На ранних стадиях развития это даже было необходимо для выживания.

То, что даже наши гены «эгоистичны», а новые виды возникают случайно, как было выведено Ричардом Докинзом, это, конечно, только одна сторона структуры эволюции. Новейшие исследования генетиков доказывают, что новые виды и организмы возникают не только в процессе селекции, но и кооперации, творчества, коммуникации и что постоянная дифференциация эволюции имеет истоки как раз в этом.

И уж совсем никто не будет спорить с тем, что у высших животных есть генетически заложенное кооперативное поведение, в особенности среди родственников, имеющих похожие гены. Это своего рода «взаимный альтруизм»: «ты мне, я тебе» – услуга в ожидании ответной. И это мы наблюдаем у человекообразных обезьян. Таким образом, рудиментарное этическое поведение заложено уже в биологической природе человека. Это подчеркивает и биолог-эволюционист Альфред Гирер, у которого я многому научился: «К нашей генетической основе относится и способность к

сочувствию, способность проникнуться ощущениями и мыслями другого человека. В этой и других основах социального поведения имеет истоки способность к кооперации нашей особи «человек», являющаяся решающим условием жизни и выживания» (*Was ist der Mensch? In vieler Hinsicht sich selbst ein Rätsel...*², 2008. S. 103–105).

Результаты социологических исследований утверждают меня в моем мнении: для объяснения происхождения этических ценностей и масштабов недостаточно механически-биологической интерпретации. Ведь только у человека вместе со способностью говорить развилась уникальная способность к взаимодействию. И этому нужно было учиться в обществе. Вместе с эволюцией стратегического мышления развивалась и способность к *эмпатии*: к сопереживанию с другим человеком его опасений, ожиданий и надежд, и в первую очередь в рамках семьи, способность к бескорыстию. Это стало основой социального поведения человека. В процессе развития сформировались моральное чувство и интуиция – основа моральной аргументации и суждений. Так человек еще с первобытных времен постепенно учился вести себя *по-человечески*. А из этого следует: человек – единственное живое существо, которому удалось уже на ранних этапах развития сформировать и развить общественные и культурные нормы.

Этос выживания

После работы в Африке наша съемочная группа отправилась дальше «по следам» в сердце Австралии, к огромной скале Урулу, священной горе аборигенов. Никогда не забуду глубокого, полного внутреннего спокойствия взгляда аборигена, как будто бы он по-прежнему обладает знаниями, давно утраченными нами, «цивилизованными» людьми. Для меня было очень важно показать в фильме, что как раз эти *Aborigines* (лат. *ab origine* – с самого на-

² «Что есть человек? Во многих отношениях загадка для самого себя». – *Прим. пер.*

чала) не примитивные «дети природы», но народ с собственной культурой – «племенной культурой». Приятно, что в 2009 году политические изменения в Австралии привели к тому, что страна присоединилась к «Декларации прав малых народов», принятой Ассамблеей ООН уже в 2007 году. Право на самоопределение коренных жителей не столько для того, чтобы принимать свои законы, но в первую очередь, чтобы самим определять свою культурную жизнь и выживание. Я думаю, что в период правления президента Обамы этому примеру последуют США, а затем и Канада, и Новая Зеландия.

Очень часто я сталкивался с вопросом: а есть ли у аборигенов «культура»? Да, они не развили ни письменности, ни науки, ни технологии. Но их мышление, как мне объяснили антропологи, вполне логично, понятно, пронизано страстным желанием порядка в вещах и человеческих отношениях. И нет никакого сомнения: уже аборигены имеют элементарную этику, которая помогала и помогает им жить и выживать и которая до сих пор лежит в основе человеческих взаимоотношений.

Все это помогло мне лучше понять своего рода основной антропологический принцип эволюции: всегда, когда уже в самые давние времена человеческой истории жизнь выдвигала определенные требования и необходимость упорядочить человеческое общежитие становилась срочной и насущной, всегда, с самого начала, появлялись ориентиры для действий: определенные условия, обычаи, то есть этические масштабы, правила, нормы, указания. Они были проверены в течение тысячелетий в разных местах, так сказать, отточены и подогнаны из поколения в поколение.

Конечно, эти ценности и масштабы в старых (и в нынешних) племенных культурах были *неписаными*, не сформулированными в предложениях *нормами*. Они передавались как моральные нормы семьи, клана, племени в историях, притчах, сравнениях и обычаях. Но не случайно в различных местах земли сформировались нормы, похожие друг на друга. Все они касались важных

областей жизни. В первую очередь это сохранение *жизни*: запрет убивать человека, кроме отдельных исключений (урегулирование конфликта, наказание насилия). Одновременно с самого начала речь шла и о защите *собственности*. Кроме этого, о защите *чести*. И наконец, о регулировании отношений между *полами*. Эти четыре аспекта первобытной этики стали для меня особенно важными, когда я занялся поиском общих черт в различных культурах.

Конечно, человечеству понадобилось немало времени для привыкания, для испытания этих жизненных норм, прежде чем они получили всеобщее признание. Только после периода охотничества и собирательства, когда на Земле насчитывалось не более нескольких миллионов человек, стало заметно движение в сторону более высокой ступени развития. Развитие сельского хозяйства более 10 000 лет назад привело к сильному росту населения и одновременно к дифференциации культур, а это, в свою очередь, дало нам высокоразвитые культуры и религии. Теперь уже нормы были сформулированы и записаны. В некоторых культурах эти нормы были представлены как воля богов или, как это было в одной-единственной религии, в еврейской Библии, в виде 10 заповедей подчинены авторитету Единого Бога.

В течение столетий эти заповеди передавались из поколения в поколение. Да, сегодня часто приходится слышать: эти заповеди нарушались и нарушаются! Конечно, но чем был бы наш мир без них? Эмос всегда противостоит практике, он выражает не то, что есть, а то, что должно быть. Мне кажется, важнее другой вопрос: как нам в наши дни заново поднять уважение к этическим нормам и укрепить их как ориентир на пути к благу человечества?

Ориентир, который не оправдал себя?

Никто не рождается взрослым. Всему, чему на своем долгом пути должен был научиться человеческий род, должен научиться и каждый новорожденный человек на пути взросления. Я это по-

знал на собственном опыте, на опыте своей семьи и других семей. Да, быть человеком – этому каждый должен научиться заново. Конечно, не как Робинзон Крузо, один на острове, а в человеческом обществе.

Многочисленные обычаи и обряды столетиями считались само собой разумеющимися. Они опирались на религиозный и патриархальный авторитет. В Европе долгие годы этим нормам учили в семье, школе и церкви. Но в процессе секуляризации современного европейского общества они все более и более теряли характер естественности и обязательности для всех. В отдельных культурах бывают периоды забвения и игнорирования этих норм – времена или области морального одичания. Вина за это лежит и на официальной религии, которая сама зачастую отстает и переживает кризисы.

Что же, религии – это ориентиры, которые часто не оправдывают себя? В Европе и Америке в голову сразу приходит «непросвещенный» ислам. А ведь было бы правильней сначала подумать о фундаменталистских направлениях в протестантизме или в первую очередь о непросвещенном римском «учительстве». Да, прошли времена, вселявшие больше надежд: как радостно было мне в 1963 году проехать по США с циклом лекций об обновлении и открытии Католической церкви по отношению к христианской ойкумене и всему миру, при поддержке поистине экуменического папы Иоанна XXIII и молодого президента католика Джона Кеннеди.

Тогда Католическая церковь добилась большого признания во всем мире, приняв на Втором Ватиканском соборе (1962–1965) Декларацию о религиозной свободе. И я, как богослов, мог опираться на католическую церковь как на моральный ориентир. Но какая мрачная атмосфера воцарилась во время последовавшей вскоре после Собора реставрации. Это привело к фатальной потере доверия. Энциклика *Humanae Vitae*³ папы Павла VI (1968),

³ «[Важнейший дар передачи] человеческой жизни...» (лат.). – *Прим. пер.*

осуждавшая как тяжкий грех любую форму предупреждения беременности, стала для миллионов католиков поворотным пунктом. Эта так называемая «энциклика о контрацептивах» прямо-таки спровоцировала меня на критическое выступление в книге «Непогрешим?» (*Unfehlbar?*, 1970). Но вместо того чтобы принять предлагаемое конструктивное богословское решение проблемы, руководство церкви попыталось заткнуть рот вопрошающему католическому богослову: я был лишен разрешения на преподавание. Это была попытка дискредитировать меня внутри церкви и уничтожить как преподавателя. Ни то, ни то, как известно, не удалось.

Папская сексуальная мораль, ставшая тогда камнем преткновения, сегодня признается все меньшим количеством верующих. И это несмотря на то, что все преемники папы торжественно подтвердили этот тезис, пропагандировали его в речах, документах и поездках. Но авторитет римского папы, его непогрешимость серьезно и надолго пострадали. Подтверждение этому – невероятно неудачные выступления папы Бенедикта XVI по поводу протестантских течений, мусульман и иудеев, индусов, миллионов зараженных СПИДом в Африке и, наконец, по поводу реакционного Священнического братства святого Пия X.

Почему я говорю об этом? Потому что с тех пор для огромного большинства католиков ответы на вопросы: «Во что я верю?» и «Во что предписывает верить церковь?» (как это сформулировано в катехизисе) все более расходятся и в моральном, и в догматическом смысле. По всей видимости, и протестантские церкви не могут исправить эту ситуацию потери доверия христиан, так как не протестуют против этого антибиблейского и антиэкуменического авторитаризма Рима.

Таким образом, в XXI веке с особой насущностью встает вопрос о будущем пути человечества. Есть ли на этом пути после всех идеологических метаний и бесчеловечности XX века указатели направления, ориентиры, ограждения? Фундаментальный моральный вопрос остается:

Где взять ориентиры, если их нет

Мой собственный жизненный путь, как это описано в моих «Воспоминаниях», превратился вследствие всех этих конфликтов и переживаний в приключение духа с многочисленными испытаниями. Меня поддержали многие, и мне удалось после конфликта с Римом в 1979/80 году сформулировать мои уже давно зародившиеся идеи диалога религий и всеобщего этоса, основанного на глубинном доверии. Я углубил и обосновал эти идеи в диалоге с иудейскими, мусульманскими, христианскими, индуистскими, буддистскими, китайскими религиозными учеными, а также в сотрудничестве с нерелигиозными идеологами. В конце концов я смог в 1990 году, через десять лет после конфликта с Римом, представить мой проект «Мировой этос». Мое понимание того, во что я верю, за это время необыкновенно обогатилось, углубилось и дифференцировалось.

Путь человечества за последние десятилетия не стал легче, несмотря на огромные достижения во многих областях, начиная от медицины и фармакологии и кончая полетами в космос и Интернетом. Коммунизм принес мораль в жертву интересам партии, капитализм – интересам экономики. Представители всех мировых религий сегодня спрашивают себя: при каких условиях мы, люди, можем выжить на нашей обитаемой планете? Можем ли мы сделать нашу личную жизнь и жизнь общества человеческой, более человеческой? За счет невиданного в истории научно-технического прогресса наше поколение несет и невиданную ответственность за наш мир, природу и будущее, если путь человечества не приведет в пропасть атомной войны или природной катастрофы. Об этом писал Ганс Йонас в своей программной книге «Принцип ответственности» еще в 1979 году.

Между тем хваленая глобализация рынков, технологий и средств массовой информации принесли нам, к сожалению, и глобализацию проблем: от проблем финансовых рынков и новых болезней (ВИЧ, птичий грипп, свиной грипп) до преступности,

наркотиков и терроризма. И разразившийся в 2008 году экономический кризис, вполне предсказуемый, натолкнул меня на мысль: необходима глобализация этики! Перед лицом проблем мировой политики, экономики и финансовой системы нам необходимо подумать о *мировом этосе*, который может быть поддержан мировыми религиями, но также и неверующими, гуманистами, сторонниками секуляризации. Я страстно выступаю против глупой тенденции разделения общества на религиозное и секулярное. Современному миру нужны и религиозность, и секулярность. Но чего ему не нужно, так это фанатизма, и фанатичные сторонники секуляризации ошибаются так же, как и фанатичные религиозные фундаменталисты.

Конечно, мне понятно: этические вопросы необходимо сегодня обсуждать в контексте проходящих одновременно процессов индивидуализации и плюрализации секуляризованного общества. Я далек от того, чтобы рассматривать эти процессы, как это делают некоторые церковные деятели, только в контексте первых признаков морального распада или «дехристианизации». Ведь они подарили нам бесконечно много индивидуальной свободы, но, конечно, это надо признать, и усилили неспособность сориентироваться в мире.

Выйти из этого кризиса ориентации может во многом помочь психология и психотерапия. Уже в 1987 году я посвятил Зигмунду Фрейду тонкое исследование⁴ и был даже награжден за него премией Американской психиатрической ассоциации. Но как раз многие психоаналитики долгое время рассматривали проблематику морали только с точки зрения реперссивного Сверх-Я, как будто бы совесть – это только возникшая за счет неправильного воспитания подавляющая контрольная инстанция, своего рода невроз. Так же однобоко выступали, с другой стороны, богословы, которые во всех вопросах морали отсылали к свободе совести и субъективной оценке. Ведь под свободой совести нельзя понимать произвольность субъекта. Следовательно, встает вопрос как для воспитания, так и

⁴ Кюнг Ханс. *Фрейд и будущее религии*. М.: ББИ, 2013. – Прим. ред.

вообще для руководства в жизни, какими масштабами должна руководствоваться совесть, которая может возникать и развиваться. По каким координатам должен ориентироваться мой внутренний компас в этом необозримом море информации Интернета?

Беспрецедентный технологический прогресс не снял, как это многими ожидалось, вопроса морального прогресса человечества, а как раз наоборот, перед лицом растущих проблем технологии от гена до атома этот вопрос стал вновь актуальным. Ведь все мы наблюдаем в жизни: человек справляется с чем угодно, но не может справиться с самим собой. Поэтому все больше людей задают себе вопросы: *где взять этические ориентиры?* И как мне следовать им? Точнее, как найти при всех возможностях выбора в сегодняшнем плюрализме свой путь и как не сойти с него?

Эти вопросы становятся еще более острыми, если мы подумаем о том, что мы, к счастью, живем в открытом обществе, открытом для обучения, для будущего, а значит, и для правды. Но как достичь в свободном демократическом обществе, в котором все духовные и социальные силы равноправны, приведения к единому минимальному общему знаменателю принципиальных ценностей, норм и отношений? Это необходимо для достойного человеческого сосуществования уже в наших семьях, в школьных классах, на предприятиях, в более крупных объединениях людей, вплоть до функционирования демократического общества. Большинство людей, к счастью, не приемлют полностью субъективной произвольности и неподчинения законам, но где взять масштабы, приоритеты, идеалы, где разметка на дороге нашей жизни?

Вряд ли кто-то в наше время будет открыто защищать аморальную позицию «по ту сторону добра и зла», ведь это означало бы принять и насилие над детьми, даже над младенцами (что находит все большее распространение с помощью Интернета), и другие преступления. Но разве не пошатнулись некоторые нравственные масштабы, которые раньше были само собой разумеющимися? Весной 2009 года в выступлении перед собранием талантливых студентов я сказал, что они первое поколение, в ко-

тором часто уже дети и подростки нарушают вечную заповедь «Не убий»: дети убивают детей, ученики – учителей, подростки – родителей. Мы видим, что насилие становится банальностью, порог насилия снизился, в особенности в школах. Но растет и насилие по отношению к самому себе, как например, в злоупотреблении алкоголем до беспамятства, и это во все более молодом возрасте.

Конечно, такая критика не может остаться без самокритики. Как говорил Карл Валентин: «Детей нельзя воспитать, они все равно будут делать все то же, что и мы!». Молодому поколению не трудно увидеть, что поколение родителей не дает достаточно хороших примеров. Если у взрослых главной частью тела стали локти, не стоит удивляться, что и дети ведут себя соответствующим образом. Кроме того, как отрицательный пример действуют и всевозможные лживые речи некоторых воинственных политиков, крупномасштабный обман топ-менеджеров, насилие и бессмысленные войны.

Но сегодня мы не можем по бесчисленным ежедневным вопросам индивидуальной и политической жизни, как это еще могли богословы-моралисты в совсем недавнем прошлом, например, по вопросу допустимости процентов на капитал, выдать четкие этические решения, руководствуясь волей небес или буквально понятой *Библией*. С другой стороны, мы не можем, как римские папы XX века, по вопросам предохранения от беременности или искусственного оплодотворения принимать решения на основе якобы неизменной, общей природы человека, на основе «*природного права*». Нам нужно искать для всех этих сложных проблем и конфликтов все более дифференцированные, отвечающие ситуации решения «на земле», чаще привлекая для этого специалистов разных направлений.

Во всяком случае, разумная этика сегодня не может быть системой вечных, застывших, неизменяемых, пассивно воспринимаемых норм, перешедших к нам от наших предков. Необходимо найти путь, соответствующий как историческому развитию нравственных норм, так и их культурной дифференциации. Потому

что нормы вне конкретной ситуации пусты, ситуации без норм слепы. Но в условиях *permissive society*⁵, в котором все кажется относительным, ничто – настоящим и все позволено, существует новая потребность (и я четко это вижу в общественной дискуссии о политической, общественной и личной морали) в надежных масштабах, обязательных нормах, устойчивых ценностях, то есть в этической ориентации, которая будет действовать не репрессивно, подавляюще, как это часто бывает с традиционной моралью, а освобождаяще, жизнеутверждающе.

Жизнеутверждающая этика для всех

Десятого марта поворотного для Европы 1989 года я читал доклад в Чикагском университете на тему *No World Peace without Religious Peace* («Без религиозного мира невозможен мир на земле»), в котором я предложил включить вопрос об общем основном этосе религий в повестку дня *Парламента религий мира*, запланированного через четыре года, по поводу столетнего юбилея первого Парламента на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году. Моя книга «Проект мирового этоса» (*Projekt Weltethos*, 1970) вышла на английском языке в 1991 году одновременно в Нью-Йорке и Лондоне под заголовком «Глобальная ответственность. В поисках мировой этики». Тогда еще термин «глобализация» не был так распространен. А 27 февраля 1992 года сам исполнительный директор Совета Парламента религий мира приехал в Тюбинген, чтобы уговорить меня написать для Парламента набросок Декларации о глобальном этосе.

Для меня это было настоящим вызовом! Мое преимущество заключалось в том, что я уже два десятилетия до этого обдумывал проблематику этических основ. Иначе я не справился бы с этой чрезвычайно сложной задачей, которая требовала от меня

⁵ *Permissive Society* – социологическое понятие для описания модели общества во 2-й половине XX века в Англии. Это общество максимальной либеральности с минимальным количеством норм поведения. – *Прим. пер.*

перестроить все мои планы на семестр. Думаю, что я никогда еще не потратил столько часов, дней и месяцев на написание такого короткого текста. Для меня и для всех, кто помогал мне в этом, это был долгий процесс внутренних религиозных консультаций, множества дискуссий и поправок. Наконец наша «Декларация мирового этоса» была представлена представителям Парламента и 4 сентября 1993 года принята как «*Первоначальная декларация о глобальной этике*». Я думаю, будет интересно рассказать, какими идеями я руководствовался при написании этой декларации.

Я подробно изучал критические взгляды Ницше и других мыслителей на враждебную жизни мораль христианства и вообще религии. Поэтому я сознательно хотел разработать этос, *приветствующий жизнь*, и не заменить, но дополнить все моральные запреты положительными этическими императивами.

Но конечно, было бы слишком самонадеянно думать, что я могу заново изобрести колесо этики! Мне хотелось напомнить об элементарных этических нормах, тех, которые нам оставило в наследство человечество в процессе тысячелетней истории и которые я изучал. Но эти нормы не должны быть для человека путями и цепями, которые бессмысленно ограничивают или даже душат человеческую жизнь. Они должны оказывать поддержку и помощь и стать разметкой на дороге жизни, чтобы не потерять направление, вновь и вновь находить и воплощать в жизнь жизненные ценности, отношения и смысл. И все это не только для верующих, но и для всех людей. Поэтому-то в Декларации Парламента четко написано: «Мы верим: наши тысячелетние религиозные и этические традиции содержат в себе достаточно элементов мирового этоса, которые убедительны и жизнеспособны для всех людей доброй воли, религиозных и нерелигиозных»⁶ (*Weltethos-Erklärung*, Кар. II).

Я видел, что в Декларации необходимо дать ответ на десятки вопросов, и в первую очередь на эти: что действительно для каж-

⁶ Декларация мирового этоса. Ч. II. Пер. Е. В. Середкиной (см. <http://anthropology.ru/ru/texts/documents/weltethos.html>). – *Прим. пер.*

дого человека и для всех? Есть ли вообще непреложные масштабы, которых должны придерживаться руководящие лица в политике, экономике, науке, религии? Может ли действительно существовать единая основная норма для всех людей без исключения?

Я глубоко уверен как тогда, так и сегодня, что мы живем в мире разных религий. Поэтому нельзя опереться на одну религию, как бы встав против других. И второе: мы живем не в Средневековье и не во времена Реформации. Зная о существовании в современном мире миллионов неверующих, невозможно, даже будучи религиозным человеком, опираться только на религиозную этику. Отсюда главная проблема: что вообще может быть сегодня, в условиях плюрализма религий и идеологий, основной нормой, главным критерием для всех людей?

Главный критерий — человечность

Семнадцатого декабря 2008 года я получил в Берлине медаль мира имени Отто Гана. Лауреат Нобелевской премии Отто Ган, автор открытия расщепления атома (1938), после войны выступал против атомного оружия в германских вооруженных силах. Медаль мира мне вручил тогдашний бургомистр Клаус Воверайт за «особые заслуги в деле гуманизма, терпимости и за диалог между большими мировыми религиями, в первую очередь в рамках проекта мирового этоса». Я, конечно же, очень рад этому.

Для меня это было поводом исправить в моей речи перед собравшимися широко распространенное недоразумение, что мировым этосом основывается только на мировых религиях, и дать этому философское обоснование, как я это уже сделал в моей книге «Существует ли Бог?» тридцать лет тому назад. Поэтому и в проекте мирового этоса я призывал к единству верующих и неверующих.

Как раз что касается *гуманизма*, т.е. настоящей человечности, я сумел уже давно сформулировать основную норму автономной человеческой нравственности, следующее *элементарное различие между добром и злом*:

«Добро» – это не «добрая старая» традиция, как это всегда утверждали традиционалисты и сторонники интегрализма. Традиция часто оказывалась враждебной человеку.

Но добро и не «новое», как утверждают всевозможные революционеры и псевдореволюционеры. «Прекрасное новое», революция также оказались мало человеческими.

Нет, добро для человека – это то, если сказать совсем просто, что, новое это или старое, помогает ему быть *поистине человеком*.

Как часто меня спрашивали, особенно после невероятных преступлений или скандалов: как может человек, Божье создание, быть так порочен? Вопрос, который в некоторых ситуациях можно задать и себе. Простой ответ: человек, произошедший из мира животных, должен был учиться владеть своими инстинктами и потребностями (потребность в пище, сексуальное влечение, инстинкт самосохранения соответствуют инстинктам животных) и вести себя по-человечески в человеческом обществе. И сегодня каждый человек с детских лет должен не только выработать доверие к жизни. Он должен научиться контролировать, формировать, сублимировать и одухотворять свои мотивы, потребности и интересы, в том числе такие, которые движимы сильными душевными порывами, такие, как потребность в признании и власти. Только так молодой человек может стать поистине человеком. И это пожизненный процесс, который может быть более или менее успешным и у каждого человека связан с ошибками и неудачами.

«Зло» поэтому – это все, что мешает быть человеком, нарушает этот процесс. Зло – это то, что опускает человека на нечеловеческий уровень, когда он становится злым животным, ведет себя, как чудовище. Чтобы противостоять этому, в течение тысячелетий выработались масштабы человечности, которые можно найти во всех больших человеческих культурах, и не только в религии, но и в философии. Что объединяет Иммануила Канта, Анри Дюнанна, Розу Люксембург, Томаса Манна, Альберта Швейцера, Ханну Арендт, Мартина Лютера Кинга, Нельсона Манделу и того, кто больше, чем кто-либо другой, поддержал меня в проекте мирового

этоса, Иегуди Менухина? Они все были адвокатами гуманизма, адвокатами истинной человечности. Передвижная выставка Фонда мирового этоса рассказывает о них в этом их качестве. Уже в 80-е годы мы с Вальтером Йене говорили в своих лекциях о нобелевских лауреатах писателях Генрихе Бёлле, Германе Гессе и о Томасе Манне, как об «адвокатах гуманизма».

Гуманизм, таким образом, – первый основной принцип общей этики человечества, той этики, главный принцип которой выражен в «Декларации Парламента религий мира» в Чикаго в 1993 году: «С каждым человеком необходимо обращаться по-человечески». Может быть, это тавтология или общее место? Ни в коем случае, и это ясно, если мы прочитаем, как конкретизируется этот принцип дальше: «С каждым человеком, будь то мужчина или женщина, белый или цветной, старый или молодой, богатый или бедный, нужно обращаться по-человечески, а не бесчеловечно, не по-зверски». Известные представители бесчеловечности, такие, как Сталин, Гитлер, Мао, Пол Пот, не нуждаются в передвижных выставках.

Если смотреть с этой точки зрения, то «человечность», чтобы быть практикой нашей жизни, не требует точного определения, так же как музыка или искусство. Под человечностью не понимается какой-то определенный «образ человека». Такие образы всегда возникают из какой-то определенной перспективы – христианской, иудейской или мусульманской, социалистической или либеральной, биологической или экономической. Эти образы очень часто входят в противоречие друг с другом. «Человечность» подразумевает *основной набор ценностей и стандартов*, которые ожидаются независимо от отдельных образов *всеми* людьми.

Ну вот я и подошел к очень важному и вселяющему надежду аспекту идеи мирового этоса, который может играть роль и в сегодняшней дискуссии о преподавании этики и религии в школе. Наверняка не только я буду рад, если наше церковное руководство наконец поймет, что христианские ценности могут раскрыться только в контексте общечеловеческих ценностей, да и

не против них. Вместо стратегии конфронтации и поляризации нужна стратегия солидарности и понимания. Четирем христианам различных исповеданий, которые являются примером воплощения в жизнь такой позиции, я с благодарностью посвятил мою книгу «Христианство. Сущность и история»⁷ (1994): папе Иоганну XXIII, Вселенскому патриарху Афинагору, архиепископу Кентерберийскому Майклу Рэмси и Генеральному секретарю Всемирного совета церквей Виллему Виссер'т Хоофту.

Гуманистический этос и мировые религии встретились

Как раз в точке элементарной человечности встречаются при всем их огромном различии гуманистическая этика и мировые религии. Конфуций, Будда, Моисей, Иисус из Назарета и – этому придают очень большое значение мусульмане – пророк Мохаммед каждый по-своему являются адвокатами гуманизма. Лично для меня уже со школьных лет, с шести лет учебы в государственной гуманистической гимназии в Люцерне, ясно: я понимаю себя одновременно, как христианин и как гуманист. Я со всех сторон осветил и обосновал это в моей книге «Быть христианином» (1974).

«Декларация мирового этоса» Парламента религий мира является гуманистическим документом, который могут принять и нерелигиозные люди. Там в качестве программного пункта записано: «Перед лицом всей бесчеловечности мира мы требуем: с каждым человеком следует обращаться по-человечески! Это значит: каждый человек независимо от возраста, пола, расы, цвета кожи, физических и умственных способностей, языка, религии, политических взглядов, национального и социального происхождения обладает неотчуждаемым и неприкосновенным достоинством. Поэтому каждый человек и государство обязаны уважать это достоинство и гарантировать его действительную защиту». Здесь выражена основа прав и обязанностей человека.

⁷ «Das Christentum. Wesen und Geschichte». – *Прим. пер.*

Речь идет не о преувеличенном индивидуалистическом этосе: принцип гуманизма действителен как для отдельной личности и ее дел, так и одновременно для общественных институтов и структур. Эти структуры должны служить людям, должны способствовать «очеловечиванию», гуманизации человеческого общества, не приносить ему вреда и служить общественному благу.

Основное требование гуманности определяется стародавним *Золотым правилом*, принципом *взаимности*. Мне оно еще с юных лет запомнилось в виде поговорки: «То, что не хочешь, чтобы делали тебе, не делай и другим». Но принципиальное и универсальное значение этого правила для человеческого общества открылось мне лишь в связи с мировым этосом. Еще за пятьсот лет до Рождества Христова мы находим у китайского мудреца Конфуция изречение: «Чего сам не желаешь, того не делай другим». В подобных формулировках мы находим его во всех больших религиях и этических традициях человечества. У Иммануила Канта, например, в, так сказать, секулярном образе категорического императива. Одна из его трех формулировок звучит так: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»⁸. А вот как сформулировал в XVII веке «английский Гиппократ» врач Томас Сиденхам золотое правило для медицинской практики: «Я никого не лечил иначе, чем я бы хотел лечиться сам, если бы у меня была такая же болезнь».

Это золотое правило взаимности является *вторым основным принципом общечеловеческого этоса*. При любой возможности я говорил политическим, экономическим, культурным и спортивным деятелям: это золотое правило должно иметь силу не только в отношении отдельных личностей, но и в отношении общественных и этнических групп, наций и религий. Но меня очень часто спрашивали, в каких конкретных масштабах должны выражаться эти основные принципы мировой этики.

⁸ «Критика практического разума», в Кант И. *Сочинения*. Т. 4, Ч. 1, М., 1965. С. 270. – *Прим. ред.*

Путь к большей человечности

Я долго размышлял над этим вопросом при подготовке «Декларации мирового этоса». На междисциплинарном и межрелигиозном коллоквиуме в Тюбингенском университете во время летнего семестра 1992 года мы обсуждали с другими учеными вопрос: по каким основополагающим принципам следует систематизировать всю эту огромную массу этического материала для этой декларации? Один из вариантов: на основе классических добродетелей: мудрости, смелости, справедливости и умеренности, которые часто путают с богословскими добродетелями: верой, надеждой и любовью. Но это получается слишком индивидуально! Другой вариант – систематизировать этику тематически: сексуальная и биоэтика, экономическая, медицинская, государственная? Но они слишком комплексны, чтобы наметить основные направления этического развития!

Одно из обсуждений за ужином к концу семинара с учеными индуистского, буддистского, китайского, мусульманского и христианского направлений привел меня к решению в пользу третьего варианта, который я тоже давно обдумывал. Короткий опрос сидевших за столом показал, что существует консенсус по поводу четырех этических императивов, которые мы находим не только в десяти заповедях еврейской Библии, а далее в Евангелии и Коране, но и у Патанджали, основателя йоги, в буддистском каноне и в китайской традиции: не убивать, не воровать, не лгать, не совершать сексуального насилия. То, что это совпадение не случайно, доказывает история. Везде на планете Земля – и об этом мы уже говорили – люди с самого начала имели экзистенциальную потребность в защите своей жизни, собственности, чести и сексуального партнерства. В основе мировой этики лежит первобытная мораль.

«Декларация мирового этоса» 1993 года не только не потеряла актуальности сегодня (и это дает мне новые силы), но и приобрела еще большее значение со времени начавшегося в 2008 году

мирового экономического и финансового кризиса (я высказывал опасения о таком развитии событий уже более чем за десять лет до этого). Ведь, помимо кризиса рынков и общественных учреждений, сегодня очевиден и кризис морали. Поэтому-то в связи с этим кризисом так много говорят о возвращении морали (*Comeback der Moral*), о необходимости моральных принципов в экономике, политике, науке, и в особенности в сотрясаемом скандалами спорте.

Но недостаточно, если философы будут говорить только о категорическом императиве, богословы – об абстрактной совести, а политики и экономические деятели, ученые и функционеры спорта – только в целом о необходимости доверия, ответственности и добросовестности. Необходимо конкретно, смело и понятно говорить о содержании *ценностей и стандартов*. При этом, конечно, вообще нужно не предаваться детальным запутанным этическим спорам, а обратиться к древним нормам человечества, которые так преступно игнорируются в наше время фашизма и нацизма, государственного социализма, турбокапитализма и неоимпериализма. Нам срочно нужна *этическая основа*, без которой общество не сможет долго существовать ни в большом, ни в малом, рамки этического порядка, без которых не смогут функционировать никакой мировой порядок и никакая новая финансовая архитектура.

То есть, исходя из четырех указанных пунктов, следует способствовать развитию *культуры человечности*. Я приведу здесь коротко то, что подробно описано в «Декларации мирового этоса» (см. в Интернете www.weltethos.html). Каждый человек и каждая организация несет ответственность:

– за культуру ненасилия и благоговения перед жизнью. Уважай жизнь! В соответствии с древним правилом «Не убий» – не пытай, не мучай, не наноси ран;

– за культуру солидарности и справедливый экономический порядок: действуй справедливо! В соответствии с древним правилом «Не укради» – не эксплуатируй, не давай взятку, не коррумпируй;

– за культуру терпимости и жизнь в правдивости: говори и действуй честно! В соответствии с древним правилом «Не лги» – не обманывай, не подделывай, не манипулируй;

– за культуру равноправия и партнерства мужчины и женщины: уважайте и любите друг друга! В соответствии с древним правилом «Не распутствуй, не злоупотребляй сексуальностью» – не обманывай, не унижай, не оскорбляй достоинства.

Эти принципы «Декларации» совпадают по сути с выраженными на языке ООН принципами предложенной Советом взаимодействия бывших руководителей государств и правительств под председательством экс-канцлера Германии Гельмута Шмидта «Общей декларации обязанностей человека» (1997 г., см. www.interactioncouncil.org). Но чтобы не было недоразумений: моральные императивы – это не законы, которые должна утвердить какая-то комиссия. Они уже существуют с самого начала и рассчитаны на добровольное намерение взять на себя эти обязательства.

Но их можно и нужно утвердить и довести до общего сведения какой-то организацией, представляющей мировое сообщество.

Все эти правила, конечно, действительно и для меня лично. Но в конце этой главы о жизненном пути возникает вопрос: хватит ли их, чтобы пройти своим жизненным путем? Конечно же нет.

Идти своим путем

Как раз те самые семь лет строгого римского воспитания научили меня не бояться церковных авторитетов и идти своим путем, постоянно критически соизмеряя с моей церковью все свои решения и оценки. Я всегда был и остаюсь благодарным за то, что на моем пути всегда были верные попутчики – вблизи и вдалеке. «*Going my way* – идти своим путем»: так назывался в мои римские годы фильм с участием очень популярного тогда американского актера Бинга Кросби. Он играл в фильме молодого независимого вика-

рия, который бодро и уверенно шел своим путем, несмотря на сопротивление консервативного пастора.

Но мои конфликты не разрешались так легко, как в фильме. Даже обладая доверием к жизни и жизненной радостью, даже опираясь на проверенные ценности и нормы, очень не просто найти собственный путь, принимать жизненные решения и уметь сказать себе: будь таким, какой ты есть. Не давай другим определять твою жизнь, реши сам, какую роль ты хочешь сыграть в жизни. Но и не кружись вокруг собственной оси, не будь эгоцентриком. Не отступай. «Стремись вперед! *Avanti, Savoia!*» (лозунг итальянских борцов за свободу в XIX веке) – такую подпись сделал великий Карл Барт на своем сопроводительном письме к моей диссертации об «Оправдании».

Молодому поколению сегодня, казалось бы, *легче* принимать определенные решения: выбор профессии, партнера, места жительства. Степень личной свободы выросла, а в эпоху средств массовой информации намного легче получать разнообразную информацию. С другой стороны, переизбыток информации не снимает проблемы отсутствия ориентиров, а скорее усугубляет ее. Не хватает не практических знаний, а знаний для ориентирования.

Многие жизненные решения встречают *сопротивление*. При этом, если идти напролом, так сказать, головой о стенку, то частенько может пострадать голова. С другой стороны, подверженность чужому влиянию тоже не говорит о твердости характера. Я всегда стремился найти путь в промежутке между догматическим упрямством и приспосабливающейся мягкостью, соединить твердость и способность адаптироваться. Но бывают критические ситуации в жизни, которые требуют от человека трудных и очень важных решений. Раньше говорили о выборе Геракла: этот античный миф рассказывает о молодом герое, размышляющем о выборе пути. Перед ним предстают две женщины. Сначала женщина, олицетворяющая порок, подруга всех желаний и удовольствий, которая обещает ему всевозможные блага. Затем Доброде-

тель, которая обещает ему тяжелый путь, на котором он сможет достичь вершин добра и мастерства. Обе женщины рассказывают наглядно и подробно о своих преимуществах и о слабых сторонах соперницы. У Геракла есть выбор между легким путем жизненных удовольствий и трудным путем добродетели. И он выбирает добродетель.

Очень многие молодые люди сегодня стоят перед еще более сложным выбором не только между желанием и добродетелью, но и между смыслом и бессмысленностью жизни. И если мы думаем о смысле, то, конечно, встает вопрос: в чем смысл жизни? Моей жизни? Этому вопросу посвящена следующая глава.

4. СМЫСЛ ЖИЗНИ

«Мы можем, если понимаем свое дело (что здесь должно предполагаться), заставить индивида – или по крайней мере помочь ему – дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности. Такая задача мне представляется отнюдь немаловажной даже для чисто личной жизни¹».

Социолог и экономист Макс Вебер, «Наука как профессия и призвание», доклад перед студентами Мюнхенского университета зимой 1918/19 года. (*Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, S. 608).

С доверием к жизни и с радостью в жизненный путь – но как обстоит дело со смыслом жизни?

Идти своим путем – это и для богослова не всегда просто. Я никогда не забуду, как я возвращался за рулем моего «фольксвагена» из Мюнхена в Тюбинген 3 мая 1962 года. Как я был одинок и подавлен: лучше бы сейчас врезаться в дерево! Чего ты стоишь как богослов, если тебя не понимает даже тот коллега, который лучше всех других мог бы тебя понять? Мне было 34 года, и уже два года вопреки моему первоначальному жизненному плану я был профессором фундаментального богословия в университете в Тюбингене. На основе моих вступительных лекций о богословии Церковного собора я написал книгу «Структуры церкви». Книга эта отличалась принципиально от традиционной католической догматики опорой на библейский текст и строго историческим подходом к истории церкви, Собора и папства. По поводу этой рукописи в Мюнхене и произошел жаркий спор с глубокоуважаемым мною ведущим католическим богословом Германии, иезуитом Карлом Ранером. Мы спорили об определении прimate и непогрешимости папы Первым Ватиканским собором. Мне было не обойтись без его положительного отклика как для публи-

¹ Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 721. – Прим. ред.

кации книги в католическом издательстве «Хердер», так и для получения необходимого церковного разрешения на публикацию (*Imprimatur*). Мне удалось тогда обуздать свои эмоции с помощью разума и веры. Как развивался этот спор и как он в конце концов был улажен так, что книга все же смогла выйти вовремя к началу Собора, я подробно описал в моих воспоминаниях «Завоеванная свобода» (*Erkämpfte Freiheit*). То, что ситуация и для меня и для Ранера после Собора может только ухудшиться, мне не приходило в голову. Вопрос о смысле моей богословской карьеры и моей жизни вообще вставал передо мной с еще большей настойчивостью, чем в мои студенческие годы.

Зачем мы на Земле?

У каждого человека вопрос о смысле жизни может вдруг выйти на передний план в любой момент. И не лучше ли сознательно задаться этим вопросом до того, как попадешь в глубокий кризис? Во всяком случае, это лучше, чем теоретизировать над умными или не очень, а иногда и просто скучными рассуждениями философов и литераторов о понятиях «жизнь, смысл, смысл жизни».

Конечно, я не считаю совсем бесполезным поразмышлять над философским вопросом, предметом споров еще позднего Средневековья: являются ли понятия, которыми мы оперируем, только названиями (*Nomina*) для отдельных явлений действительности, как это утверждают «номиналисты», или наши общие понятия имеют основание в реальной жизни, как полагают «реалисты». Переведа это на современный язык: смысл в самих вещах или в наших головах, в нашем мышлении? Есть ли у вещей свойственный им, неотъемлемый от них смысл, или мы конструируем этот смысл и приписываем вещам наши языковые выдумки? Можно много теоретизировать и размышлять о том, есть ли один смысл или несколько. Смысл определенных областей действительности или жизненных этапов или смысл вообще для всего челове-

ства, всей действительности. Я еще вернусь к некоторым из этих вопросов.

Но, мне кажется, важнее, чем теоретически размышлять о смысле, четко понять, что люди столетиями ставили перед собой вопрос смысла жизни совсем не в этом ключе. Для времени еврейской Библии, для времени Нового Завета, да и еще и для средневекового человека не существовало вопроса смысла жизни. Почему? Потому что люди исходили из того, что на этот вопрос давным-давно есть ответ. Смысл жизни был ясен: он в Боге и соблюдении Его заветов! Эта вера жила в каждом отдельном человеке и в сообществе верующих. Зачем тогда задумываться о каком-то особенном смысле индивидуальной жизни?

С этой точки зрения мы говорим сейчас о типичном вопросе Нового времени. Первым четко сформулировал вопрос смысла жизни в качестве первого вопроса своего «Катехизиса» юрист и богослов Жан Кальвин. Этот французско-швейцарский реформатор, к которому в Германии в большинстве случаев отношение отрицательное, своим благочестием, четкими богословскими обобщениями, организационным талантом и пониманием важности международных связей вывел протестантизм на мировой уровень. В то время как Мартин Лютер сконцентрировался на проблеме отношения Закона и Евангелия, Кальвин в 1542 году начал свой «Женевский катехизис» с основополагающего вопроса: «В чем главная цель человеческой жизни – *la principale fin de la vie humaine*?» Краткий ответ: «*C'est de connaître Dieu* – познать Бога». Второй вопрос: зачем? «Потому что Он создал нас и послал в этот мир, чтобы быть прославленным в нас». Слава Божья, *Gloria Dei* – вот смысл и цель человеческой жизни.

Католические катехизисы обратились к этому вопросу только в XVII веке. И стандартным ответом стали слова, знакомые мне с детства: «Познать Бога, любить Его и служить Ему, чтобы когда-то попасть в рай (или получить дар вечной жизни)».

Только в 1948 году «Голландский катехизис» впервые отвечает на этот вопрос: «Чтобы когда-то стать счастливым на этой зем-

ле». И только после Второго Ватиканского собора вопрос о смысле жизни рассматривается во всей его полноте в выпущенном в Нидерландах в 1966 году «Новом катехизисе»². В этом быстро распространившемся по всему миру и тут же подвергнутому преследованиям римской инквизиции тексте речь идет о «желании счастья в большом и малом, о потребности быть добродетельным и о нашей уязвимости в отношении к болезням, разочарованиям, вине и нужде». Но я не хочу попросту заменить здесь вопрос о смысле жизни вопросом о Боге. Я хочу поставить вопрос смысла жизни прямо и в современном секулярном контексте.

Вопрос о смысле в науке и экономике

После Реформации и окончания религиозных войн стало ощутимым влияние Просвещения. Чуть позже я вернусь к этому. Здесь только основные вехи: Просвещение зародилось в XVII веке в Англии с деятельности *Freethinkers* (вольнодумцев), которые хотели быть свободными от религиозных догм, было продолжено в XVIII веке во Франции *Libres penseurs* (свободомыслящими) и энциклопедистами. В это время произошел поворот к атеизму. В XIX веке значительно выросло число свободных духом, свободномыслящих (*Freigeister, Freidenker*) и в Германии: с одной стороны – среди либеральной буржуазии под влиянием материалистического естествознания, с другой стороны – среди рабочего класса под влиянием Карла Маркса и диалектического материализма.

Социолог Макс Вебер, один из крупнейших мыслителей начала XX века, говорил в своем убедительном докладе «Наука как профессия и призвание» в тяжелую зиму 1918/19 года перед студентами Мюнхенского университета: «Судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией, и прежде всего расколдовыванием мира заключается в том, что

² Общепринятое наименование «Новый катехизис: изложение веры для взрослых» (голл. *De Nieuwe Katechismus: Geloofsverklonding voor volwassenden*). – *Прим. пер.*

высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных индивидуальных отношений» (*Наука как призвание*³. С. 733–734).

Поэтому неспроста людям в нашем «расколдованном» мире так трудно разобраться во всех этих философиях и богословиях, мировоззрениях и религиях, которые предлагают себя как источники смысла. Многие люди чувствуют себя неуверенно, потому что в этой новой ситуации собственная религиозная (или нерелигиозная) точка зрения кажется относительной. В такой ситуации профессор, по мнению Макса Вебера, не должен строить из себя пророка, демагога или мессию, который навязывает слушателям свою точку зрения. Но он должен «с интеллектуальной добросовестностью» стараться помочь своим слушателям достичь «ясности». Он должен «заставить индивида – или по крайней мере помочь ему – дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности», чтобы окончательно выбрать свою позицию «из последних вообще *возможных* позиций по отношению к жизни» (Указ. соч. С. 721 и далее).

Первое принципиальное решение в жизни, как мы это уже видели, выражается в глубинном доверии или недоверии, в принятии или непринятии вообще смысла и ценности действительности. Но и в науке университетский преподаватель должен следовать сейчас не только «нейтральной объективности», как полагал Макс Вебер. И в естественных науках, и в экономических дисциплинах большую роль играют различные интересы, и в этих дисциплинах необходимо ставить *вопрос смысла*. Мировой экономический кризис показал опасность экономики и технологии без вопроса «зачем?». Экономисты, банкиры, аналитики, рейтинговые агентства, журналисты и политики убеждали общественность в полной «научной» предсказуемости и управляемости экономики, совершенно не учитывая иррациональных факторов и подсте-

³ Вебер М. *Избранные произведения*. М., Прогресс. 1990. – Прим. ред.

регающих повсюду опасностей и осложнений. Но жизнь показала, что все математические экстраполяции и экономико-социологические модели не могут с уверенностью предсказать экономического развития, что все расчеты основывались на определенных предположениях, которые были, как правило, преувеличенно оптимистическими и базировались на вере в прогресс.

И в США слышится все больше критических голосов по поводу такой науки. Викторианский историк Томас Карлейль называл экономику «*the dismal science* – унылая наука». В 2008 году эту мысль подхватил гарвардский экономист Стивен Марглин в своей книге с подзаголовком «Как образ мышления экономистов подрывает общество» (*How Thinking like an Economist undermines Community*). Может быть, это звучит преувеличенно, если мы говорим о любой экономической мысли. Но мировой экономический кризис дает импульс тем европейским ученым, которые не попали под влияние американской веры в математику и мыслили меньше в категориях статистики, а зато больше в понятиях «порядка», ценностей и общественных взаимодействий. Смысл рыночной экономики для них в равновесии между индивидуальной свободой и социальной справедливостью, это свободный,образный человек порядку, социально-экономическая рыночная экономика на базе этики.

Итак, вопрос о смысле отдельной человеческой жизни должен рассматриваться в контексте общества, природы, человечества в целом. Но теперь, после этих размышлений о смысле науки и экономики, хочется поговорить опять о смысле отдельной человеческой жизни, моей жизни. Мы переходим в нашем духовном восхождении от предгорий к высокогорью.

Смысл жизни отдельного человека

Моя жизнь тоже проходила не гармонично, не бесконфликтно и не беззаботно. Никому не избежать кризисов. Слово «кризис» происходит от греческого *krinein* – разделять, различать и подраз-

умеает решающее обострение сложного пути развития. Странное дело: как и другие важные для меня ключевые слова (доверие, гражданское мужество), этому слову долгое время не уделялось внимания в богословских словарях и справочниках. Это примечательно как раз для нашей ситуации, когда можно говорить об аккумуляции, скоплении кризисов, о фундаментальном кризисе.

Каждый человек может испытать на своем жизненном пути какой-то личный кризис: болезнь, кризис веры, вообще жизненный кризис. При таком личном кризисе человек должен сам заниматься, так сказать, кризис-менеджментом, без помощи кризисных комитетов. Ведь каждое жизненное решение *несет в себе риск*. Так же, как в экономике, и в личной жизни мы не можем предсказывать или полностью контролировать развитие. В любом случае, всегда следует для себя учитывать риски и рассматривать наряду с положительным и негативный вариант развития событий.

Какие-то жизненные решения в определенных случаях можно *исправить*. Вместо богословия начать изучать экономику или наоборот. Можно искать для себя совсем новое поприще. Но большинство жизненных решений необратимо: как постелешь, так и поспишь. Ведь мы учились именно этой, а не другой профессии. Нет смысла всю жизнь горевать о неправильно выбранной профессии (я думаю при этом о каком-нибудь успешном маляре, который хотел бы быть художником, или о юристе, полагающем, что его призвание на пасторском поприще). Если когда-то принятое решение нельзя или не хочется изменить, то лучше принять ситуацию и постараться извлечь из нее наибольшее благо.

И с религиозной точки зрения человек снова и снова встает перед выбором. Я знаю людей, воспитанных без религии, которые так и остались атеистами, и других, которые как раз поэтому отправились на поиски веры. Я знаю людей разных конфессий, воспитанных религиозно, которые остались верны своей «детской» религии, и других, которые ищут просвещенной веры. Я знаю многих католиков, которые отошли от своей церкви, и других, которые, несмотря на недовольство церковной иерархией, активно

участвуют в жизни своей общины. Я знаю католиков, протестантов, православных, которые поменяли свое религиозное направление. К счастью, в современном секулярном обществе наших широт церковная власть не может принудить людей к вере. Каждый человек может свободно выбирать, а если наступит кризис веры, поменять конфессию или вообще отказаться от веры.

А жизненная этика, служащая опорой в жизни, – и это нам нужно здесь подчеркнуть – может быть и без религии. Но лежит ли в основе этики религия или просто гуманистические идеалы, мой собственный жизненный опыт подтверждает результаты социологических исследований, которые показывают, что этически ориентированные люди чаще проживают счастливую жизнь, чем так называемые сибариты. По крайней мере одно верно: жизненное наслаждение и жизненный смысл – это разные вещи.

Потеря смысла

Я понимаю, что в определенных жизненных ситуациях люди могут поставить под сомнение все. Зачем все это? Что дает именно моей жизни направление, смысл? Конечно, это те вопросы, которые мы в ежедневной суете, когда нужно сделать столько важных дел, просто чтобы удержаться на плаву, как правило, оставляем вне поля зрения, отодвигаем от себя.

Никто и ничто не может заставить человека задуматься о вопросе смысла жизни. Он может просто-напросто закрыться от этого вопроса. Так, например, высоко ценимый мной профессор педагогики Хартмут фон Хентиг (род. 1925) говорит, что не знает смысла своей жизни и не страдает от этого: «Сама моя жизнь есть ее смысл» (*Christ in der Gegenwart*⁴, № 36, 1999).

При всем уважении: не слишком ли поверхностен этот ответ? Что же мы должны теперь ответить всем тем многочисленным людям, которые потеряли смысл жизни и разочаровались в ней? Что

⁴ «Христианин в современности». – Прим. пер.

им надо видеть смысл в самой жизни? Конечно, легко говорить так, когда ты профессор и, оглядываясь на долгую жизнь, понимаешь, что при всех достижениях и поражениях «жизнь прожита хорошо». То же самое я мог бы сказать и о своей жизни. И, само собой разумеется, никакая сила в мире не может предписать человеку видеть такой смысл. Но как быть с теми, у кого нет хорошей жизни, с теми, кто думает о хорошей смерти? Не нужно ли копнуть поглубже как раз потому, что, как и Хентиг, я могу в моих многочисленных задачах видеть скорее «средство для жизни», чем «жизненную цель»?

Искать глубокий смысл жизни во времена общего кризиса смысла? К сожалению, я из своего опыта знаю: в обществе, на вечеринках, на иных собраниях, в газетах и журналах – везде по поводу таких вопросов предпочитают шутить, люди стараются показаться равнодушными, отстраненными, ироничными... Но мой опыт говорит и о другом: если этот вопрос задан прямо или человек оказался в сложной, пограничной ситуации, ответ на такой вопрос может оказаться очень эмоциональным: ну и чего вы хотите этим добиться? Почему, зачем, к чему это все? Я не знаю...

Конечно, есть и циники, сегодня – даже среди молодежи, которые тут же ответят: все равно и в политике, и в экономике, и в обществе все коррумпировано, прогнило и бессмысленно. Мне всегда хочется спросить: правда? Действительно все? Или эта действительность предстает такой, потому что ты так на нее смотришь? Разве не будет по-другому выглядеть интимная связь или экономическое партнерство, если все идет хорошо? И не воспринимают ли люди банкротство или супружескую неверность совсем по-другому, если это касается лично их, а не кого-то, о ком пишут в бульварной прессе?

Как бы это ни было, мне кажется, стоит для ориентации в жизни поставить вопрос о *смысле* вообще, говоря обобщенно о *духовном каркасе* нашей жизни, и сделать это до того, как судьба ударит нас, чего не избежать никому. Потеря смысла, которая может привести к депрессии, агрессии или алкогольной или наркотической зависимости.

Я знал и помню многих людей, у которых вдруг по разным причинам разрушилось все их миропонимание, которые перестали видеть смысл в религии или политике. Неожиданно потерявший работу сотрудник фирмы или банка, проработавший там годы и теперь оказавшийся лишним. Вынужденный закрыть фирму в результате экономического кризиса уважаемый предприниматель. Или владелец дома, который, как это часто бывает в Америке, вынужден продать дом. Я думаю о людях, потерявших смысл в середине жизни, когда достигнуто все, чего можно было достичь, а все же всего, чего хотелось бы еще добиться, уже не достичь (работа и зарплата, о которой мечтал, хорошая семья). Я думаю о тех мужчинах и женщинах, которые потеряли единственного спутника жизни или сердечно любимого ребенка. Или о тех, кто стал инвалидом в результате аварии или заболел раком. Я думаю о вопросе смысла жизни многочисленных пожилых людей, становящихся все слабее и страшящихся старческого слабоумия. Я думаю о многочисленных молодых людях, которые хотят знать, какова цель их жизни в наше кризисное время, хотят понять мир и его смысл.

Но я не хочу говорить только об отрицательных примерах, которые нас угнетают, приземляют. Скорее мне хочется, не драматизируя излишне, подумать о различных возможностях, которые имеет или которыми пользуется человек сегодня, чтобы придать своей жизни смысл. Может быть, тогда нам откроется важная зависимость, глубоко скрытая за многими поступками и страстями, делами и историями.

Работать, чтобы жить

В чем же смысл жизни? Тот, кто, как я, родился в 1928 году, накануне великого биржевого кризиса, вырос во времена нацизма, фашизма, коммунизма и Второй мировой войны, знает: для многих представителей старшего поколения этот вопрос долго не представлял проблемы. Ведь тот, кто в поте лица своего должен трудиться ради выживания, – а таких людей большинство и сегодня

во многих странах Азии и Африки, – тот видит смысл в краткосрочных задачах обеспечения пропитания, одежды, крыши над головой. Как правило, ему не до кризисов смысла.

Во время Второй мировой войны по понятным причинам *работа* стояла в центре человеческой жизни: сначала работа ради выживания, потом все больше и больше – ради лучшей жизни. В этом рабочем обществе свободное время имело второстепенное значение. Работа не только обеспечивала жизнь и растущий жизненный уровень, работа легла в основу новой этики результативности и успеха. Работа просто гарантировала новый смысл жизни: «Я хочу чего-то добиться для себя и своей семьи». Подъем по социальной лестнице и успех.

Для меня лично в этом отношении мало что изменилось. Или есть смысл жизни без работы? Смысл ничегонеделания? Только в свободном времени, удовольствиях, проматывании жизни? Или, может быть, есть смысл в отказе от достижений, в покорности судьбе и фатализме, в уходе от жизни, в отказе от всего? Соблазн отступить, когда проблемы растут выше головы, посещает и менеджеров, и политиков, и даже ученых. Но таким образом я ведь не найду себя, я увижу только мои собственные границы, но не смысл моей жизни. Так все-таки смысл скорее в работе?

Меня считают неутомимым тружеником. И действительно, я отношусь к тем счастливицам, которые могут сказать, что работа – это их хобби. Но вообще-то работа для меня не хобби, еще меньше заработок, а скорее призвание. Я знаю, что я служу большому делу, которое требует от меня отдачи всех сил. Даже в отпуске я работаю: читаю, изучаю, пишу, и это мне приносит удовлетворение, особенно если я могу при этом немного плавать, слушать классическую музыку и находиться на моей прекрасной родине, на природе и свежем воздухе.

Но, несмотря на это, я не трудоголик, который кроме своей работы ничего другого не видит. Я люблю разговаривать с другими людьми. Я не рабочее животное, которое выполняет свою задачу механически, инстинктивно, бездумно, ради денег. Нет, я всегда

при деле, но и при себе самом. Я работаю страстно, но не жесто- ченно. Я чувствую единение со всеми людьми вокруг меня, кото- рые работают часто так же интенсивно, как и я. Но, конечно, и для меня с возрастом встает вопрос: неужели невозможно освободить- ся от этих принуждений?

Жить, чтобы работать?

Я старею. Каждый человек когда-нибудь стареет. И смысл жизни мо- жет меняться в зависимости не от количества лет, но от пережитого. Вместе с Карлом Ранером и Йозефом Ратцингером я участвовал во Втором Ватиканском соборе (1962–1965). При всем моем личном уважении к Ратцингеру я по сей день в корне не разделяю его взгля- дов на культурную революцию 1968 года и ее требования эмансипа- ции, просвещения, реформ, прозрачности и терпимости. Студенче- ская революция 1968 года потрясла на всем пространстве от Беркли в Калифорнии и Анн Арбор в Мичигане до Парижа, Франкфурта, Берлина и Тюбингена сами устои общества труда и успеха, весь «благополучный» мир как верующего, так и неверующего простого человека. Ведь в центре интересов поднявшегося на протест моло- дого поколения, студентов и симпатизирующих им журналистов и политиков стояла не работа, успех, заработок, карьера и социальный престиж, а скорее утопия, критика общества словом и действием, отрицание условностей, насилия, автономность и самореализация. Такими были новые лозунги, в которых я, в отличие от Йозефа Рат- цингера, видел много правильного и хорошего.

В этом движении заявило о себе новое отношение к жизни: речь шла уже не просто о выживании и не о «лучшей жизни» в мелкобуржуазном смысле, а все больше о жизни, полной новых *переживаний*. По крайней мере главный вопрос мне казался по- ставленным верно: работать, работать! И что же, в этом смысл жизни? Как контрапункт напрашивалось: жизненный смысл не может быть только в работе! Человеческая жизнь – это больше, чем работа. Работа – это важный элемент моей жизни, но не ее

суть. Человеческая деятельность ведь так и так включает в себя не только работу, но все наши действия в области семейных и личных отношений, в социальной, политической и культурной области, касается не только нашего коммерческого дела – *Neg-otium*, но и нашего досуга – *Otium*. Досуг – это не безделье, инертность и лень, он включает в себя и расслабление, свободное время, игру, спорт, занятия музыкой, покоем.

Это относится и ко мне: в моей «одионочной борьбе», богословской, церковной и общественной полемике я подчас должен доходить до предела моих границ. Но если я не буду отдыхать от этих многочисленных задач, если работа, в первую очередь работа для заработка, станет для меня самоцелью, если я дойду до хронического напряжения и перенапряжения, если буду бежать от одной деловой встречи к другой и все равно ничего не успевать, если гиперактивность приведет к ощущению неудовлетворенности, подавленности, к истощению, в конце концов, к кризису трудоголика, сгорающего на работе, тогда я узнаю в современной форме то, что апостол Павел и Лютер называли «проклятием Закона».

Миллионы людей вздыхают под бременем повседневного труда, страдают от всевозможных необходимостей: быть продуктивным, вести за собой, работать, быть успешным. И конечно, возникает вопрос: неужели невозможно освободиться от этих принуждений?

Получить удовольствие от жизни

В последние десятилетия XX века в секуляризированных странах сформировалось то, что культурологи и социологи, как например, Герхард Шульце, назвали «общество переживаний»⁵. Общество, в центре которого стоит уже не работа, а всегда новые переживания, опыт и события – *event*. Само событие часто превращается в само-

⁵ *Erlebnisesellschaft* (образовано от нем. *Erlebnis* = переживание и *Gesellschaft* = общество). – Прим. ред.

цель, своего рода форму религиозного действия или «хэппенинга», (*Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart*⁶, 1992 г.).

Я не делаю для себя исключения: как много есть такого, что нам не нужно, но хочется. От новой одежды до новой машины, впечатления от которых для нас очень часто важнее, чем реальная польза от их приобретения. Смысл жизни не столько в работе, сколько в поиске приятных ощущений и в так называемой «эстетизации» повседневности: все должно быть привлекательнее, красивее, забавнее. И еще: позволительно то, что доставляет удовольствие!

Но, как и многие мои современники, я считаю проблематичным, что наряду с рынком труда рынок развлечений превратился в нашем обществе в область, подчинившую себе нашу повседневную жизнь. Предложение все изощреннее, потребитель все привычнее. Мы уже давно привыкли к тому, что постоянно возникает что-то новое. Современная грандиозная рекламная индустрия, имеющая миллионные обороты, ежедневно демонстрирует нам счастливые, большей частью молодые лица. Но люди, несмотря на все свое желание оставаться молодыми и на все достижения косметической и оздоровительной индустрии, стареют. Нынешняя ориентация на впечатления не должна превращаться в стресс, а жажда жизни – в жизненное разочарование.

Я не против сильных впечатлений. Мои «Воспоминания» свидетельствуют: в моей жизни было множество радостных переживаний, но немало и печальных. Жизнь, богатая встречами с людьми различных вероисповеданий и образа жизни, необыкновенными событиями и путешествиями, успехами и радостями, но иногда – и об этом я мог бы много порассказать – и страданиями и потерями.

Но в результате всех этих переживаний я не стал «прожигателем жизни», который стремится наслаждаться только ее приятными сторонами. Такие «бонвиваны» меня лишь забавляют, я не завидую им. «Плейбой» с седыми волосами просто смешон. Ге-

⁶ «Общество переживаний: культурсоциология современности». – *Прим. пер.*

донизм, цель которого – получить удовольствия и пощекотать нервы, не принесет счастья надолго. Поэтому я спрашиваю себя: получить впечатления от жизни – действительно ли в этом смысл? Очень многие работают поистине только для того, чтобы после зачастую скучной работы у конвейера или в офисе получать все больше удовольствий и впечатлений. И я вижу, что нередко разговоры, даже в так называемом «высшем обществе», вращаются вокруг свободного времени, футбола, здоровья, телевидения, путешествий и поездок и так далее.

Хватит ли этого, чтобы сделать людей более счастливыми? Не демонстрирует ли сегодняшнее общество изобилия лучше, чем что-либо, что никакие излишества не могут удовлетворить потребность человека во впечатлениях?

Полная жизнь?

Почему человек может испытывать чувство удовлетворения только очень короткое время? Исследования показывают, что приятное событие любого рода можно лишь условно планировать и совсем нельзя «создать». Это я знаю из собственного опыта. Выполнение хорошо продуманного плана может закончиться разочарованием, а уже второе путешествие к тому же месту отдыха не будет таким великим событием, как в первый раз.

И второе: новые, лучшие предложения затмевают предыдущие, они делают прошлое скучным и таким образом подталкивают нас к новым удовольствиям. Иначе не может функционировать наша экономика предложений. Даже если мы на мгновение чувствуем, что ожидание исполнено, очень скоро на ум приходит вопрос: а что дальше?

И действительно, это парадокс: чем больше человек привыкает искать удовлетворения, тем меньше его получает.

К этому парадоксальному выводу пришел не я, как богослов, а уже упомянутый социолог Герхард Шульце, размышляя о нашем обществе развлечений: «На человека ложится бремя ожидания

чего-то не только от выходного дня и отпуска, но и от человеческих отношений, профессии, других областей жизни, и это порождает разочарование. Чем безоговорочнее человек видит смысл своей жизни в сильных ощущениях, тем больше его охватывает страх, что он их не получит...»

Я тоже придерживаюсь этого убеждения: как и работа, неустанный дисциплинированный труд, так и постоянно новые впечатления не могут одни надолго придать смысл обычной человеческой жизни в нынешних условиях. За работой и за развлечением стоит экзистенциальный вопрос: *зачем?*

Парадоксально: мы все раньше выходим на пенсию, но остаемся все дольше трудоспособными и готовыми получать удовольствия, а посему ищем, чем наполнить жизнь. Но люди, которые заботятся только о себе, теряют. Люди, которые заботятся о других, получают. Общественная деятельность требует труда, энергии, но и дарит радость и удовлетворение, поэтому даже в преклонном возрасте не дает развиться естественной усталости от жизни.

Поэтому напрашивается очень важный вывод: весь труд и все интересные события в профессиональной области, в свободное время и в преклонном возрасте имеют в конце концов смысл только тогда, когда сама жизнь имеет смысл. Поэтому центральный вопрос для меня: в каких случаях человеческая жизнь сама по себе обретает смысл? Не кратковременно, а постоянно, смысл моей жизни, проходящий через все жизненные, возрастные периоды. Есть ли еще непреходящие жизненные ценности?

Самовыражение

Сегодня уже никто не отрицает, что многое из того, что раньше наряду с работой и развлечением придавало нашей жизни смысл, находится сейчас в кризисе. Потому что под угрозой не только финансово-экономические основы общества. Разрушаются и основные ценности. Конечно, многое – это только изменение ценностей, не их потеря. Но после того как традиционные церковные и обществен-

ные структуры, которые помогали разобраться в вопросе смысла, потеряли свой авторитет, мы уже не можем закрывать глаза на то, что *мораль*, которая раньше учила человека еще в детском возрасте, что хорошо, что плохо, что гуманно, что не гуманно, зачастую трактуется весьма произвольно, и даже десять заповедей большей частью преданы забвению. Дети, с которыми обращаются как с «партнерами», могут превратиться в «маленьких тиранов» (детский психиатр Михаэль Винтерхофф). Нашей позицией *anything goes*⁷ мы, взрослые, подаем плохой пример. Слишком часто откровенное стремление к власти у политика рассматривается как положительное качество. В области финансов и экономики распространяются алчность, потеря чувства меры, коррупция в невиданных масштабах! Во многих средствах массовой информации пропагандируется утонченный эксгибиционизм, сексуальная извращенность выставляется как «обычный товар индустрии развлечений».

Я не хочу ни плакаться, ни обиженно морализировать. Но не только я прихожу к выводу, что в такой ситуации гораздо труднее призывать к истинно хорошей жизни, а значит, к налаживанию человеческих связей, к долгу и ответственности. Особенно это касается молодежи. Добрый совет сегодня в буквальном смысле дорог, совет психологов и психотерапевтов, многие из которых, как показывают некоторые публикации, сами находятся в поисках смысла.

Их совет очень часто звучит так: перед лицом изменений в экономике, политике, религии, делающих все относительным, перед лицом все более очевидного вакуума смысла нужно искать *смысл в самом себе*. «Трудись над своим “Я”, реализуй свой потенциал, сам ставь перед собой цели, создавай свою мораль, открывай смысл жизни. Определи сам, что ты считаешь имеющим смысл, и реши, следуя каким принципам, ты хочешь жить».

Так что же, мне тоже следует советовать: «Реализуйся!»? В этом смысл нашей жизни? Но возникает вопрос: действительно ли самореализация дает нашей жизни тот смысл, который опре-

⁷ «Все сойдет», «можешь делать, что твоей душе угодно» (англ. разг.). – Прим. ред.

деляет ее направление? Дает ли она все то, что так важно с точки зрения психологов и психотерапевтов: чувство самоидентичности и чистой совести, целостности и стабильности, все, что помогает преодолеть тяжелые кризисы?

Не слишком ли многого мы хотим от нашего «Я»?

Уж я точно никогда не буду возражать против самореализации. Слишком долго в христианской традиции стремление к самореализации осуждалось как эгоизм. Требовалось отказаться от своего «Я», обратиться к аскезе ради аскезы и быть смиренным. Я всегда критиковал эти тенденции и в этой книге с самого начала подчеркивал, что краеугольным камнем здоровой личности является доверие к жизни и к себе.

Лично для себя считаю особой удачей, что я, благодаря стабильным семейным отношениям и моей родине, привившей мне уважение к человеку, благодаря хорошему воспитанию и образованию, обладаю сильно *выраженной верой в свои силы*. Это то, что сейчас вновь требуется от воспитания (см. редакционную статью в журнале «Шпигель», № 15 от 6.4.2009 г.: «Сильное Я. Как дети справляются с жизнью»⁸). Без внутренней силы, психической стабильности и стойкости мне не удалось бы выстоять без серьезных потерь (о некоторых ударах и душевных ранах я не говорю) в моей борьбе за «спорные истины». Нередко мои противники, завистники, «доброжелатели» воспринимали мою уверенность в себе при изложении аргументов как высокомерие, мои обоснованные вопросы – как дерзость, мою критическую позицию – как гипертрофированный эгоцентризм, а мою здравую убежденность – как недостаток смирения. Как часто мне приходилось слышать высокомерные призывы к смирению.

Но смирение не имеет ничего общего с угодничеством, раболепием, трусостью. Смирение не означает, что человек тут же должен пасть на колени, если ему возражает начальство. Смире-

⁸ «Das starke Ich. Wie Kindern das Leben gelingt.» – *Прим. пер.*

ние – это самоограничение, но не самобичевание и самозабвение. Смирение подразумевает мужество, а мужество предполагает отсутствие робости перед открытыми конфликтами и страха перед неизбежными травмами и у себя и у других. Я убежден: не только государство, но и церковь нуждается в уважающих себя личностях, и в здоровой культуре спора. Известно, что апостол Павел и некоторые святые были отнюдь не щепетильны, когда им приходилось обличать злоупотребления. Они отстаивали свое мнение перед «верховенствующими», даже перед апостолом Петром. При жизни у них, конечно же, не было статуса святого, который впоследствии позволил увидеть их смелые выступления в правильном свете. И им пришлось испытать и зависть, и непонимание, но они не потеряли уверенности в себе.

Я должен признаться, что не отличаюсь кротостью, когда речь заходит о состоянии церкви и богословия. Наряду с несправедным существует еще и праведный гнев. Может быть, некоторые мои резкие формулировки и разделили людей на лагеря, некоторые остроумные высказывания были восприняты как язвительность. Но я всегда избегал переходить на личности. Даже тогда, когда меня обвиняли в предательстве католической веры, христианства, называли меня неверующим, я не отвечал тем же. При этом сам я, наверное, мог бы уже издать небольшой словарь всех тех бранных, оскорбительных сравнений, которыми меня награждали и награждают устно и в письмах или прилюдно даже вполне благочестивые люди, которые обещают еще при этом молиться за меня. Нечего тогда требовать от меня еще большей доброжелательности и тонкости в обращении с чрезвычайно чувствительными, высшими церковными сановниками.

Признаю, что при всей самоуверенности нужно постараться не стать эгоцентриком и, помня о собственных недостатках, оставаться внутренне скромным человеком, который готов критиковать самого себя и услышать разумную критику от других. Но нужно и бороться. Конечно, не только за себя. Я всегда стремился поддержать тех, у кого нет возможности высказаться и быть ус-

лышанным. И я боролся и борюсь за великое дело: обновление Католической церкви, объединение разрозненных христианских церквей и, наконец, диалог между религиями и культурами на принципах общечеловеческого этоса. В таком смысле это, конечно, самореализация.

Но правы те психологи и психотерапевты, которые говорят о «ловушке самореализации». Из-за стремления к ней была разрушена уже не одна семья, сломались человеческие отношения. Когда захлопывается эта ловушка? Когда самореализация отделяется от ответственности за себя и за других, за мир. Я ни в коем случае не имею в виду только агрессивных политиков, алчных и корыстных менеджеров, властолюбивых профсоюзных деятелей, тщеславных ученых, бессовестных врачей и лицемерных священнослужителей. Я думаю о самой обычной повседневной жизни, о неправильно понятой самореализации, что в разных формах может проявиться у каждого из нас.

Самоопределение, собственный опыт, поиски себя, саморазвитие и самореализация – это, конечно, хорошо, пока они не перерождаются в самовлюбленный нарциссизм, эгоцентризм и безответственность эгоиста, нежелающего учитывать интересы других. Зачастую нас раздражают мелочи. Не я один сержусь, когда сталкиваюсь с беспардонными людьми в общественных местах, которые в автобусах, поездах, на улицах и площадях громкими разговорами по мобильному телефону, грубым и наглым поведением, нередко эпатируя окружающих, мешают другим и отнимают у нас часть нашей свободы. Психологи говорят, что встречается все больше родителей, которые принимают плохое поведение своих детей за признак особой одаренности.

Только ли психологи могут помочь в таких проблемах? Безусловно, неплохо, если детям уже в начальной школе прививают определенные образцы поведения, которые помогут им справиться со сложными ситуациями в жизни: завязывай отношения! Будь целеустремленным! Принимай решения, открывай возможности для развития личных способностей. Раз-

вивай положительный взгляд на собственную личность, смотри на вещи реалистично, не теряй надежды. Заботься о себе и будь осмотрительным...

Но не нужно ли нашим детям, для того чтобы осуществиться в жизни, кроме психологического тренинга по успешному самовыражению, *этическое воспитание*, которое должно сегодня основываться на гуманистических принципах и золотом правиле взаимности, на принципе благоговения перед жизнью, на солидарности, правдивости и партнерстве? Мне кажется, что только на такой этической основе и могут сработать основные правила положительного воспитания, когда родители устанавливают четкие правила и границы и последовательны в своих действиях.

Но это правило действительно и для взрослых: самоутверждение иногда требует преодоления себя. Внутренняя пустота, а она возможна и в тесном кругу или дружеской компании, может быть заполнена только жизненными ценностями и смыслом. А жизненный смысл – и вот мы снова возвращаемся к нашему вопросу – я могу найти не в изолированном «Я», а только в гуще человеческих отношений. Это значит, что моя личность может найти смысл жизни, только если она *открыта для встречи с «Ты», с «Мы»*. Открыта для любимого человека, семьи, коллег, друзей, вообще людей, рядом с которыми я живу и с которыми сталкиваюсь в жизни. Смысл жизни я найду, только если смогу трансцендировать свое «Я» на другую личность, общество или дело, которому я служу. При этом было бы неправильно думать только о высоком и благородном и забыть о повседневных заботах.

«Маленький» смысл

С самого начала я подчеркивал: мое глубинное доверие к жизни не означает, что я уже никогда не поставлю под сомнение смысл человеческой жизни. Это относится, так сказать, к большому миру. Частенько, сидя в самолете, я думаю: как гордо и броско выглядят

некоторые американские города с высоты птичьего полета в солнечном свете, но какими огромными экономическими, социальными, политическими, культурными проблемами они охвачены! И как прекрасна наша голубая планета для пролетающего над ней в космическом корабле, но при этом какие природные катастрофы, эпидемии, конфликты и войны угрожают ее жителям в различных регионах!

Но и мой маленький мир не без изъяна, он часто находится под угрозой. Мое здоровье, даже если оно крепкое, постоянно подвержено опасности, моя профессиональная карьера не застрахована от неудачи. Человеческой жизни свойственна хрупкость, сомнительность, бренность. И всегда угрожает потеря смысла. А из этого следует: когда-то принятое мной принципиальное решение доверять жизни снова и снова подвергается испытаниям в различных ситуациях.

Так в чем же «смысл», «цель», «значение» жизни? Я с пониманием отношусь к тем, кто ограничивается «маленьким смыслом». Они принимают один из предлагаемых ответов для какой-то области жизни и видят смысл своей жизни в работе, свободном времени, спорте, партнерских или любовных отношениях. Или они находят смысл в культуре, искусстве, музыке или, не по собственной воле, в психотерапии или группе психологической поддержки. Все это нельзя недооценивать.

Но мне кажется, что даже когда такой частичный смысл найден, все равно остается неутолимая тоска, пусть скрытая, подавленная, приглушенная, отодвинутая на задний план тоска по общему смыслу. Нерешенный вопрос о *смысле целого*: нашей жизни и смерти, всего нашего мира. Вопрос о большом духовном целом, большом смысле. Недаром в психотерапии наряду с Фрейдом, Адлером и Юнгом такой большой отклик получила логотерапия Виктора Франкла. Он призывает к тому, чтобы психотерапия обратилась к духовным вопросам, в особенности к вопросам смысла.

«Большой» смысл

Понятно, что очень многие люди отрицают существование «большого» смысла. Я возвращаюсь к упомянутому в начале книги спору между реалистами и номиналистами. Моя позиция в нынешнем споре в некотором отдалении от этих двух направлений, которые оба, конечно, несут в себе зерно истины, но кажутся мне недостаточными для ответа на вопрос о большом смысле. В своей жизни я не хотел бы быть ни натуралистом, ни конструктивистом.

С одной стороны, меня не удовлетворяет научный натурализм, который распространен не только среди естествоиспытателей. Для натуралиста человек – это только часть природы, продукт эволюции. Я разделяю глубокое уважение натуралиста к природе, солидарность человека с природой. Я безоговорочно признаю все доказанные результаты естественнонаучных исследований, в особенности теории эволюции: их не следует игнорировать или отрицать по религиозным или идеологическим соображениям.

И все равно я не могу согласиться с представлением о человеке, в соответствии с которым я просто есть, и больше ничего. Я имею определенную биологическую структуру, потребности и интересы, но не имею ни смысла, ни ценности. И я задаю себе вопрос: разве я не выше животного, которое не задает вопросов о ценностях и смысле? Так ли это, что я живу и умираю так же, как животное? Бертольд Брехт придерживался этого мнения и выразил его в сжатом виде в известных четырех строфах «Против соблазна». Уже в 1982 году в моей книге «Вечная жизнь?» я позволил себе, слегка подправив это стихотворение, перевернуть его смысл без ущерба серьезности и достоинству. Таким образом, становится ясной альтернатива, принять которую есть как минимум столько же причин. Я цитирую здесь «Против соблазна» и мои изменения в правой колонке:

*Не смейте поддаться соблазну!
Дорога назад не ведет.
Стемнеет, и полночь настанет,
И в доме вам холодно станет,
И утро уже не придет.*

*Не смейте поддаться соблазну!
Дорога назад приведет.
Стемнеет, и полночь настанет,
И в доме вам холодно станет,
Но утро снова придет.*

*Не смейте поддаться обману!
Срок малый у жизни, увы.
И надо спешить, торопиться,
Хоть досыта ею упиться,
Увы, не успеете вы.*

*Не смейте поддаться обману!
Срок малый у жизни, увы.
Не надо спешить, торопиться,
Ведь досыта ею упиться,
Увы, не успеете вы.*

*Не смейте поддаться надежде!
Дни ускользают, как песок.
Прочь мрачные мысли гоните!
И жизнь прекраснее всего:
Ведь ограничен ее срок.*

*Не смейте поддаться надежде!
Дни ускользают, как песок.
Прочь мрачные мысли гоните!
И жизнь прекраснее всего:
Ведь безграничен ее срок!*

*Не смейте поддаться соблазну
Трудов до потери всех сил!
Что может вас еще страшить?
Вы умрете, как прочие звери,
И после уж не будет ничего.⁹*

*Не смейте поддаться соблазну
Трудов до потери всех сил!
Что может вас еще страшить?
Вы не умрете, как прочие звери,
И после не наступит забвенье.*

(“Ewiges Leben?”, S. 64¹⁰)

Я держу дистанцию по отношению к чистому натурализму. Но, с другой стороны, меня не удовлетворяет и идеалистический, материалистический или структурный *конструктивизм*, который видит смысл и ценность жизни только в созданных человеком конструкциях. Для конструктивиста человек – это только понятийная или языковая конструкция, натянутая на реальность и существование.

⁹ Перевод Юрия Левитанского, взятый за основу, не позволяет показать характер изменений Г. Кюнга, поэтому текст подвергся существенной трансформации, особенно в 3 и 4 строфах. – *Прим. ред.*

¹⁰ На русском языке книга «Вечная жизнь?» выйдет из печати весной 2013 г. в издательстве ББИ. – *Прим. ред.*

Да, я приветствую, как и конструктивисты, человеческую свободу, силу творчества и автономию. И тем не менее мне кажется проблематичным, что человек или человеческое общество, выступая творцом смысловых систем и смысла вообще, не имеет собственного, присущего ему смысла. Если мне нужно самому создавать свои ценности – материально (по Фейербаху и Марксу), или экзистенциально (по Сартру), как набросок моего существования и морали, или *структурно* (по Соссюру и семиологам), то смысл – это только слово, придуманное человеком.

Что же, мне стать самому себе Богом и Создателем? Сверхчеловеком, как этого ожидал от нас Фридрих Ницше после того, как «безумный человек» объявил о «смерти Бога»? Но меня предупреждает сам Ницше, который в конце концов видит цель жизни только в вечном повторении: вечная жизнь, страдание, исчезновение и возникновение и, таким образом, вечность:

*Мир – так глубок,
Как день помыслить бы не смог.
Мир – это скорбь до всех глубин, –
Но радость глубже бьет ключом!
Скорбь шепчет: гниь!
А радость рвется в отчий дом, –
В свой кровный, вековечный дом!*

«Песнь опьянения»¹¹

(Перевод Ю. М. Антоновского)

Значит, мне нужно поверить в бесконечное вращение по кругу, подобное природному циклу исчезновения и возникновения? Старый миф о вечном возвращении, к которому вновь обращается Ницше. Но ведь и Ницше ни в коей мере не доказал этого. Бесспорно, в природе есть периодически возникающие явления, такие, как движение звезд, смена времен года, день и ночь. Но ведь конкретные детали не повторяются, как раз наоборот: начиная с

¹¹ «Так говорил Заратустра». Ч. IV, в Ницше Фридрих. *Сочинения*: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. – *Прим. ред.*

атома и кончая звездами, природа каждый раз рассказывает новую историю. Даже звезды могут умереть. Есть невозвратность бытия, но, к счастью, и настоящая новизна.

И поэтому для меня остается без ответа большой вопрос, не направлена ли все же хотя бы история человека на что-то, что составляет *исполнение* смысла человеческой жизни. Я ни в коем случае не хочу отказаться от этого всеобъемлющего, определенного и именно «большого» смысла всего существования. И как же быть, в конце концов, с сотнями миллионов людей, живущих в трущобах Лондона, Нью-Йорка, Бомбея, в нищих кварталах Колумбии и поселениях бедноты в Бразилии в вопиющих страданиях и нужде? Неужели нельзя дать им никакой надежды? А как быть с теми миллионами, которые погибли ужасной смертью в концентрационных лагерях нацистов, сталинистов, маоистов? Или с невинными жертвами киллеров? Или с детьми, которые умерли в детстве, так и не пожив нормальной жизнью? Что же, справедливости нет? И зачем они ходили по этой земле? Зачем мы, те, которые живут относительно хорошо, ходим по земле?

Я признаю, что не могу смириться со всеми бедами, несправедливостями и бессмыслицей этого мира. Именно поэтому я задаю вопрос о смысле жизни, своей и чужой. Но ищу я не прививки от тоски и обещания найти этот смысл на небесах. Я хочу смысла здесь, на земле. К призыву Ницше: «Братья мои, оставайтесь верны земле!» я хочу отнестись вполне серьезно.

Нам должно быть достаточно найти смысл жизни здесь и сейчас. И каждый человек, каждый мужчина и каждая женщина должны сами найти этот смысл для себя, в своем большом и малом жизненном круге. Любая профессия, независимо от должности, может стать истинным призванием, которое будет приносить чувство удовлетворения и наполненности. Увлечение общественной деятельностью, социальной, благотворительной или политической, может нести больше смысла, чем любая работа ради куска хлеба. Забота о близких при всех сложностях и усилиях, которые с этим связаны, может изменить взгляд на жизнь и стать неожиданно

данным опытом обретения смысла. И поэтому я хочу пожелать каждому: от жизненных кризисов не уберечься, как раз в наше время всеобщего экономического кризиса они могут настичь нас в любой момент, но пусть во всех испытаниях сохранится и укрепится понимание смысла жизни, пусть кризис поможет начать поиски смысла, которые увенчаются успехом.

Я говорю об определенном, окончательном смысле, который включает и смысл смерти. Как и бесчисленное количество других людей, меня не оставляет тоска по окончательной справедливости, вечном мире и нескончаемом блаженстве. Можно ли когда-то удовлетворить эту тоску? Я попытаюсь ответить на этот вопрос в следующей главе, в которой мы обратимся к проблеме основы жизни.

5. Основа жизни

*«Что я знаю о Боге и о цели жизни?
Я знаю, что этот мир существует.
Что я помещен в нем, как мой глаз
в своем поле зрения.
Что нечто, сказанное о нем,
является проблематичным.
Что мы называем это значением.
Что это значение лежит не в нем,
но за его пределами».*

(Людвиг Виттгенштейн,
из «Тетрадей 1912 – 1916», от 11.6.16).

С доверием к жизни и радостью отправляемся в жизненный путь, который имеет свой смысл. Но что есть основа жизни?

Это было за пару месяцев до празднования 500-летия Тюбингенского университета, основанного в 1477 году. Ректор университета Адольф Тайс от имени комитета, ответственного за празднования, обратился ко мне с предложением выступить с торжественной речью. Для меня это было тройной неожиданностью: обратились не к историку, оратору или философу, а к богослову. Не протестантский богослов должен держать речь в протестантской монастырской церкви, при которой когда-то был основан университет, а католический. И при этом говорить надо не на тему из истории университета, а о центральной теме человеческого существования. Я принял эту почетную, но сложную задачу, сознавая, что речь прозвучит в очень взрывоопасной общественной обстановке: 1977 год – это апогей террористической деятельности Фракции Красной Армии¹. И уже тогда я задавал себе вопрос:

¹ *Rote Armee Fraktion* – леворадикальная организация городских партизан, действовавшая с 1968 г. в ФРГ и Западном Берлине. – *Прим. ред.*

Есть ли будущее у веры в Бога?

И вот мы подходим по нашей горной дороге к отвесной стене, которую нужно преодолеть, «выйти за ее пределы». Возможно, некоторые испугаются и отступят, но некоторые уже знают, что другого пути к вершине нет. Поэтому я попробую вбить в стену хотя бы несколько крючков для опоры.

Давайте посмотрим назад: у религии очень большая история, это бесспорно. Культурно-исторические исследования не зафиксировали до сих пор ни одного народа или племени, у которых не было бы обнаружено хотя бы каких-то признаков религии, пусть иногда их и трудно отличить от магии. Религия повсеместна как исторически, так и географически. Но если мы посмотрим вперед, то так ли очевиден вывод из прошлого, что и в будущем будет существовать религия? Отнюдь нет. Религии могут умирать: египетская, вавилонская, римская, германская... Но может ли умереть само явление религии? Наверное, нет, подобно таким человеческим явлениям, как искусство и музыка.

Конечно, Западная и Северная Европа прошли в современной истории особый путь развития, оказавший влияние на весь мир. Мы уже говорили о Просвещении. В XVII и XVIII веках в следствии «победы светского», или секуляризации, были освобождены от религиозного контекста основополагающие области жизни: философия, естествознание, медицина, право, государство, искусство и культура. Они стали светскими, секулярными, то есть самостоятельными, автономными, подчиняющимися собственным законам. Фактически секуляризация изначально была нацелена только на *светскость*, независимость автономность, самостоятельность по отношению к религиозно-церковному доминированию и не стремилась подавлять саму религию. Ни в коем случае не предполагалась идеологическая *секуляризация*, не имелось в виду безбожие, теоретически обоснованное или просто реализованное в жизни. Но, глядя на этот путь, все чаще приходит на ум вопрос: есть ли у веры в Бога будущее?

В своем выступлении по случаю юбилея университета я хотел отдать должное не только моему родному университету, но и вопросу наших «дел с Богом», что, собственно, и является предметом богословия, «слова о Боге». Я чувствовал себя хорошо подготовленным. Мой четырехлетний труд над ответом на вопрос о Боге в современном обществе под заголовком «Существует ли Бог?» был почти завершен. И вот 8 октября 1977 года, после умеренно критического вступительного слова федерального президента Вальтера Шееля о студенческом движении, я обратился к слушателям с моей речью «Можно ли сегодня еще верить в Бога?» Обе речи потом были опубликованы вместе.

То, о чем я говорил тогда, остается моим убеждением и сегодня: если мы хотим, оперируя разумными аргументами, выступить за веру в Бога, то мы в первую очередь должны знать и все аргументы *против*. Знать и принимать их всерьез. Никто не будет спорить, что зачастую выступления против религии были выступлениями против религиозных институтов, выступление против Бога было выступлением против церкви. Из-за собственной несостоятельности богословы и церковные деятели сами способствовали распространению научного и политического атеизма: в XVII веке среди отдельных интеллектуалов, в XIX – среди многочисленных образованных людей и, наконец, в XX – среди народных масс от Испании до России. В XXI веке будущее веры в Бога находится под угрозой. Кроме всего прочего еще и потому, что не преодолено старое противопоставление веры и современной науки и демократии.

Вера в Бога против науки и демократии

Я состою в так называемой «Тюбингенской республике ученых» (таков подзаголовок написанной Вальтером Йене истории Тюбингенского университета). И как таковой я очень сожалел тогда и сожалею сейчас, что борцы против *современной науки* столь часто апеллируют к Богу. Дело Галилея и Дарвина, а в наши дни борьба с сексуальной моралью (противозачаточные таблетки,

презервативы, искусственное оплодотворение, клеточные исследования...) отяготили и отравили отношения между естественными науками и религией. И нетрудно понять тех, кто выступает против веры в авторитет Библии, церкви, которая кажется им неразумной, антифилософской, ненаучной. Это реакция на римские декреты и протестантские памфлеты. Вместе с тем и многие верующие понимают, что аргумент «Бог» не должен играть никакой роли в естественных науках, если их метод чист и точен. Столь сложные этические вопросы, как проблема абортов, исследования стволовых клеток или эвтаназии, требуют практических гуманных решений, без религиозного фанатизма, научно обоснованных и богословски и философски освещенных.

Как убежденный швейцарский демократ, я сожалею сегодня, как и тогда, что и в борьбе с *современной демократией* ищут поддержки у Бога. Хотя в наши дни и невозможна религиозная опека государства со стороны церкви, как во времена до Великой французской революции, для укрепивших свою позицию фундаменталистов, неважно христианских или мусульманских, по-прежнему неприемлем и ненавистен лозунг Французской революции «Свобода, равенство и братство». Но вернемся к моей родной Католической церкви: не только реакционно-традиционалистское «Священническое братство святого Пия X», но и многие в Ватикане хотели бы вернуть силу закона церковным постановлениям XIX и начала XX века в отношении либерализма и социализма, свободы совести, вероисповедания и печати. Они хотели бы, чтобы решения относительно правоты или неправоты во всех вопросах веры и морали принимались церковными инстанциями, как этого требуют последние энциклики. Некоторые в Ватикане считают, что, действуя в таком враждебном современности духе, они смогут в интересах римско-католической «морали», за кулисами или в открытой дискуссии, оказывать давление на демократически избранные правительства и парламенты.

И когда в придачу к этому я вижу, как со стороны церковных авторитетов санкционируются и освящаются всевозможные

«чудеса» в средневековом духе, как старые легенды выдаются за исторические факты, как поддерживаются сомнительные паломнические проекты, а терпеливых простых верующих держат за дураков, то на вопрос «Во что я верю?» я отвечаю: вот в это я не верю, и ни один богослов в мире не сможет убедить меня в том, что это имеет отношение к моей вере в Бога, тем более к христианской вере. Наоборот, следует задать себе вопрос: не лжет ли фальшивое, искаженное представление о Боге, а также негуманное и асоциальное «христианское» представление о человеке воду на мельницу атеизма?

Но мне хотелось бы подойти и с другой стороны: а обоснованы ли аргументы *против* веры в Бога? Следует критически проверить хотя бы два комплекса аргументов: психологические, согласно которым Бог только проекция в уме человека, и историко- и культурно-философские об исчезновении религии в ближайшее время.

Бог — проекция тоски?

Еще когда я был студентом, мне всегда казалось недостаточным изучать философские аргументы, не учитывая истории жизни автора философской системы. Меня привлекали тогда, помимо Декарта и Паскаля, Канта и Гегеля, великие атеисты Фейербах, Маркс, Ницше и Фрейд. Мне хотелось понять их жизнь, их ошибки и мотивы. Почему именно они пришли к отрицанию Бога? В особенности меня интересовали:

– Людвиг Фейербах, протестантский студент богослов, первая мысль которого, по собственному признанию, была о Боге, вторая – о разуме, а третья – о человеке;

– Карл Маркс, иудей по рождению и христианин по воспитанию, который, однако, становится левогегельянцем и защищает диссертацию по философии;

– Фридрих Ницше, сын лютеранского пастора, воспитанный богобоязненными женщинами, ставший критическим филологом и приверженцем пессимистической философии Шопенгауэра;

– Зигмунд Фрейд, из еврейской семьи, из-за отвращения к католическому ритуализму и антисемитизму, под влиянием материалистического течения в медицине ставший физиологом и психологом.

Уже через год после начала работы в Тюбингене, в летний семестр 1961 года, мне пришлось замещать коллегу и читать лекции по философии. Сначала я подробно разобрал философское богословие Георга Фридриха Вильгельма Гегеля, потом – антропологическое антибогословие Фейербаха, затем социально-революционный атеизм Маркса, нигилистический атеизм Ницше и атеизм у Достоевского. Я очень хорошо помню одно семинарское занятие. Мы обсуждали теорию проекции Людвига Фейербаха и вопрос, является ли, следуя этой теории, молитва только разговором с самим собой. И вдруг меня осенило: аргумент проекции не нужно отрицать, его нужно обобщить! Ведь проекция есть всегда: не только когда мы познаем Бога, но при любом познании, например, когда мы познаем любимого человека. Везде работает моя сила воображения, везде я вкладываю что-то от себя в предмет моего познания, то есть что-то проецирую. Но вопрос ведь в том, есть ли все же в реальности нечто, что соответствовало бы моей проекции.

Конечно, ничего не существует только потому, что я этого желаю или мечтаю об этом. Но верно и обратное: и *ничто* не существует только *потому, что* я этого хочу. Как раз в этом и заключается ошибочный вывод Фейербаха и его бесчисленных последователей: Вы говорите, что Бога нет, есть только мое желание, чтобы Бог существовал. Но скажите, почему не должно, не может, не имеет права существовать что-то, чего я желаю, на что надеюсь, о чем мечтаю? Почему, собственно говоря, должно быть иллюзией все то, что уже тысячелетиями проповедовалось в многотысячных храмах, синагогах, церквях и мечетях, все, что люди боготворили, на что молились? Почему исходно должны быть иллюзией поиски первоначала, начала всех вещей (греч. *arché*) всех еще досократовских ионических мыслителей? А размышления Платона об

идее добра, или Аристотеля о первом толчке и цели всех вещей, или Плотина о большом «Едином»? Все это «нонсенс», бессмыслица? И неужели останется не удовлетворенным это невероятное стремление человека к вечному миру, последнему смыслу, настоящей справедливости?

Я ничего не имею против, когда критикуют метафизику, когда ее называют «отсталой провинцией» или «надстройкой» в интересах определенных групп. Я ничего не имею против, когда мою веру анализируют с точки зрения психологии и нейрофизиологии. Но все это ничего не доказывает по поводу существования отдельной, независимой от моей психики действительности. А это значит: моему желанию Бога все же может соответствовать истинный Бог. И разве желание какого-то человека, чтобы Бог *не* существовал, не может быть также проекцией в интересах каких-то групп, проекцией, основанной на определенных предрассудках?

Поэтому я приложил так много усилий, чтобы развеять наиболее распространенные *предрассудки* в отношении веры в Бога. Например, мнение, что тот, кто верит в Бога, не может быть интеллектуально добросовестным и заниматься наукой. Или что вера и знание исключают друг друга. Или что наука окончательно заменила религию. Или вот еще предрассудки: верующий в Бога не может быть настоящим демократом; нельзя примирить веру в Бога и свободу, равенство и братство; политика должна прийти на смену религии. И наконец, такие расхожие мнения: религия не дает человеку быть поистине человеком; Бог существует за счет человека, является выражением самоотчуждения человека; последовательный гуманизм может быть только атеистическим. Конечно, такие предрассудки нельзя преодолеть теоретически, они преодолеваются только действиями – положительными действиями – верующих и религиозных институтов. Но просвещенная религиозность – это условие жизнеутверждающей практики. И все же давайте посмотрим, как обстоит дело со второй группой аргументов, утверждающих, что религия находится на пороге исчезновения.

Религия — устаревшая модель?

То, что я только грубо наметил в предыдущих строках, я обосновал пункт за пунктом в моей книге «Существует ли Бог? Ответ на вопрос нового времени». Книга вышла в 1978 году, она приглашает читателя к аргументированной, серьезной интеллектуальной дискуссии. Я покопался в историях жизни и в аргументации великих атеистов глубже, чем это обычно принято в богословии. Книга была переведена на основные европейские языки, а чуть позже вышла даже в российском подпольном «Самиздате». И это было еще в 1978 году. Мои российские друзья при этом немало рисковали.

Хотелось бы мне здесь добавить, что Рим и немецкие епископы с похвалой отозвались об этой книге как о вкладе в общее дело и с благодарностью приняли бы дальнейшие разъяснения моей позиции по отношению к христианским догмам. Но, увы, эти служители Бога не заинтересовались моим «ответом на вопрос нового времени». По крайней мере нет письменных свидетельств такого интереса. Они во что бы то ни стало хотели заставить замолчать критика энциклики *Humanae Vitae*², папской непогрешимости и римской системы. Через год после выхода в свет книги «Существует ли Бог?», 18 декабря 1979 года, без предупреждения, как бы «в ходе секретных военных действий», я был лишен церковного разрешения на преподавание.

Нельзя сказать, чтобы этот случай инквизиции помог «делу Бога». Средства массовой информации обсуждали эту тему все рождественские праздники. Новость затмило только сообщение о вторжении советских войск в Афганистан. Через десять лет войска были с позором выведены из страны, что в большой степени способствовало краху атеистической советской системы и возвращению религии на территорию советского блока.

² *Humanae vitae tradendae munus gravissimum...* («[Важнейший дар передачи] человеческой жизни...») – энциклика Папы Павла VI от 25 июля 1968 г., посвященная вопросам о контроле над рождаемостью. – *Прим. ред.*

И еще более важное событие того судьбоносного для меня 1979 года: потерпел крах секулярный режим противника ислама – персидского шаха, и оппозиционный лидер аятолла Хомейни с триумфом вернулся в Тегеран. Возникновение Исламской Республики Иран снова сделало религию фактором мировой политики. Мою книгу «Существует ли Бог?» читали и в Тегеране. В результате, я стал первым европейским богословом, который имел возможность вести серьезные дискуссии с ведущими религиозными учеными Ирана, в том числе с будущим президентом Мохаммадом Хатами. Жаль, что Запад недостаточно поддерживал этого политического реформатора.

А я мог таким образом увидеть подтверждение моим аргументам в споре с атеистами о скором конце религии. Этот прогноз атеистов оказался необоснованной экстраполяцией в будущее. Не осуществились ни «отмена религии», как это предсказывали атеистические гуманисты (Фейербах), ни «отмирание религии» согласно атеистическим социалистам (Маркс), ни «замена религии» атеистической наукой (Фрейд). Более того, атеистический гуманизм, социализм и вера в науку сами попали под подозрение как проекции. Но, конечно же, спор вокруг религии продолжается.

Что говорит против религии

В отличие от уже упомянутых великих классических атеистов, «новые атеисты» из естествоиспытателей не кажутся самостоятельными мыслителями. Я не вижу серьезных естественнонаучных аргументов против существования Бога. Ведется лишь общая полемика против религии в целом и христианства в частности. Нет дискуссии, которая могла бы дать новые открытия.

Разумеется, я понимаю: верующие часто сами дают повод к усиленным атакам неверующих против веры в Бога. Многие люди, даже если они проявляют понимание по отношению к постоянной исламской враждебности, к старому и новому колониализму, им-

периализму и капитализму, по праву возмущены мусульманским религиозным фанатизмом и террором. Другие, например католики, недовольны противоречащим Евангелию культу личности папы римского и его реставрационным церковно-политическим курсом в литургии, догматике, сексуальной этики и биоэтике, в отношении к иудаизму, исламу, индейцам и африканцам. Третьи встревожены активностью протестантских креационистов в американских штатах и школах и неквалифицированными высказываниями деятелей церкви по поводу теории эволюции. И наконец, четвертых возмущает политкорректное благочестие некоторых деятелей, таких, например, как бывший американский президент³ и его неоконсервативные помощники, которые на основе прямо-таки оруэлловской конструкции лжи полагают, что Бог всегда на их стороне: и при вторжении в Афганистан и Ирак, и при применении пыток.

Да, действительно, есть много серьезных аргументов против религии, и в первую очередь против злоупотребления ею. И при всей скромности я хотел бы отметить, что я, как и немногие другие богословы, за последние десятилетия постоянно рассматривал в своих книгах и отрицательные стороны религии. Так, в книге «Иудаизм» можно найти точную и критическую информацию о средневековых преследованиях иудеев, папском и лютеранском антииудаизме, холокосте и проблеме Палестины. В книге «Христианство» я разбираю крестовые походы, инквизицию, преследование ведьм, христианские религиозные войны и римский антииудаизм. В книге «Ислам» можно прочитать о гражданских и завоевательных войнах, правах человека, проблемах меньшинств, женщин, проблеме насилия и о многом другом.

Поэтому мне трудно понять Ричарда Докинза, естествоиспытателя, который в образе просветителя написал книгу о Боге как

³ Джордж Буш-младший – президент США в 2001–2009 гг. После терактов 11 сентября 2001 г. объявил глобальную «войну против терроризма», в том же году инициировал военное вторжение в Афганистан, а в 2003 г. – в Ирак. – *Прим. ред.*

иллюзии (*The God Delusion*, 2006⁴) со скандальными религиозными историями. Ведь как и нам, богословам, приходится прилагать некоторые усилия в вопросах естественных наук, чтобы внимательно изучить тему, так, думается мне, и автору данной книги не следовало игнорировать специальную философско-богословскую литературу и подменять серьезные аргументы высокомерными дешевыми аллюзиями или иронией. Докинз выдает свою ограниченность, когда пишет о «характерно невнятном, малоразборчивом богословии, не продвинувшемся, в отличие от науки и большинства других областей человеческой эрудиции, за последние 18 столетий ни на шаг». Конечно же, ему не хватает самокритичности и для того, чтобы признать, что не столько религия, сколько атеистическая тоталитарная идеология произвели на свет псевдорелигиозные мифы и с помощью науки и технологии совершили колоссальные преступления против человечества с многомиллионными жертвами – нацизм, сталинизм, маоизм.

Самая яркая критика книги Докинза «Бог как иллюзия» принадлежит перу богослова⁵, который пережил шесть крайне безрадостных лет атеистического коммунистического общества в бывшей ГДР. В своей книге «Отмена религии. Научный фанатизм и его последствия» (2008) он пишет следующее по поводу утверждения британского биолога о ненасильственности атеизма: «Похоже, что кто-то проспал ужасное столетие на далеком острове и теперь мечтает об атеизме, каким он, по его мнению, должен быть. Но действительность, это упрямое нечто, не хочет быть такой, как ему нужно. Я убежден, что во всем мире нет ни одного атеиста, который стал бы разрушать бульдозером Мекку или Шартр, Йоркский собор, Нотр-Дам (GW 345). Для бульдозера церкви высоковаты. В Советском Союзе при Сталине и в ГДР при Ульбрихте использовали взрывчатку – это практичней (так в 1968 году уничтожили университетскую церковь в Лейпциге).

⁴ Докинз Ричард. *Бог как иллюзия*. М.: КоЛибри, 2008. – *Прим. ред.*

⁵ Schröder Richard. *Abschaffung der Religion? Wissenschaftlicher Fanatismus und die Folgen* Freiburg, Basel, Wien: Herder, 2008. – *Прим. ред.*

Сталин закрыл практически все 54 тысячи храмов⁶, но взорвал не все. В некоторых разместили музеи атеизма или ремонтные мастерские для тракторов. Это было полезней» (S. 18 f).

Я искренне убежден: вместо того чтобы разыгрывать одностороннюю и поверхностную борьбу против религии или за нее, нам нужно лучше учиться друг у друга. Просвещенные люди, верующие или неверующие, богословы и естествоиспытатели, должны совместно выступить против религиозного или политического насилия и войн, против религиозного или политико-экономического угнетения меньшинств и дискриминации женщин, против обскурантизма, суеверия, погони за чудесами, но также и против злоупотреблений наукой и научного легковерия.

Религия показала, что она мощнее и долговечнее, чем ее критики и преследователи. Однако, к сожалению, снова и снова она проявляет и свои темные стороны – фанатизм и репрессии. Но я верю: подавляющее большинство мусульман не даст загнать себя назад под гнет средневекового права, а подавляющее большинство католиков – к проповедям на латыни и средневековой сексуальной морали, к конфессиональной исключительности и непогрешимости папы.

Религия имеет будущее, если только она будет иметь дружелюбное, человеческое лицо, а не искаженную отталкивающую гримасу. Только если христианство, а в особенности Католическая церковь, обновятся, можно будет еще в родительском доме преодолеть нынешнюю безрелигиозность, вновь вернуть в храмы верующих, а в повседневную жизнь – влияние религии, которое так ослабло со времени вселившего надежду Собора.

Что говорит за религию

Критики религии часто совершенно справедливо указывают на то, что религия катастрофически не справилась со своими задачами.

⁶ К 1917 г. в России насчитывалось 54 692 приходских храма. – *Прим. ред.*

Но критика религии не может заменить религию хотя зачастую и подается как ее замена. Необходимо различать не только «чуждость» религии, но и ее сущность. И поэтому я задаю вопрос: что говорит за религию? Почему миллионы людей на земле не хотят отказаться от религии, несмотря на всю ее неоднозначность? В чем сила религии? Что дает мне религия из того, что не может дать никакая философия при всем моем глубоком уважении к этой науке? Философ постметафизической эпохи Юрген Хабермас говорит сегодня о пользе религии для современного общества и выступает за непредвзятый диалог с богословием, без замалчивания современных достижений, но и не закрывая глаза на проблемы.

Для меня важно отметить *три плюса религии*:

– во-первых, религия способна влиять на широкие слои населения, мотивировать их лучше, чем философия, которая обращается со своими идеями и учениями в основном к интеллектуальной элите;

– во-вторых, религия обращается к человеку не только на рациональном уровне, но и на эмоциональном, не только с идеями, понятиями и словами, но и с символами, ритуалами, притчами, молитвами, праздниками и, таким образом, имеет «добавленную стоимость» единого целого;

– и, в-третьих, религия основывается не только на актуальных открытиях, распространенных мнениях и течениях, но и на древнейших священных писаниях и откровениях, которые на основе религиозного опыта предлагают человеку нормы человеческого поведения, тысячелетиями являющиеся основой человеческой морали. Религиозная традиция, таким образом, поддерживает преемственность поколений. Изречения Конфуция для китайцев, Бхагават-гита для индусов, Тора для иудеев, Новый Завет для христиан, Коран для мусульман – все они предлагают непреходящие, из поколения в поколение неизменные, хотя и постоянно заново интерпретируемые и толкуемые знания, знания как информацию и ориентацию.

Какое же содержание, какие духовные возможности есть у всех религий, если их исповедовать с уважением к человеку? Религии очень различны, это очевидно для всех. Тем не менее в них прослеживаются принципиальные общие черты, и вот это известно не всем. Все религии включают в себя кардинальные этические нормы и ценности, об этом уже шла речь. Эти ценности представляют собой мерило для мирового этоса современности. Образы основателей мировых религий и их изречения, притчи, назидания мотивируют человека в разной форме к деятельности на благо ближних и общества.

Но, кроме этого, религия способна подсказать нам ответ на вопрос: *откуда и куда?* Как мне справиться с несчастьями, болезнями, ударами судьбы, несправедливостью, виной и чувством бессмысленности, как мне увидеть смысл жизни даже перед лицом смерти. Уже упомянутый критик идеологии, философ Юрген Хабермас подчеркивает, что религиозные убеждения в современном секулярном обществе могут дать понимание и утешение в ситуации упущенных жизненных шансов или даже подарить спасение.

Наконец, религия способна с помощью переданных от прошлых поколений сказаний, опыта, символов, ритуалов и праздников подарить нам *духовную родину и духовное сообщество*, в котором живут доверие, вера, уверенность. Религиозная практика, индивидуальная (молитва) или общая (церковная служба), могут укрепить личность, дать чувство защищенности, вселить надежду. И из этого может вырасти не только чувство общинной солидарности, но и *протест и сопротивление* против социальной несправедливости. Всего ожидали представители предельно милитаризированной коммунистической диктатуры в 1989 году, не ожидали только ненасильственной революции со свечами в руках! В этом смысле религия – это выражение неутоленной жажды лучшего мира, чего-то «совсем другого». Но, несмотря на это, не является ли религия далеким от всего разумного убежищем для иррациональности? Совсем не обязательно.

Рациональная духовность

Моя духовность всегда имела больше отношения к рациональному, чем к чувственному. Я всегда хотел не просто «верить», но *понимать* свою веру. Я сознавал себя не только как богослова, но и как философа, поэтому изучал философию и работал в этой области. Меня не удовлетворяло неприятие философии, которое так часто просматривается в протестантском богословии, начиная еще с Мартина Лютера. С другой стороны, я не понимал, почему философы XX и XXI веков больше не захотели заниматься вопросами «метафизики» и отдали этот большой пласт европейского культурного наследия, включая древних греков, на откуп богословам.

Философы забыли Бога, богословы – философию, могу ли я своими богословскими работами исправить ситуацию? В любом случае мое богословие не должно было быть тайной наукой для верующих, не должно было в решающие моменты прятаться за чудесами, которые были придуманы самими богословами в течение всей проблематичной истории догматики. Мое богословие должно было быть понятным, достоверным, доступным, чтобы и неверующие смогли приобщиться к единственному настоящему чуду, огромной загадке действительности по имени Бог.

Удивительно, как часто именно неверующие, наверное, для самооправдания, цитируют «*Credo quia absurdum* – верую, ибо абсурдно» для объяснения своего неверия. Эти слова принадлежат не великому учителю церкви Августину, как это часто утверждается, а основателю латинского богословия юристу Тертуллиану. Нет, в вопросах веры я не могу и не хочу отключить сознание. Мне чуждо все нелепое: непросвещенное, инфантильное, ретроградное, реакционное. Но также и все псевдорелигиозные массовые и даже всемирные истерики по поводу трагической гибели прекрасной принцессы в автокатастрофе, или неожиданной смерти скандальной поп-звезды, или транслируемая в средствах массовой информации публичная смерть папы.

Я не менее критичен, чем критики религии. Мы должны быть критичнее, чем критические рационалисты, и уж, конечно, критичнее, чем некритичные догматики. И абсолютная разумность, идеологический рационализм могут быть суеверием так же, как богословский догматизм. В любом случае у меня мало желания спорить как с упрямыми рационалистами, так и с негибкими догматиками. Уже не один раз мне приходилось убеждаться, что обе категории оппонентов совершенно неспособны в полемике хотя бы не перевирая повторить мое мнение. Их разум затмевает страсть.

Я, как и любой другой человек, состою не только из рации и рационального, но и из чувств, желаний, фантазий, настроений, эмоций и страстей. Я сознательно стараюсь смотреть на вещи *во всей их полноте*. Я учусь мыслить методично и четко, в духе *esprit géométrique*⁷ («геометрической мысли») Рене Декарта, основателя современной философии, но одновременно стремлюсь узнавать, используя общую интуицию, – познать, прочувствовать, нащупать *esprit de finesse*⁸ («тонкую мысль») в духе антипода Декарта блестящего, как и он, математика Блеза Паскаля.

Когда-то мы, гимназисты в Люцерне, подтрунивали над нашим замечательным профессором истории искусств. Когда речь шла о чем-то эстетическом, о красоте, он говаривал, характерно потирая большой палец о средний и указательный: «Вы должны это почувствовать, прочувствовать!» И он был прав. Как много специфически человеческих феноменов, таких, как искусство, музыка, юмор, смех и, разумеется, страдание, любовь, вера и надежда, невозможно понять во всей их полноте сугубо критически-рационально. Их можно только прочувствовать. Новейшие исследования в области нейробиологии с помощью грандиозных компьютерных томографов

⁷ Способность чисто интеллектуального созерцания идеальных форм и связей бытия. – *Прим. ред.*

⁸ Способность разума гибко, «тонко» приспособливать понятия к логически непрозрачному, сложному, лишь опытно констатируемому составу бытия. – *Прим. ред.*

хотя и могут объяснить, как функционируют нейроны, но не могут раскрыть содержание наших мыслей и эмоций.

Когда я был еще молодым профессором, меня всегда очень интересовал обмен мнений с видными учеными других дисциплин. Я не говорил о «интердисциплинарности», я ее осуществлял на практике везде, где мог. Для меня было само собой разумеющимся, что в основе дискуссии должно лежать уважение не к пустословам с академической степенью, а к фигурам, что-то значащих в своих областях знаний. Уважение к их огромным знаниям, результатам их деятельности, опробованным методам и трезвой оценке. С философами, юристами, историками, медиками мне уже приходилось сталкиваться, как богослову. Чаще других – с психологами, социологами, политологами. Но сильнее всего мне всегда хотелось серьезно отнестись к математически и экспериментально ориентированным естественным наукам с их самостоятельностью и своеобразием. Я боролся за то, чтобы богословы и церковные деятели, ссылаясь на высший авторитет (Бог, Библия, церковь, папа), не ставили под сомнение эти науки.

Но для меня было важно и другое: если естественнонаучные вопросы должны рассматриваться в свойственном этим наукам ключе и с учетом свойственных этим наукам методов, то, следовательно, и вопросы человеческой психики, общества, права, политики, истории и, конечно же, эстетики, морали, религии должны рассматриваться с учетом свойственных этим областям знания методов. Закономерно, что сегодня и в гуманитарных науках все больше внимания уделяется анализу феноменов, операций, процессов и структур. Но мы не должны забывать, что остаются правомерные научные вопросы о последнем или первом смысле, о ценностях, идеалах, нормах и отношениях, которые требуют ответа. Как философ и богослов, я не могу удовлетвориться поверхностным подходом нашего рационального и функционального секулярного общества, нужно стараться проникнуть вглубь. Как же иначе можно найти ответ на вопрос об основе жизни?

Найти причину вещей

В научной работе меня всегда интересовали причины не только с точки зрения логики, основ познания, *ratio*, но и с точки зрения онтологии, причин бытия, реальных, предметных причин, *causa*. Принцип противоречия, сентенции с противоречием («Бытие не есть небытие») в философии дополняет принцип достаточного основания: «Ничего не бывает или не происходит без причины».

В этих условиях, кажется, нетрудно вывести доказательство *последнего* основания и *первопричины* – доказательство Бога. Но действительно ли так легко перекинуть мостик вывода к Богу? Я уже говорил, что знаком с возражениями критиков религии против всеу упоминаемого слова «Бог», включая и аргументы аналитической философии и языкового анализа. И я признаюсь, что сам часто испытываю затруднения в использовании этого слова. Мало какое слово так часто употребляют не по назначению, оскверняют, используют в легкомысленных шутках политики и экономисты, религиозные, церковные и партийные деятели.

Это же хотел подчеркнуть еврейский религиозный философ Мартин Бубер в следующем волнующем отрывке: «Бог? (...) Это самое отягощенное слово человеческого языка. Нет другого такого замаранного, такого искромсанного. Именно поэтому я и не должен от него отказываться. Поколение за поколением переваливали на это слово тяжесть своей исполненной страха жизни, придавливая его к земле; оно валяется во прахе и несет на себе всю их ношу. Поколение за поколением раздирали это слово в религиозных распрях; за него они убивали и умирали сами; на нем отпечатались их пальцы и запеклась их кровь. Где мне найти слово для именованя Всевышнего, которое бы ему равнялось!» («Затмение Бога»)⁹.

Первые строки «Отче наш» звучат полностью в духе древнееврейской Библии: «Да святится имя Твое» (Мф 6:9; в арамейской

⁹ Бубер Мартин. *Два образа веры*. Пер. И. И. Маханькова. М.: Республика, 1995. С. 345–346. – *Прим. пер.*

исконной форме Иисуса *kaddaš šēmak*). «Имя» (*haššēm*) для жителей Ближнего Востока не просто нечто внешнее, но существенная часть личности, здесь самого Бога. Эти слова поэтому означают: не «осквернять» имя Бога, не противиться Божьей воле и наставлениям и не умалять славу Божью перед людьми, но «прославлять» имя Божье, исполняя Его заповеди во славу Господа перед людьми. Достаточно ли для почитания имени Бога того, что евреи еще до Христа боялись произносить имя Яхве или что христиане часто используют слово *abbā* – отец? Для меня, как христианина, из этого следует: достойны уважения те, кто в нынешней ситуации осуждает слово «Бог», но принимает самого Господа. Для меня не стоит вопрос: не говорить больше о Боге или говорить о Боге, как раньше, а скорее говорить о Боге по-новому, с почтением и смирением. История показывает, что человечество во все времена зывало к Богу. Но и сомневалось в Боге, отрицало Бога. Всегда люди боролись за Бога, верили в Него, молились Ему, спорили из-за Него. Вопрос о Боге должен быть поставлен заново, но он должен быть поставлен правильно. Многие неверующие имеют такое примитивное, исковерканное представление о Боге, которое верующие никогда не смогут принять. Ни у кого нет *обязанности* верить в Бога. Но *можно* ли верить в Бога? Или точнее: может ли человек нашей религиозно-критической эпохи со всей ответственностью верить в Бога?

В течение нескольких десятилетий я говорил, спорил, митировал о Боге с разными людьми разного происхождения, в разных местах и при разных обстоятельствах. Многие спрашивали меня: «Вы тоже когда-то сомневались в Боге?» Я отвечал: «Нет, не в Боге, но в доказательствах Его существования». Иммануил Кант, стоявший на гребне эпохи Просвещения, уже давно убедил меня: чистый разум имеет границы. А это значит, что научных доказательств существования Бога быть не может. Почему? Потому что Бог не существует как объект в пространстве и времени. Он не является предметом изучения и познания с помощью силы естественнонаучных доказательств. Разум напрасно расправляет

крылья, пытаюсь с помощью силы мысли дотянуться до Бога за пределами нашего опыта, через пространство и время. Человек не может возвести башню до небес, а может построить только дома, пригодные для наших земных дел, соразмерные по высоте.

Нет, не существует неоспоримого доказательства существования Бога, но, и я уже не раз указывал на эту сторону аргументации Канта, нет и доказательства его отсутствия! Почему? Потому что отрицание Бога также лежит за горизонтом пространственно-временного опыта. Кто признает, что не может заглянуть за занавес явлений, не может и утверждать, что за занавесом ничего нет.

Все открытия физиков относятся к физическому миру, к пространственно-временному измерению. На вопросы, находящиеся за пределами возможностей физического измерения, физики не могут и не стремятся ответить. Естественные науки вообще не могут, если они, конечно, хотят остаться верными своему методу, выходить за пределы опыта. Если мы хотим прийти в этой области к каким-то выводам, то лучше не полагаться на время, которое мы можем измерить (греч. *chronos*) хронометром, а подождать своего благоприятного часа (греч. *kairós*).

Естественным наукам, вообще науке не пристали ни надменный скептицизм незнания, ни высокомерие всезнания. Возможно, что в нашей вселенной есть величины, события, взаимодействия, которые не отражаются в физическом пространстве, есть опыт в нашей человеческой жизни, который не постижим естественно-научными методами. «Я должен был устранить *знание*, – пишет Иммануил Кант в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» (1787), – чтобы получить место для *веры*».

Итак, существуют – вот мы и подошли вплотную к нашей отвесной стене – различные возможности «трансцендировать», «перешагнуть» мир чувственного опыта, которые все в итоге приводят нас к разумному доверию. Различны походы к «трансцендентному», к сверхчувственной, метаимпирической действительности, к ее великой *загадке*, которую мы называем Богом. Далее я очерчу только три из них – не в качестве доказательств, а в каче-

стве подсказки. В качестве идеи для размышлений, для попытки «прочувствовать» трансцендентность. Один пример из области астрофизики, второй из области математики, третий из области музыки.

Эволюция в сторону человека

В результате многолетних неутомимых исследований астрофизики выяснили, какие условия должны были возникнуть в космосе (и отнюдь не в симметричном соотношении), чтобы по прошествии миллиардов лет могла возникнуть жизнь: тонкий баланс энергии и материи, ядерных электромагнитных сил, силы гравитации и энергии ядерных реакций нашего Солнца. И более чем понятно, что и физики, и нефизики задают себе вопрос, совсем ли *случайно* все это привело к возникновению жизни и *человека*. В конце концов, только на нашей планете, единственной во всей Солнечной системе, через миллиарды лет из царства животных выделилась жизнь, обладающая *духом*. По данным последних исследований, человек один во всей вселенной. Научная фантастика, конечно, потрясает воображение, особенно в фильмах, но остается фантастикой: реальных «пришельцев» пока не видно. Я не верю в инопланетян.

Но то, что эволюция шла в направлении к возникновению человека, есть научный факт. И все это случайно? Случайно ли, что так много «случайностей»? И это «случайно» не пустое ли объяснение? Напрасливается, прямо-таки навязывает себя вопрос, не шло ли это невероятное развитие по «совсем особому рецепту», как говорил мне некогда королевский астрофизик Мартин Рис (Кембридж). По, так сказать, мета- или суперзакону, действующему за-, над- и внутри всех изменений и законов природы. Так полагают некоторые физики и биологи. Некоторые называют этот метазакон *антропным принципом*. Он гарантировал, что уже начальные условия и фундаментальные константы были таковы, что *могла* возникнуть и возникла жизнь и «антропос», человек!

Если мы говорим: «могла» или «могла бы», то это вполне научный подход. Это не дает доказательства неизбежности того, что произошло. Если верующие хотят из этого «антропоцентрического принципа» быстренько сделать доказательство существования Бога и Его желания, чтобы появился человек, то это – «короткое замыкание» на основе *веры*, идеологизация, действие не в интересах дела, а в интересах каких-то групп.

Но есть и другая сторона проблемы: очевидно, что естественные науки не способны дать эмпирико-математическое обоснование этого метазакона. Не нужно быть кантианцем, чтобы понять: этот вопрос, выходящий за все эмпирические границы, вопрос о «трансцендентном» (и одновременно «имманентном») метапринципе, находится уже не в компетенции естествознания. И не философии, если только она действительно не займется этим вопросом. За этот вопрос отвечает религия.

В этой точке видно особенно четко, как глупо было бы делать обратный вывод, мол, из всего этого грандиозного процесса развития следует, что *не могло быть* Бога, который бы пожелал возникновения человека. «Короткое замыкание» теперь уже на основе *неверия*, которое мы тоже вправе заподозрить в идеологизации в чьих-то интересах: а именно, что не может быть того, чего *не должно быть*. И дарвиновская теория эволюции не позволяет исключить существование Бога (это, кстати, и не входило в планы Дарвина!). Естествознание так же мало может доказать отсутствие Бога, как и Его существование.

Это не удивительно, ведь никакая наука не может охватить всей действительности. Любая отрасль науки имеет свой ракурс и свои возможности, которые не следует абсолютизировать. Даже простейшую вещь, такую, как стол или велосипед, мы можем описать с разных точек зрения: физико-химической, функциональной, культурно-исторической, социологической... И что важно: ни одно описание не исключает другого, а дополняет и обогащает его.

Эти различные перспективы научного взгляда имеют причины не только в границах человеческого познания, которых не мо-

жет преодолеть ни одна наука в отдельности. Их корни в самой действительности: реальность мира и человека имеет различные аспекты, слои, измерения. Если кто-то возведет в абсолюте какое-то одно измерение, он станет слепым для других. Уж лучше стараться открыть новые измерения. Отсюда вывод: не в последнюю очередь физика призывает быть открытым к великой загадке космоса, откуда взялись физические константы и антропный принцип. Но не только физика, математика тоже.

Реальная бесконечность?

Физическое пространство определяется со времен греческого математика Эвклида, то есть с III века до Р. Х., как трехмерное (длина, ширина и высота). А со времени появления революционной теории относительности Альберта Эйнштейна в начале XX века – как четырехмерное: время-пространство или пространство-время – единство времени и пространства. Это не чисто математическая конструкция, как теория о множестве миров, а новая модель мира, которая была подтверждена измерениями и полетами в космос, но не может быть наглядно представлена как четырехмерная величина.

Для наших размышлений не имеют значения предположения космологов, которые с помощью компьютерных расчетов предлагают сверхсложные математические модели иных вселенных и измерений. Они, как я изложил это в своей книге «Начало всех вещей»¹⁰ (2005), не имеют оснований в эмпирическом мире. А вот размышления о *бесконечности*, которые все время незримо присутствуют в математике и являются частью математической системы, кажутся мне очень важными. Любое число можно бесконечно возвести в степень, разделить, умножить, но это не обязательно учитывать в повседневных расчетах. Поэтому возникает вопрос, не существует ли реальное измерение «бесконечность», которое

¹⁰ Рус пер.: Кюнг Ганс. *Начало всех вещей. Естествознание и религия*. М.: ББИ, 2007. – *Прим. ред.*

присутствует во всех вещах, хотя, как и четырехмерное пространство, его невозможно реально и наглядно представить, поскольку оно относится к реальности вне времени и пространства.

Конечно, нельзя, как Ансельм Кентерберийский, отец схоластики, а позднее Декарт и Лейбниц, из *идеи* делать вывод о *существовании* такой бесконечной действительности, то есть из совершенства и абсолютной необходимости существа выводить реальность его существования. Это реальное измерение бесконечности было бы уже категорией не времени и пространства, но вечности, которую не может охватить математически естественнаучный разум. Удивительно, что еще в XV веке в эпоху Ренессанса мыслитель Николай Кузанский пытался найти рациональное объяснение бесконечности. Николай Кузанский определил бесконечность Бога как совпадение противоположностей и дал этому представлению символическое математическое выражение: бесконечное увеличение радиуса круга приведет к совпадению окружности с касательной. То есть противоположность прямой и изогнутой линии в бесконечности исчезает.

В конце XIX века основатель теории множеств Георг Кантор (умер в 1918 г.) ссылаясь в своих размышлениях о бесконечности на Николая Кузанского. Учение о множествах Кантора привело к тому, что в математике появились антиномии, парадоксы и противоречия: определенные высказывания, которые касаются бесконечности, могут быть одновременно математически доказаны и оспорены. В математике это привело к кризису основ, который не преодолен до сих пор. По поводу этого до сих пор не проясненного принципиального противоречия я слышал от математиков следующую шутку: «Бог существует, потому что математика свободна от противоречий. Дьявол существует, потому что свободу от противоречий невозможно доказать». Поскольку я не верю в воплощенного дьявола, то могу посоветовать любителям математики лучше держаться поближе к Богу.

Вывод: математика подходит к своим границам по основным вопросам. Но само бесконечное число может стать поводом поду-

мать о возможности качественного перехода в совсем другое измерение, в настоящую бесконечность, истинную трансцендентность. И поскольку многие математики – хорошие музыканты, я предлагаю попробовать приблизиться к великой загадке действительности с помощью музыки.

«Настрой» через музыку?

С давних времен существует связь между музыкой и математикой так же, как и между музыкой и религией. Музыка имеет таинственную математическую структуру. Еще в античности пифагорейцы продумали и оформили ее в виде нотной системы с бесконечным множеством возможностей применения. Однако кое-что математика не может: предоставить доказательство, подтверждающее красоту музыки и заставляющее ее слушать. Очень легко закрыться от музыки, особенно классической, требующей понимающего слушателя. Можно просто отключиться, внешне или внутренне. Я буду слышать музыку, но это не заставит меня ее слушать. Слушать музыку – это некий акт свободы. Более того, это приятие метаэмпирической действительности: как раз здесь речь идет о свободном согласии. И все же музыка, обладающая несравненной властью вызывать и усиливать чувства, может оказать здесь особую помощь.

При определенных обстоятельствах именно музыканты, как и поэты, художники и вообще религиозные люди, могут интуитивно чувствовать, ощущать, слышать и отражать в своих произведениях действительность, которая взрывает физическое, энергетическое и временное пространство. Музыка, как и любой звук, – это физический феномен, подробно изученный акустикой. Но музыка не просто физический феномен, который можно было бы познать лишь через физику. Здесь мне придется снова вспомнить Моцарта.

Для примера возьмем Концерт для кларнета с оркестром KV 622. Это последнее, ровно за два месяца до смерти Моцарта

законченное произведение непревзойденной красоты, интенсивности и проникновенности, без тени мрачности и бессилия, каждый день снова и снова радовало, подкрепляло и утешало меня, докторанта богословия, пятьдесят лет назад в моей парижской комнате на чердаке. Эти десять пластинок, которые я тогда слушал, дарили мне маленький кусочек «блаженства», как говорил сам Моцарт. Наверняка многим приходилось переживать такие маленькие моменты «блаженства» под звуки музыки Моцарта.

Конечно, отъявленным циникам и нигилистам даже музыка Моцарта не подарит гармонию и красоту. Да и по-разному можно слушать музыку Моцарта. Все зависит от того, как я открываюсь музыке, изучая или наслаждаясь, полностью впуская ее в себя, полностью отдаваясь ей. Не только рациональным умом, необходимым науке, но и «умным» сердцем, которое соединяет, объединяет, дает целостность.

Вот те переживания, которые притягивают меня к этой музыке: когда я без помех извне, один дома или же на концерте, стараюсь интенсивно воспринимать музыку Моцарта, я вдруг начинаю чувствовать, насколько я далек от оркестра, я слышу только звуки, только музыку и ничего больше. Эта музыка, которая меня полностью охватывает, пронизывает и вдруг начинает звучать изнутри. Что произошло? Я чувствую, что я весь – глазами и ушами, телом и духом – обращен внутрь: мое Я молчит, и все внешнее, все преграды, раскол между субъектом и объектом на мгновение кажутся преодоленными. Музыка уже не есть что-то внешнее, она охватывает, пронзает, наполняет счастьем, заполняет меня. Мне на ум приходит: «Ибо мы Им живем и движемся и существуем».

И это известное изречение из Нового Завета, из Деяний Апостолов, из речи апостола Павла в афинском ареопаге, где Павел говорит о поиске и познании Бога, который недалеко от каждого из нас и в котором мы живем и движемся и существуем (Деян 17:27–28). Воистину, как никакая другая музыка, музыка Моцарта с ее чувственно-сверхчувственной красотой, силой и проникновенностью показывает, на мой взгляд, насколько тонка

и незрима граница между музыкой, самым нематериальным из всех искусств, и религией, которая во все времена имела особое отношение к музыке. Обе, хоть и по-разному, говорят о невыразимом, таинственном. И даже если музыка не может стать религией искусства, то все же искусство музыки является самым духовным из всех символов той «мистической святыни нашей религии» – непосредственно самой божественности, о которой и говорит Моцарт.

Итак, даже музыка Моцарта не доказывает существования Бога, но она еще меньше напоминает о пессимизме и нигилизме. Напротив, в определенные моменты человек чувствительный, готовый слушать, может открыться в некоем сознательно-бессознательном доверии. Будучи восприимчивым, он способен услышать в чистых, проникновенных, охватывающих бессловесных звуках того же адажио из Концерта для кларнета еще и нечто иное – звучание красоты в ее бесконечности, да, звук чего-то бесконечного, что возвышается над нами и что нельзя обозначить просто словом «красивый». Музыка созвучна небесной гармонии.

Следы трансцендентности

Знаки, следы, которые наталкивают на мысль, что есть и иная действительность, кроме физико-физиологически-эмпирической. Мы не обязаны увидеть и почувствовать эти знаки, но мы можем их почувствовать. Здесь нет ни самоочевидности, ни прозрачности. Однако уже многие попытались, опираясь на опыт человеческого существования, опыт истории, пробиться через одномерность текущей жизни к иной действительности, божественной действительности, к первопричине. Я думаю при этом о трех значительных личностях, с которыми я чувствую глубокую внутреннюю связь.

Это американский религиозный социолог австрийского происхождения *Питер Бергер*, который рассматривал мелкие знаки и жесты человечности в нашей повседневной жизни как «следы

ангелов» (*A Rumor of Angels*, 1969). Жест защиты и утешения, когда мать успокаивает испуганного ребенка, наша странная потребность в порядке, наша тяга к игре, наш юмор, наши надежды – все это существенные проявления человека, одновременно указывающие на нечто большее, на что-то, что превышает, трансцендирует человека. Второй – это *Карл Ранер*, который не единожды обобщил опыт человеческого существования. Как издатель серии «Богословские медитации», я имел честь в 1964 году опубликовать его книгу «Повседневные вещи». Человеческая жизнь заполнена повседневностью: мы работаем, двигаемся, сидим, смотрим, смеемся, едим и спим... Повседневные действия, за которыми внимательный человек может увидеть скрытые, богатые глубины.

И наконец, основатель латиноамериканского богословия освобождения перуанец Густаво Гутьеррес, который, опираясь на опыт истории, на общественные и политические примеры, страстно обращает внимание на возможность познания Бога в борьбе человека, и особенно бедного человека, против угнетения. Ради бедных этого мира он хочет открыть нам глаза: Бога можно познать всегда, если преодолеть отчуждение, исправить несправедливость, достигнуть мира и жить в любви.

В истории жизни и страданий каждого человека есть удивительные факты, знаки, события, ситуации, «случайности», которые дают повод задуматься и прийти к религиозным выводам. Наш опыт слишком дорог, чтобы его просто забыть, не сохранить и не обдумать. И может быть, будет полезно, если я в конце этой главы, пусть и кратко, расскажу о том, какой опыт был особенно важен для меня, заставил меня остановиться, задуматься и искать ответов. Этот опыт двоякий: меня «остановили», и меня «несет на крыльях».

Опыт *быть остановленным*. Это может случиться и в больших, и в малых делах и может быть очень тяжелым и горьким испытанием, надолго отнимающим сон. В одном из проектов, который мне, и не только мне, казался чрезвычайно важным, вдруг

возникли проблемы, все остановилось. Мои, наши противники злорадствуют: «Его остановили!» Кто-то или что-то мешает мне – мешает нам – продолжать работу, и это полностью меняет ситуацию. Я знаю одно: как было раньше, уже не будет. И я не знаю, что из этого выйдет. Мне нужно смириться с ситуацией, но я не могу и не имею права: дело должно продолжаться. Короче, я в тупике, выхода нет.

Что же делать? Отступить, сдаться или сопротивляться? Рассматривать случившееся как еще один пример абсурдности жизни? Как бы то ни было, это состояние остановленности – очень четкий указатель не только притормозить, но и заглянуть в себя. Им может быть какое-то препятствие в профессиональной деятельности или неожиданная болезнь, или кризис в человеческих отношениях – все это может стать поводом задуматься о глубинных измерениях жизни, открыть двери новому доверию. При этом утешительно, что в таких ситуациях насильственной задержки нас всегда поддерживает реальность Бога, первопричина. Это позволяет нам увидеть в самых безвыходных ситуациях новые пути. Доверяясь им, мы наполняемся новой силой и становимся способными взглянуть по-новому на нашу жизнь, сделать переоценку, скорректировать курс и вновь взяться за дело.

Второй опыт нашей жизни: *нас несет на крыльях*. У меня все получается, не только работа, но и все остальное получается как бы само собой. Что помогает – погода, гороскоп, биоритмы? Во всяком случае, я продвигаюсь вперед, много успеваю, нахожусь в хорошем настроении. Конечно, так будет не всегда, конечно, когда-то это изменится. Но зачем беспокоиться об этом сейчас, сейчас мне сопутствует удача. Зачем тратить время на другие мысли, чувства, настроения... *Qui vivra verra*¹¹.

И все же тут что-то не так! Не то, чтобы моралист во мне хочет испортить хорошее настроение. Не то, чтобы кто-то хочет очернить успех. Нет, но это удовлетворение от успеха, это ничем не

¹¹ Поживем – увидим, будущее покажет (фр.). – *Прим. ред.*

омраченное настроение очень часто идут рука об руку с безразличием, переоценкой собственных сил, поверхностностью.

Не хватает взгляда в глубинные измерения жизни. Не хватает знания, что мышление связано с благодарностью. Ведь если только на секунду задуматься, то почувствуешь, что удача, успех, счастье зависят не только от нашего труда, что мы, хотя и много дали, но и многое получили, что счастье, на которое мы надеемся, мы получаем часто незаслуженно.

Поэтому у меня всегда есть основания для *благодарности* не только по отношению к людям, но и по отношению к тому высшему началу, которое вселяет в мою жизнь смысл, несмотря на все препятствия. Тому началу, которое составляет основу для нового и обновленного доверия к Провидению, которому направляет и поправляет мою жизнь, благодаря которой я существую. У меня всегда есть основания радоваться тому, что несмотря на то, что я несусь в потоке жизни, все же есть кто-то, кто направляет меня, несет меня на руках. И если это так у меня, то и у множества других людей, наверняка, тоже.

Итак, кто с разумным доверием говорит «да» первопричине и первосмыслу, Богу, знает не только, *что* он может доверять жизни, но знает и *почему*. Принятие Бога, таким образом, означает *обоснованное и последовательное доверие к жизни* – пра-доверие, имеющее свои корни в самой глубокой глубине, в причине причин и направленное на цель целей. Бог как имя для значения-основы всего, как это записал в «Тетрадах» Лювиг Виттгенштейн, которого мы процитировали в начале этой главы. При всей непредсказуемости жизни мне подарена непоколебимая уверенность и защищенность.

Я думаю, нам удалось ясно показать, что глубинное доверие и доверие к Богу имеют одинаковую структуру: они рождены не только человеческим разумом, но всем человеком с душой и телом, с разумом и инстинктами. И доверие к Богу сверхрационально, но не иррационально. Его можно рационально обосновать перед лицом рациональной критики – не с помощью веских доказательств, но с помощью убедительных причин.

В Библии это доверие называется великим словом *вера*: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр 11:1). Во что я верю? Вот теперь я дал на этот вопрос главный ответ: *я верю в Бога, первооснову и первосмысл всех вещей*. Слово «верю» я понимаю здесь в самом радикальном и полном смысле:

- не просто «верить, что»: что Бог существует
- не просто «верить кому-то»: чьим-то словам
- но «верить в Него»: дарить Богу мое полное, безусловное, неотзывное доверие.

В символе веры опускается предлог «в», когда говорится о церкви¹². Ведь церковь – это сообщество верующих в Бога, а не в церковь. Августин еще мог сказать, что верит в Бога *из-за* церкви. Многие наши современники скажут, что они верят в Бога, *несмотря на* церковь, которая кажется им в ее современном виде недостойной веры.

Вечный Бог придает всему преходящему основу и смысл, и сегодня уже не приходится извиняться за свою просвещенную веру. Но что если в итоге окажется, что я ошибся? Тогда, и я в этом убежден, все равно я прожил бы более счастливую жизнь с Богом, чем без Него. Я думаю, это будет еще понятней, если я сейчас после вопроса об основе жизни поставлю вопрос о жизненной силе.

¹² Лат. *Et unam, sanctam, catholicam et apostolicam Ecclesiam*. В русском тексте: «В Единую, Святую, Вселенскую и Апостольскую церковь». – *Прим. ред.*

6. Жизненная сила

«С самых давних времен и до сегодняшних дней разные народы чувствуют некую силу, которая присуща всему течению и событиям жизни, и нередко мы находим у этих народов признание существования высшего Божества и даже Отца. Это чувство и признание пронизывают всю их жизнь глубоким религиозным смыслом. По мере развития культуры религии ищут сформулированного в более точных понятиях и выражениях ответа на те же вопросы».

(Декларация Второго Ватиканского собора от 28 октября 1965 года об отношении церкви к нехристианским религиям).

Жизненный путь с жизненной радостью и жизненным смыслом – и с доверием к жизненной силе.

Второй Ватиканский собор (1962–1965) и его «Декларация о мировых религиях», а через тридцать лет Второй Парламент религий мира (1993) с «Декларацией мирового этоса» – для меня лично это звенья одной цепочки. Я принимал активное участие в обоих этих крупных религиозных событиях. Я навсегда благодарен да-лай-ламе, который после тяжелой дискуссии 4 сентября 1993 года в Чикаго первым подписал эту Декларацию и представил ее обществу. При этом именно буддисты под его руководством после торжественного открытия Парламента подали письменный протест. Христианские, еврейские, мусульманские священники в своих речах и молитвах говорили о «необходимости единства всех религий перед Богом» и таким образом приравнивали Будду к Богу. Им следовало бы знать, что буддисты отрицают понятие «бог», но признают последнюю и Высшую духовную реальность (*Ultimate Reality*), которую они называют Великим бытием (*Great Being*), или Силой трансцендентности (*Power of the Transcendent*), или Высшим духовным авторитетом (*Higher Spiritual Authority*). Они могли бы также говорить о нирване, цели спасения или Дхармакае

(теле дхармы, высшем из трех тел Будды), законе, определяющем космос и человека. В любом случае я получил подтверждение собственной правоты. Как верующий в Бога и автор «Декларации о мировом этосе», я с самого начала старался не применять понятие «бог». Все это более подробно описано в сборнике «Документы к мировому этосу» (*Dokumentation zum Weltethos*, 2002).

Новый взгляд на религии

«Во что я верю»: мы уже преодолели отвесную скалу, закрывающую трансцендентную, трансэмпирическую, безусловную реальность, и, уже не боясь головокружения, можем оглянуться, отдышаться и передохнуть перед дальнейшей дорогой.

За несколько месяцев перед открытием Парламента религий мира в Чикаго я отметил свое 65-летие. Уже очень много лет я стремлюсь познать многообразный и противоречивый мир религий с помощью поездок, лекций, конференций и встреч. Я всегда был убежден, что в религиях живет невероятная духовная сила, о которой шла речь еще в декларации Второго Ватиканского собора. Но я всегда сознавал, что эта сила может стать предметом злоупотреблений. Сегодня и социологи, и политологи признают, что религиозная вера представляет собой, возможно, самую мощную мотивирующую силу в истории человечества. Религиозные убеждения, отношения, вдохновения, без сомнения, имеют корни в глубоком подсознании и могут дать начало грандиозным переменам или остановить их. Они могут мобилизовать или блокировать моральную и политическую энергию. Впечатляющий и печальный пример тому – длящийся более трех десятилетий конфликт из-за Святой земли, результатом которого стали уже шесть войн!

Религии всегда стремились одновременно давать объяснение жизни и указывать жизненный путь. Второй аспект с годами приобрел для меня особенно важное значение.

Объяснение жизни: религии, по крайней мере крупные этические учения, исходят из *тех же самых вечных вопросов*, которые

стоят за видимыми и осязаемыми естественнонаучными феноменами. А именно: откуда произошли мир и все его устройство? Почему мы рождаемся и умираем? Что определяет судьбу отдельного человека и всего человечества? Как объяснить моральное сознание и наличие этических норм?

Помимо объяснения жизни со всеми психологическими аспектами, религии стремятся быть жизненной дорогой. Показать в повседневных и экстремальных ситуациях *практический путь* из нужды и страданий к освобождению и спасению. В качестве ориентиров на этом пути они предлагают нам правила этического поведения. Все религии считают убийство, ложь, воровство и сексуальные злоупотребления грехом и предлагают как общепринятое практическое руководство нечто вроде «Золотого правила».

После Второго Ватиканского собора и соответствующих инициатив Всемирного совета церквей христианство стремится выработать единый взгляд на мировые религии. Их оценка уже не должна строиться на основе христианских догматических критериев, как это было принято раньше. Мы стремимся понять их так, как они сами понимают себя. Но я всегда понимал: религии, несмотря на все общее, имеют и принципиальные *различия*.

Бесчисленны боги разных религий с древних времен до сегодняшнего дня, божественные природные всесильные существа, боги-растения, боги-животные, боги-люди, равноправные боги и иерархические сообщества богов. Напрашивается вопрос: который из них истинный Бог? Где искать его – в первобытной племенной или в высокоразвитой религии? В той, которая развивалась постепенно или в результате революционных преобразований? В мифологической или в просвещенной? И дальше: много ли существует богов (политеизм)? Или среди множества богов есть один верховный (генотеизм)? Или вообще существует только один Бог (монотеизм)? Бог над миром или вне мира (деизм)? Или Бог внутри мира (пантеизм)? Или сам мир в Боге (панентеизм)?

Мне уже давно стало ясно, что нам необходима конкретная, профессиональная и доброжелательная дискуссия по всем этим вопро-

сам. Чем больше я читал, путешествовал, разговаривал, слушал, узнавал, тем яснее становилось для меня: *диалог религий* – это не дело отвлеченно мыслящих академиков. Этот диалог – политическая и религиозная необходимость, одна из основ мира между народами. Уже в 1984 году в заключительной речи «Христианство и мировые религии» на конференции «К диалогу с исламом, индуизмом и буддизмом» я сформулировал тезис «*Нет мира без религиозных свобод*». Позднее он стал основой симпозиума представителей мировых религий, организованного ЮНЕСКО в 1989 году. А еще через десять лет, 9 ноября, после дебатов и резолюции Ассамблеи ООН по поводу событий 11 сентября 2001 года, «Диалог цивилизаций» стал программой ООН, в противовес конфликтогенному тезису Сэмюэла Хантингтона о *Clash of Civilizations*¹ – столкновении цивилизаций.

Но чтобы диалог принес плоды, необходима не только добрая воля ответственных политических и религиозных деятелей, но и знание других религий (конфессий, церквей). Диалог должен касаться не только монотеистских религий – иудаизма, христианства и ислама, но и ориентирующихся на мистику или мудрость религий Азии.

Мистическая духовность?

«Скажите, пожалуйста, что такое мистика?» – с таким вопросом обратился к одному моему знакомому римскому профессору (он был в священнической одежде), известному эксперту Ватикана по социологическим вопросам, совершенно незнакомый человек на улице Берлина. Профессор рассказывал мне потом, что дал ответ, который зачастую дают в замешательстве: «Мистика? Это может означать очень многое». И в этом он был прав.

Мистика снова в моде. По-видимому, как компенсация слишком рационализированных богословия и литургии, как реакция на

¹ См. Хантингтон С. «Столкновение цивилизаций», в *Полис*, 1994. № 1. С. 33–48, 49–57. – *Прим. ред.*

сведение религии к социальной практике появилась потребность в религии как духовном *опыте*. Книги старых и новых классиков христианской мистики заполнили книжные полки магазинов. Серьезные и не очень гуру обещают религиозные озарения посетителям своих медитационных центров, ашрамов, духовных собраний. Человеку хочется испытать, почувствовать веру. Но не похожи ли эти люди на слепцов, рассуждающих о красках?

Мистика – это чрезвычайно многогранное понятие, которое даже богословы применяют крайне произвольно. Я хочу сначала дать его точное определение: слово «мистика» происходит в его изначальном смысле от греческого *τυειν* – закрыть (рот). Поэтому «мистерия» – это «тайна», «тайное учение», «тайный культ», о которых не говорят перед непосвященными. Поэтому мистической является религиозность, которая закрывает рот и уши перед профанами, чтобы искать спасения внутри себя. И от тех, кто хотел бы приблизиться к тайне, тоже ожидается молчание. Отстранение от мира и обращение внутрь себя, единение со Святым, Абсолютным, Божественным, с Божеством – вот характерные черты «мистики» уже на протяжении веков. Но как раз здесь начинаются сегодняшние проблемы.

Мистика – это больше, чем религиозный опыт, который есть в каждой религии наряду с учением, этикой и ритуалами. Есть бесчисленные виды религиозного опыта, которые нельзя считать мистикой: возвышенное чувство во время богослужения, восторг при встрече с прекрасными творениями природы или человеческой культуры, состояние глубокого покоя и безопасности на священном месте, ощущение единения на массовом религиозном мероприятии, радикальный пересмотр мировоззрения, детская связь с Богом... Так часто бездумно цитируемые слова Карла Ранера, что «христианин следующего века будет мистиком, или его не будет вообще» верны в лучшем случае тогда, когда мистику понимают в широком смысле как религиозный опыт. Но это несправедливо по отношению ко многим активным и отнюдь не «мистическим» христианам и, возможно, даже отталкивает от христианства трезвых людей.

Мистический опыт стремится к единению, в точном определении это – *непосредственно-интуитивный опыт единения*. Но проблема вот в чем: такое интуитивное прозрение большого единства, которое стирает границы между субъектом и объектом, может быть достигнуто разными путями. Я никогда не чувствовал потребности, как например, писатель Олдос Хаксли, с помощью мескалина или других экспериментов вызывать неестественные состояния расширения сознания. Такие опыты я отношу к *«парарелигиозной» мистике*, когда единство моей личности с природой, космосом, «жизнью» может пониматься таинственно-космически или инстинктивно-виталистически. Еще меньше мне хотелось бы иметь дело с *псевдорелигиозной мистикой*, которая выступает заменой религии, чувствовать свое единение с народом, нацией, партией или вождем, в особенности в моменты истерически-опьяняющего единения на массовых акциях, включая и появление на публике папы.

Настоящая религиозная мистика имеет в виду опыт единения моей личности с большой всеобъемлющей действительностью, с крайней и наивысшей реальностью, с Абсолютным, понятым как Бог, Брахма, дхарма или нирвана. Она присутствует в первую очередь в индусской духовности, в веданте, санкхья-йоге и буддистском направлении махаяна, но также и в китайском даосизме. Она есть и в иудейской каббале, в исламском суфизме и в христианских, прежде всего в монашеских братствах.

Я сам верю в эту всеобъемлющую и всемогущую, самую первую и самую последнюю реальность. Но все же я спрашиваю: *единство с Богом?* Могу ли я достигнуть единства с Богом, которое не было бы только в моем воображении? Во всяком случае, я не согласен с американским коллегой, который стал индуистским монахом и рекомендует для достижения единства с Абсолютом не только аскетическую медитацию, но и применение наркотиков, не только аскетизм, но и сексуальный *либертинизм (pleasure principle)*. Даже религиозные цели не оправдывают все средства, если человек должен остаться человеком, а Бог – Богом.

Мистическая традиция призывает позволить тайне Бога прикоснуться к тебе. Но тот, кто выступает за мистическое единение с божественным, должен всегда помнить и о *темной стороне* мистики. В христианской традиции наивное предмодернистское представление о паранормальных феноменах сознания, как о влиянии божественного или демонического начала, уже давно уступило место детальному психологическому диагнозу. Зрительные и слуховые галлюцинации, инспирации знакомы психиатрам, работающим с шизофреническими, маниакальными или экзальтированными пациентами. Сегодня им уже не ищут религиозных объяснений. То, что раньше понималось как «темная ночь души», сегодня называется депрессией, душевная сухость – синдромом эмоционального выгорания. Состояния страха, комплексы вины и проблемы в отношениях можно лечить как неврозы.

Я видел такие явления и в своем окружении. Но только ли это болезни? Хорошие психиатры и богословы в этом вопросе осторожны. Решающее значение имеют долгосрочные действия на личность в целом. Может оказаться, что психоз – это промежуточный этап (*break-through experience*) на пути к выздоровлению. Становление человека не всегда линейный процесс, без перерывов и заблуждений. Во всяком случае, психофармацевтические средства и шоковая терапия не заменяют психотерапевтического осмысления проблемы и осторожной проработки ее методами поведенческой терапии. И если успешному писателю или ученому по той или иной причине не удастся тот или иной проект или иссякли творческие идеи, то психотропные средства помогут в лучшем случае временно.

Однако религиозная проблематика при некоторых душевных болезнях бывает слишком сложна для психиатров и психологов. Поэтому духовники играют свою самостоятельную роль в психотерапевтической практике. Священники, работающие в больницах, должны обязательно помимо солидного богословского иметь еще и медицинское образование. Но они не должны брать на себя роль психолога и психотерапевта. Ведь они отвечают не за меди-

каментозное лечение и не за психоанализ, а за религиозное толкование смысла и наставления. То есть не стоит пытаться «вылечить» все «необычные» душевные проявления. Но они могут быть опасными, и об этом предупреждает церковь. Их нужно принять, но не нужно их вызывать.

Бесспорно, и в христианстве есть настоящие религиозные мистики. Я всегда восхищался монахом бенедиктинцем Бедой Гриффитсом, которого я посетил в Сат-Чит-Ананда Шантиванам (санскр. *saccidānanda*) на юге Индии, когда читал там цикл лекций. Он на практике доказал, что можно оставаться христианином, при том, что полностью перенял индийскую культуру и критиковал централистскую систему Ватикана. Я также ценил иезуита Гюго Эномия-Лассалю (*Enomiya-Lassalle*), который жил в Японии и как никто другой умел соединить медитацию японских дзен-монахов с христианской духовностью. Он присутствовал на открытии Второго Ватиканского собора и, как первый христианский дзен-мастер, очень страдал от римской системы. К сожалению, из-за нехватки времени мне не удалось встретиться в Кентукки со всемирно известным монахом ордена траппистов Томасом Мертоном. Все три христианских мистика уже не с нами, но до сих пор имеют много последователей.

Я сам высоко ценю великую индуистскую практику единения со всеобъемлющим безымянным Великим Целым, в котором можно преодолеть отторжение индивида (*ātman*) от его истока, все пронизывающего мирового принципа (Брахма). В индуизме мистика, по крайней мере с поздневедийской эпохи ранних Упанишад, стоит в центре религии. Я тоже считаю, что Бога можно найти не только в высотах, но и в сердцах, в собственной очищенной душе. Там он ближе ко мне, чем я сам.

Однако следует проводить различие между мистической и профетической религиями. Часто мы слышим: все религии похожи потому, что в их основе лежит один и тот же мистический опыт. Но это высказывание никак не подтверждается эмпирически. Здесь речь идет не только о различных интерпретациях оди-

накового опыта. Речь идет о различном опыте и, таким образом, о различных типах религиозности.

Когда я разговариваю с глубоко верующими индуистами, я понимаю, что мое сознание, как и у всех христиан, иудеев и мусульман, имеет глубокие корни в традиции *пророчества*. И неважно, смотрим ли мы на Авраама, Моисея и Давида – пророков Израиля, Иисуса-Мессию (Христа) или пророка Мохаммеда, для всех них существует не единство, а как раз непреодолимое *различие* между Богом-Творцом и Его ошибающимся и грешным творением. Мы видим это на примере Моисея, который прячет лицо перед Богом, перед горящим и не сгорающим терновым кустом. На примере слов Иисуса, обращенных к Его почитателю: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог» (Мк 10:18). Или Мохаммеда, который познает суть религии в «исламе», то есть в «подчинении, преданности» Богу². Все это указывает нам, как это часто подчеркивалось в прошлом столетии, на бесконечную разницу, *totaliter aliter*, между Богом и человеком, божественным и мирским.

Но поэтому я не исключаю *конвергенции* пророческой и мистической религиозности. Различные практики в Индии и на Ближнем Востоке можно интерпретировать как близкие, их можно перевести из одного культурного контекста в другой, сформулировать заново на другом языке. Все, кто когда-то в Индии пережил с помощью гуру мистический опыт, как например, физик и философ Карл Фридрих фон Вайцзеккер, один из моих высокоуважаемых собеседников, конечно же, были уже до этого знакомы с индийской мудростью.

При этом нужно учитывать: мистический опыт также разнообразен и дифференцирован. Наибольшее число последователей в Индии нашла не мистическая философия Шанкары (IX век), самого знаменитого индуистского мыслителя, с его учением о полном единстве Бога и мира, и не теория полного разъединения Бога

² Слово «ислам» переводится как «предание себя Богу», «покорность», «подчинение» (законам Аллаха). – *Прим. ред.*

и мира, не дуализм Мадхвы (XIII век), страстного противника Шанкары, а учение *дифференцированного единства*, разработанного Рамануджей (XII век), который вначале был последователем Шанкары, как и он, мистическим мыслителем, реформатором и основателем монастырей. Как христианин, я лично не верю ни в полное единство, ни в полное разделение мира и Бога. Я верю, что Бог в мире и мир в Боге. И там и здесь *единство в различии!* Но тут можно возразить: не заложена ли в иудее, христианине или мусульманине изначально потребность в Боге-личности Библии или Корана? И вот еще один сложный вопрос:

Бог — личность или не личность?

Скажу сразу: я не знаю, как выглядит Бог, и я не хочу и не могу нарисовать Его образ. Бог — это нечто совсем другое, это выходит за пределы нашего воображения. Вопрос, является ли Бог личностью или нет, для меня не имеет такого значения, как вопрос, можно ли говорить с Богом. Почему? Потому что от этого зависит возможность и осмысленность молитвы и богослужения, которые так существенны для моей духовности.

Разумеется, и у меня в юности было простое, наивное, антропоморфное, человекоподобное представление о Боге «там, наверху». Это нормально. И не совсем нормально, если взрослый человек сохраняет детское представление о Боге, несмотря на все свое развитие и образование. Я был тронут, но одновременно и смущен, когда бывший директор клиники в Тюбингене, первоклассный специалист, рассказывал мне, что он по-прежнему молится, но знает только одну молитву: *Engele komm, mach mich fromm, daß ich zu Dir in den Himmel komm*³.

Если смотреть в целом, то еврейская Библия, Новый Завет и Коран бесспорно проникнуты персонифицированным пред-

³ «Ангел, приди, сделай меня благочестивым, чтобы я пришел к тебе на небо» (нем). — *Прим. ред.*

ставлением о Боге. Но индийская мистическая традиция давно проникла на Запад через Малую Азию. Отдельные мистические элементы мы находим уже у Павла и у Иоанна, который приблизительно в 100 году сформулировал слова Христа: «Я и Отец – одно» (Ин 10:30). Этого единства Иисус Иоанна, конечно же, требует и от своих последователей: «чтобы они были едино, как и Мы» (Ин 17:11). Позднее мы находим мистические элементы у александрийских богословов Климента и Оригена (III век), у североафриканца Августина (IV–V век) и в особенности у писавшего под псевдонимом ученика апостола Павла мистического философа Дионисия Ареопагита (V–VI век). Ему принадлежит понятие «мистическая философия» (*mystica theologia*), от которого происходит современное слово «мистика».

Наоборот было в Индии. Там мистическая религиозность Упанишад сливается с более персонифицированными культурами: Вишну, Бхагаван, Кришна, Рама. Но в индийских религиях мистика остается в центре, в пророческих религиях – на краю. Церковь относилась к мистикам подозрительно, а инквизиция их беспощадно преследовала, как например, французскую монахиню Маргариту Поретанскую (сожжена в 1310 году), немца Майстера Экхарта, испанцев святого Иоанна Креста и Терезу Авильскую. И в иудаизме и исламе при подозрении в отождествлении человека с Богом быстро следовало обвинение в ереси и самообожествлении. Самые известные примеры из трех профетических религий: исламский мистик Мансур Халадж был повешен, очевидно, также и по политическим причинам, в Багдаде в 922 году. Мистический мыслитель Джордано Бруно был сожжен инквизицией в Риме в 1600 году. Португальско-нидерландский философ Барух де Спиноза за свою критику догм в 1656 году был предан анафеме и изгнан из амстердамской синагоги.

В нынешнем индустриальном обществе с его рационализацией и технизацией мне кажется особенно важным как раз *целостное понимание человека и Бога*. Я пытаюсь соединить эти части без противоречий: с одной стороны, сохранить мою христиан-

скую веру в Бога, к которому человек может обратиться, с другой стороны – интерпретировать все человеческое в образе Бога. Я посетил Сикстинскую капеллу в Ватикане после ее великолепной реставрации и еще раз наслаждался гениальными фресками Микеланджело с изображениями Создателя света, солнца, луны и звезд и, наконец, Адама и Евы, мужчины и женщины. Но во времена полетов в космос, наверное, очень немногие воспринимают Бога реалистически, как внеземное существо мужского пола с седой бородой. Более уместными кажутся такие образы, как Солнце или Море, или Высшая Ценность, сама Любовь, само Существование.

Альберт Эйнштейн под влиянием Спинозы высказывался против персонифицированного понимания Бога. Я принимаю это серьезно. Когда Эйнштейн говорит о космическом разуме или когда восточные мыслители говорят о «Едином» (*tad ekam*), о «Нирване», «Пустоте» (*shunyatá*, «Абсолютном Ничто», «Сверкающей Тьме»), то это нужно понимать как парадоксальное выражение благоговения перед тайной Абсолютного, которую невозможно ни выразить понятиями, ни представить. То есть как *theologia negativa*, как противопоставление слишком земным «теистическим» представлениям о Боге. Поэтому, как я уже говорил, буддисты отрицают понятие «Бог», хотя они и признают высшую действительность (Дхармакая, Буддхакая, Нирвана).

Как бы то ни было, мне кажется бесспорным, что Бог не личность, подобная человеку. Всеобъемлющее, Вездесущее – не объект, на который я могу посмотреть издали, чтобы составить суждение. Причина причин, опора опор и цель целей действительности, которые определяют меня как верующего, которые ближе мне, чем собственная сонная артерия (как это образно выражает Коран, сура 50, аят 16), не просто конечная личность среди других. Бог не сверхчеловек и не сверх-Я. И понятие личности в применении к Богу – это тоже очень условно: Бог не высшая личность среди других. Бог взрывает рамки понятия «личность». Бог больше, чем личность!

Но бесспорно и другое: Бог *не меньше, чем личность*. Как раз потому, что Бог не есть «вещь», как раз потому, что Он, как это подчеркивает восточная мудрость, непостижим, непонятен, недоступен, именно поэтому Он не неиндивидуален, не субиндивидуален. Он не вещь среди вещей, не дело среди дел. Бог, который позволяет возникнуть личностному, взрывает и рамки безличностного. Бог не меньше личности!

Вместо терминов «личностный» и «безличностный» можно было бы применить богословское понятие «трансперсональный», «сверхличностный». Но кто думает, что с помощью этого понятия можно понять Бога, забывает: Бог есть и остается непознанным, невидимым, неопределимым. Или *coincidentia oppositorum* – «совпадение противоположностей», как это выразил мыслитель эпохи Ренессанса, уже цитировавшийся Николай Кузанский: Бог, будучи Максимумом, является и Минимумом и, таким образом, выходит за рамки и Максимума, и Минимума. Бог «совсем Иное» и все же *«interior intimo meo – глубже глубин моих»* (Августин).

Может быть, я слишком теоретизирую? С точки зрения религиозной практики все это, конечно, значительно понятней. В пророческой и мистической формах религиозности находят выражение две основные формы духовности: пророческая – молитва, мистическая – медитация. Я практиковал обе формы.

Молиться или медитировать?

Молиться буквально – очень просто. Как и большинство детей в прошлом, я еще ребенком, в семье незаметно научился молиться, в первую очередь перед едой и перед сном. В большинстве случаев это были готовые формулировки, обращения к «милостливому Господу». В основном просьбы о помощи, милосердии и прощении. Но и благодарность и хвала.

В церкви молитва была изощреннее, еще более привязана к определенным формулировкам и обрядам, к литургии. Когда я

не понимал латыни, на которой совершались богослужения перед Вторым Ватиканским собором, мне бывало скучно. Но еще гимназистом я получил от родителей в подарок двуязычный «Народный молитвенник», толстый том, в котором я мог читать во время молитвы немецкий перевод, а по мере совершенствования моих знаний в латинском языке – и текст оригинала на латыни. Я не любил долгих богослужений, и настоятельно рекомендуемый нам Розарий⁴ с более чем пятьюдесятью вариантами «Аве Мария» и с пятью «Отче наш» тоже не был моей любимой молитвой. Хуже всего, конечно, была во время поста «Псалтырь», которая состояла из трех Розариев и длилась минимум 45 минут.

За семь лет учебы в Риме молитв, которым придавалось очень большое значение, стало еще больше. Я со всей серьезностью участвовал во всех молитвах, день за днем, начиная с «тихих богослужений» и далее: мессы с хорами на латыни (*Choralamt*), мессы на немецком языке с молитвами и песнопениями, торжественные епископские богослужения и, наконец, пышные богослужения папы в соборе Святого Петра. Помимо ежедневной Священной евхаристии в Германской коллегии Папского григорианского университета были обязательны общая утренняя и вечерняя молитва в капелле и молитва *Adoratio*⁵ (поклонение) после обеда и ужина, которые, в свою очередь, уже в трапезной открывались застольной молитвой. Еще была перед ужином литания, иногда добавлялась вечерня, или повечерие. Поистине во время учебы мы молитву не забывали. Можно было посоревноваться хоть с монашеским орденом.

Да, молитва – это, может быть, и просто, а *медитация*? Медитации нужно учиться: в мистической традиции, в индуизме и буддизме она принципиально отличается от описанного выше вида молитв. В особенности в медитационном или дзен-буддизме сформировалась психологически изощренная методика медитации:

⁴ Розарий (лат. *rosarium* – венок из роз) – традиционные католические четки, а также молитва, читаемая по этим четкам. – *Прим. пер.*

⁵ Поклонение Священной евхаристии, одна из форм богослужения вне литургии в Католической церкви. – *Прим. ред.*

концентрация внимания на собственном дыхании, медленное ритуальное движение, монотонное чтение вслух буддистских сутр.

Я принимал участие в различных упражнениях по медитации: в Бирме, Индии, Японии, на Тибете и Гавайях. Я понимаю, что христиане могут найти в медитации – покой, умиротворение, самозабвение, истинное освобождение, в том числе от церковных ритуалов и литургической суеты. Это традиционное монашеское упражнение состоит в основном в отстранении от мира и собственных страстей и обращении к внутреннему миру. Оно задумано как путь к последней реальности, понимаемой в индуизме как «полнота», а в буддизме – скорее как «пустота». В первую очередь за счет строго контролируемой и практикуемой техники дыхания во время «сидения» (яп. *дза*) медитация (яп. *дзен*, «погружение») должна привести к концентрации воли, а потом к погруженному, сосредоточенно-пассивному, отрешенному самосозерцанию и, наконец, к полностью опустошенному бодрствованию и просветлению. Но и западный человек может сидеть в полном покое и, равномерно дыша, стараться ни о чем не думать или повторять священный слог «ом», самую главную мантру (санскр. «инструмент для мышления») индусов, и таким образом успокоить дух и душу.

Высшая форма молитвы

И в христианстве тоже есть медитация, которую обычно называют «созерцанием» (*Contemplation*). Я практиковал ее в Германской коллегии Папского григорианского университета семь лет подряд, каждый день, до завтрака, перед мессой, по полчаса, готовясь накануне с вечера с помощью так называемой «точки созерцания». Кроме того, мы по три или восемь дней в году занимались «*Exercitia spiritualia*» (духовными упражнениями) в полной тишине. Но в этих ежедневных медитациях не надо было сосредотачиваться на собственном дыхании, не надо было стараться ни о чем не думать, а нужно было созерцать сцену из Библии (главным

образом из жизни Иисуса) или размышлять о библейском изречении или о религиозном празднике, каком-то особенном событии.

При этом нас постепенно знакомили с «высшими формами» молитвы. Ведь и христианские мистики (основатель ордена иезуитов и *Collegium Germanicum*⁶ испанец Игнатий де Лойола был одним из них) описывали «молитвенную лестницу» с различными ступенями, которая практиковалась в первую очередь среди христианского монашества и в системе духовных упражнений. И я изучал различные формы молитвы и, анализируя этапы молитвы, добивался большей внутренней ясности, мог упражняться в самокритике, сконцентрироваться на Абсолютном. Я очень старался достичь и высших ступеней, и «простой молитвы». Пару раз мне было даровано чувство соприсутствия Бога и глубокой внутренней радости.

Но я также понял, что для этих «высших ступеней» необходим особый религиозный дар, которым я обладаю лишь условно. И ни в коем случае нельзя ожидать, что им обладает каждый бизнесмен, рабочий, домохозяйка, учительница или студент. Эти высшие духовно-мистические идеалы прививали нам чувство вины и осложняли, а иногда и отравляли наши молитвы, так как мы все же не могли достичь высших ступеней.

Поэтому для меня стало внутренним освобождением, когда я понял, что ни в еврейской Библии, ни в Новом Завете нет методов, систем, психотехник моления. Нет ступеней молитвы, которые надо пройти, нет психологической рефлексии над молитвой, самоанализа, техники дыхания и аскетических усилий для достижения определенных состояний души вплоть до самозабвенного экстаза.

Вместо этого я увидел в Библии наивный «разговор с Богом», в котором я могу выразить свою веру, надежду и любовь, выразить благодарность, хвалу, жалобу или просьбу. И хотя мы и знаем о Сыне плотника из Назарета, что Он сам несколько раз уходил от

⁶ *Германская коллегия* – основана в 1552 г. для подготовки католических священников, имела решающее значение для процесса церковного обновления в Германии. – *Прим. ред.*

людей для молитвы, но сам Он учил своих учеников только простой молитве «Отче наш». Для этого не требуется особого религиозного дара.

Поэтому мы не найдем в Библии обоснования того, что какие-то формы молитвы можно назвать «высшими». Духовно более взыскательные формы молитвы – личное дело христианина, но никто не может их требовать. Они не могут стать пропуском к качественно высшей ступени христианской веры. И тем более не должны становиться «тайным» делом духовной элиты, которая подчеркивает свое превосходство над «средним молящимся».

Для меня в моей духовно, а иногда и физически напряженной жизни образцом стал не какой-то метод молитвы или медитации, а любимые строки из Нагорной проповеди: «А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так: Отче наш...» (Мф 6:7–9).

Я регулярно молюсь, следуя этому совету, и так же советую делать другим: в особенности перед каждым приемом пищи коротко поблагодарить незримого Господа за более или менее хорошо прошедшую ночь или более или менее удачный день. Одновременно попросить об удаче в работе, в проведении переговоров, чтении лекции, во время поездки. Или просто попросить о светлом безоблачном настроении, когда на улице дождь и слякоть. Часто просим мы за друзей или родственников, когда они болеют или находятся в какой-то критической ситуации, а иногда за упокой души: «Упокой, Господи, душу усопшего...» Или молимся за целую страну или регион, охваченные стихийными бедствиями или драматическими политическими событиями: «Господи, помилуй нас, грешных!» А вечером благодарность за прожитый день и просьба о спокойной ночи.

Конечно, я знаю, что психоаналитики и нейропсихологи до тошно исследовали человеческий мозг и выяснили, что во сне он неустанно перерабатывает все впечатления дня, и некоторые мои

сны заставляют меня задуматься. Но я знаю и то, чего мне не скажет ни психоаналитик, ни нейропсихолог: я, в руках Божьих, и поэтому при всех проблемах, которые есть или могут быть, не стоит излишне беспокоиться о завтрашнем дне.

«Молитва, – говорит Махатма Ганди, – это ключ, отпирающий утро, и засов, закрывающий вечер». И не нужно много слов. Иногда я ограничиваюсь лишь коротким стихом псалма: «Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его» (Пс 135:1). А в сложной ситуации или в бессонную ночь я могу просто сказать: «Боже мой, Боже...». Это меня утешает и укрепляет каждый раз в круговерти будней, когда я на несколько секунд останавливаюсь, всматриваюсь духовно, открываюсь трансцендентному.

Как правило, я это делаю тихо и в уединении. И я не молюсь в ресторане или другом общественном месте. Молиться не для того, чтобы «показаться перед людьми», как сказано в Нагорной проповеди, а: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне» (Мф 6:5–6). В следующей за этим молитве, которая является для нас образцом, обращение к Богу сознательно идет от лица всех: «Отче наш, сущий на небесах!..» (Мф 6:9–13). Поэтому я так люблю молиться с другими. Если это делать не механически и формально, а от всего сердца, тогда это волнующее, истинное «богослужение».

Богослужение может вселить силы и воодушевить, если оно хорошо подготовлено и собравшиеся в нем активно участвуют. Если не просто скучно отчитывают тексты и пробегают по всем обязательным молитвам, а полностью захвачены совершающимся, то неважно, в традиционных или новых формулировках проходит служба. Я всегда придерживался традиционной структуры мессы. Но место и время церемонии, одежды, жесты, песни и формы обращения отнюдь не неприкосновенные, неизблемые константы, а переменные церковной службы. Я никогда не использую в молитве выражений, в которые сам не верю, и это хочу посоветовать каждому священнослужителю (к традиционным церковным

песням следует относиться терпимо). Мои критерии не произвольны: тексты должны, во-первых, нести христианскую весть а во-вторых, быть понятными современным людям. Поэтому, как и многие другие, я часто свободно формулирую тексты молитв, как это было принято в раннем христианстве. Но в связи с «богослужением» возникает центральный вопрос: а о каком Боге мы вообще говорим?

Один Бог или много богов

Для меня Библия не только часть всемирного литературного наследия, западноевропейского канона образования, но и уникальное свидетельство встречи с Богом верующих в него на протяжении столетий.

Тот, кто так же, как и я, вырос в традициях монотеизма, воспринимает как само собой разумеющееся то, о чем свидетельствуют еврейская Библия, Новый Завет и Коран: существует только один Бог! Бог отцов, Авраама, Исаака и Иакова, но также и Измаила. И Бог матерей, Сары и Агари, Ревекки и Рахили. Бог народа Израилева, но также и христиан и мусульман. Этот тот самый, один и единственный Бог. Подобный монотеизм не был само собой разумеющимся с самого начала, наоборот. Народу Израиля потребовались многие века, чтобы прийти к выводу: рядом с единым Богом нет не только высших сил (таких, как например, «судьба»), но нет и равных Ему (богоподобных людей) или более низких в иерархии богов (боги плодородия и племенные боги). Нет, не существует вообще никаких других богов. Он является не только Высшим, но и Единственным и Несравненным.

Здесь речь идет о повествованиях тысячелетней давности. Патриархальный строй просуществовал более трех тысячелетий, поэтому Бога представляют и обращаются к нему как к «Господину», «Царю» и «Отцу». В наше время равенства полов и демократии это представляет значительные затруднения, особенно для многих женщин. Печальный опыт с земным отцом легко пере-

носится на небесного Отца и «Господина», и наоборот, авторитет небесного Отца используется для усиления авторитета мужчины перед женщиной и детьми.

Достаточно ли указать на то, что в древнееврейской Библии проявляется и женская сторона Бога: материнское сопереживание и сострадание? Нет, напротив, необходимо со всей серьезностью понимать, и это касается в том числе литургии, что обращения «Отец» и «Господин» не являются обращениями к Богу-мужчине. Эти понятия являются скорее символами и кодами для обозначения незримой действительности, которая выше понятий женского и мужского начала. Поэтому каждый раз, когда я во время богослужения должен произнести «Отче наш», я говорю: «Помолимся невыразимой тайне, которая для нас есть и отец и мать...» После этого я могу, «по второй наивности» (Поль Рикер), просто помолиться: «Отче Наш, сущий на небесах». Я уже не говорю о том, что я категорически отрицаю вытекающую из «мужского» понимания Бога в Католической церкви аргументацию невозможности или неуместности рукоположения женщины.

Евреи, христиане и мусульмане монотеисты, а остальные – политеисты? Но каждый раз, когда я общаюсь с образованными индийцами, я отмечаю, что им не очень-то нравится, когда мы, особо не задумываясь, называем их политеистами, поклоняющимся несколькими богам. Однако и в Индии существуют монотеистические религии. Так, например, для многих индийцев Вишну и Шива являются Богом. А другим индийцам среди всего разнообразия богов Индии видится лишь одно-единственное Божество, которое они называют Брахмой и которое живет в каждой человеческой душе (*ātman*), так как этот Бог для них всеохватывающий и всепонирующий. Отдельные боги считаются манифестациями или проявлениями одного первопринципа, отвечающими за отдельные области: бог, отвечающий за плодородие, бог, отвечающий за успехи в войне, бог, отвечающий за капризы судьбы, богиня, отвечающая за опасности любви... Политеизм, в особенности у египтян и греков, обладает своим неоспоримым эстетическим и поэтическим очаровани-

ем, но также и своими мыслительными противоречиями, которые привели к победе монотеизма.

И наоборот, я замечал, что для многих индийских посетителей барочных католических церквей христианство кажется не монотеистической, а вполне политеистической религией. Только та разница, что католики существ-посредников между Богом и людьми называют не богами, а ангелами и святыми и молят их о помощи. Ну а умозрительные тринитарные рассуждения отцов церкви и богословов, которые возводят человека Иисуса из Назарета на одну ступень с именуемым в Новом Завете исключительно «*ho theós* – Бог», чьим сыном является Иисус, ставит под сомнение единоначалие Бога не только для евреев и мусульман.

И современные течения «*Milieu-Theologien*» («богословия среды») – богословие надежды, освобождения, революции; феминистское, негритянское, «туземное» богословие – часто критикуются за то, что их приверженцы используют Бога для реализации своих собственных целей, «приватизировали» его. Но все это зависит от их религиозно-политической направленности. Во всяком случае, они не хотят сознательно отрицать единство Бога.

Власть жизни и другие силы

Для иудеев, христиан и мусульман Бог является господином всего сущего: Он есть та самая великая жизненная сила, которая дарит и сохраняет жизнь и благо. И поэтому Он вправе ожидать от людей доверия и преданности. Эта сильная, яркая, страстная, бескомпромиссная вера в единого Бога укрепилась в Израиле лишь в VI–VII веках до Р. Х., в период борьбы с Вавилоном. Она остается отличительной особенностью народа Израиля среди других народов и одновременно даром Израиля им. Эта вера в единого Бога, если она серьезно воспринимается верующими, имеет и *политические последствия*.

Я слышу уточнение: негативные последствия. Именно религии, исповедующие одного Бога, относятся особенно нетерпимо

ко всем другим, поэтому особенно враждебны и склонны к насилию. К этому мнению следует отнестись серьезно, так как оно основано на фактах. Но чтобы аргументированно возразить, недостаточно в исторической перспективе сослаться на тот факт, что с тех пор как существуют люди, существуют и религия и насилие. Или на то, что войны, которые христиане вели против коренных жителей Латинской и Северной Америки, Африки и Австралии, или евреи в Палестине и Ливане, или мусульмане на Балканах против армян, что все эти войны никоим образом не имели главной причиной веру в единого Бога...

Невозможно доказать, что монотеистические религии Ближнего Востока отличаются особой нетерпимостью, фанатизмом и религиозным террором, а индуизм и буддизм изначально миролюбивы. Нетерпимость, фанатизм и религиозный террор есть повсюду. Однако каждая религия должна перепроверить свои источники и принять к сведению: не только Коран, но и еврейская Библия рассказывает о насилии, но это ни в коем случае не может служить оправданием насилию и войнам сегодня. А в Новом Завете? В нем содержатся, особенно в написанном в более позднее время Евангелии от Иоанна, христологические высказывания, которые постоянно цитируются фундаменталистами и, узко понятые, легко могут привести к осуждению нехристиан.

С другой стороны, в наши дни необходимо положительно отметить, что как раз Библия, начиная с Каина и Авеля и кончая Апокалипсисом, не замалчивает насилие, но тематизирует его и таким образом демонстрирует человеку его агрессивную природу. В любом современном обществе насилие является проблемой. В Нью-Йорке, перед зданием ООН, стоит огромная скульптура, которая символизирует слова великого израильского пророка Исая: «Перекуем мечи на орала» (Ис 2:4) – и это понимают сегодня люди всех национальностей и религий. Войны негуманны, они должны быть предотвращены всеми средствами. Известные слова Назарянина следует напомнить в особенности идеологам христианских «крестовых походов» в Америке и Европе: «Бла-

женны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф 5:9).

Именно в общей вере иудеев, христиан и мусульман в Единого Бога – *Cantus firmus*⁷ всех их священных писаний – основа их мирного сосуществования, а не скандальной борьбы друг против друга, столь характерной для их общей истории! Общая вера в Бога уже сейчас образует основу для лучшего *взаимопонимания* и глубокой солидарности трех религиозных общин, которые относятся к одному великому монотеистическому религиозному движению. И конечно, каждая из трех не может как следует понять свою сущность и историю без оглядки на две другие. Смогут ли они тогда смотреть друг на друга как на «неверных» – как христиане на иудеев и мусульман? Или как на «отступников» – как иудеи на христиан и мусульман? Или как на «устаревших» – как мусульмане на иудеев и христиан? Нет, они должны научиться видеть друг друга – и многие уже видят – как «сыновей» и «дочерей», как «братьев» и «сестер» по вере в одного и того же Бога. Но и другой аспект веры в единого Бога не менее важен.

Свержение старых и современных богов

Вера в единого Бога не дает человеку обожествить как силы природы, так и политические силы и власть предрержащих. Хотя вера в одного Бога и не содержит социальной программы, она имеет существенные социальные последствия: она низводит с пьедестала обожествленную мирскую власть перед лицом власти единого истинного Бога.

Это по-прежнему важно для племенных обществ: вера в одного Бога означает отказ от признания всевластия природных сил, которые способны сделать человека несчастным или осчастливить в постоянном космическом круговороте «смерти и рождений». Но

⁷ Неизменный напев (лат.). – *Прим. пер.*

особенно она важна для нашей секулярной, казалось бы атеистической, эпохи, когда постоянно появляются новые эрзац-боги. В этих условиях вера в единого Бога означает отказ признать авторитет государственных, церковных, общественных диктаторов, которые приписывают себе божественные свойства и функции и требуют богоподобного почитания и обязательного послушания. Примером тому может служить Барменская богословская декларация⁸ Исповедующей церкви (1934), составленная по инициативе Карла Барта как противовес претензии на абсолютность национал-социализма.

Но живая вера в Бога требует также отказа от власти других сил, которые сегодня заняли место Бога. И в конце концов неважно, кого воспевают современный идолопоклонник (монотеист или политеист) своим «Великий Боже, хвала Тебе!»⁹ – великого бога мамону, великого бога секса или великого бога власти, или великого бога науки, нации или футбола, для которых он готов пожертвовать всем. Давайте зафиксируем: вера в единого Бога противоречит всем псевдорелигиям, которые подчиняют людей власти, порабащают их и отнимают у них человеческое достоинство.

Но будем самокритичны: и некоторые приписываемые истинному Богу атрибуты тоже проблематичны, как например, «Бог Всемогущий». Я считаю более важным другое определение Бога. Оно центрально для моей «спиритуальности», для нашей «духовности».

Бог как «Дух»

«Всемогущий» (лат. *omnipotens* – способный совершить все»; греч. *pantokrátor* – всеильный, всевластный») не является моим

⁸ Была принята на первом синоде Исповедующей церкви, состоявшемся 29-31 марта 1934 г. в Бармене (район Вупперталя). – *Прим. пер.*

⁹ «Großer Gott, wir loben dich» – одна из самых известных экуменических церковных немецких песен, написанная в 1771 г. Игнацем Францем. – *Прим. пер.*

любимым определением Бога. В греческом переводе еврейской Библии используется понятие *zebaot* (Господь воинств), а в Новом Завете бросается в глаза, что кроме Апокалипсиса (и одной цитаты у апостола Павла) оно избегается. Лишь в богословии отцов церкви и средневековых схоластов это определение приобретает особый вес. Это повлекло за собой далеко идущие последствия, вплоть до современных государственных конституций, которые провозглашаются «во имя Всемогущего Бога». Очевидно, что это узаконивает политическую власть, одновременно – и это особенно ясно после обожествления фюрера национал социализмом – указывая политикам на границы их власти.

Просвещенная вера в Бога может действительно стать реальной альтернативой мании всемогущества у человека, которую психотерапевт Хорст Эберхард Рихтер называет «комплексом Бога». В принципе я бы предпочел другие определения Бога из Нового Завета – «Всеблагий» или, как в Коране, «Всепрощающий». Или, если бы это слово не стало таким «слащавым», попросту «любимый Боже». Это, может быть, самое глубокое определение Бога с точки зрения христианства: «Бог есть любовь» (1 Ин 4:8,16).

Как слишком поверхностное, антропоморфное я воспринимаю представление о Боге как всемогущем «Господине» и «Властителе», который «контролирует» или «направляет» все события в космосе, даже, казалось бы, случайные, даже неопределенные субатомарные процессы. Как быть тогда со всеми нецелесообразностями и тупиками эволюции, как например, вымершие виды или трагически погибшие животные и люди? Как быть с бесконечным страданием и злом нашего мира и истории? Концепция всемогущего Бога не дает на это ответа.

Для меня этому антропоморфному представлению о Боге противостоит библейское представление о Боге как *Духе*, которое хорошо укладывается в контекст эволюционной картины мира. Библейские свидетельства о Духе богаты метафорами, образными сравнениями: осязаемый и все же неосязаемый; невидимый, но

все же могучий; жизненно важный, как воздух, которым мы дышим; полный силы, как ветер, как буря – все это Дух. Это слово есть во всех языках, но даже уже различный его род показывает, что это понятие не так-то просто определить. *Spiritus* в латинском языке мужского рода, так же как и в немецком *Geist*, *Ruach* на иврите женского рода, в греческом языке есть только средний род – *Pneuma*. Значит, во всяком случае, «дух» – это не человек. *Ruach* в начале описания сотворения мира в Книге Бытия – это «дуновение», «бриз» или «буря» Бога, который движется над водами. А *Pneuma* (душа) в Новом Завете противопоставляется «плоти», то есть тварной, преходящей действительности.

Дух – это не магическая субстанция, таинственный сверхъестественный флюид динамичной природы, как его часто описывают в истории религий. Это не духовное «Нечто», не волшебное существо в виде животного, не призрак или привидение. «Голубь» и «языки пламени» – это только изображения его действия. Так что же такое Святой Дух в соответствии с Новым Заветом? Он не кто иной, как *сам Бог*, Бог как сила, власть, милость! Исходящая от Бога всеохватывающая власть, которую невозможно ухватить. Сила, творящая жизнь, но и творящая над ней суд. Милость дарящая, но недоступная. А почему «Святой» Дух? Он «святой», потому что он – Божий, отличается от безбожного духа человеческого мира и должен рассматриваться как Дух единственно Святого, Дух самого Бога.

В духовном понимании Бога в свете эволюционного взгляда на мир многие представления греко-схоластического происхождения кажутся мне устаревшими: Бог как Дух для меня не недвижимый двигатель, который сверху или извне действует в мире. Он для меня скорее динамическая духовная реальность, которая *изнутри* создает условия для весьма амбивалентного процесса развития мира, управляет миром и совершенствует его. Не возвышенно «над», но внутри полного страданий мирового процесса: «в», «с», «среди» людей и вещей. Ведь сам Бог источник, средоточие и цель мирового процесса!

Бог как Дух для меня также не чудодейственная «затычка» в отдельных, особенно важных моментах мирового процесса и моей личной человеческой жизни. Скорее Он для меня постоянно действующая творческая и созидающая первосила и первооснова в космической системе закономерностей и случайностей. То есть имманентный миру и в то же время превосходящий мир Кормчий, всегда направляющий его сквозь случайности и невзгоды, при этом не нарушая ни законов природы, ни моей свободы, источник которой – Он сам. «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3:17).

Поэтому я не хочу быть вынужденным решать: Бог *или* мир? Это не альтернатива! Нет мира без Бога, и Бог не равен миру! И против атеизма, и против пантеизма у меня есть дифференцированное единство: Бог *в* мире, и мир *в* Боге. Таким образом, в моем понимании Бог и мир, Бог и человек – это не две *конкурирующие конечные каузальности, существующие рядом друг с другом*, одна из которых получает то, что теряет другая. В моем понимании Бог как бесконечная реальность и мир как конечная реальность существуют *друг в друге*. Поэтому я убежден, что, если Бог – это действительно всеобъемлющая бесконечная духовная первооснова и изначальный смысл мира и человека, то бесконечный Бог ничего не потеряет, если конечный человек что-то приобретет. Наоборот, Бог приобретает, когда приобретает человек.

Это одухотворенное понимание Бога, разумеется, отражается на моем понимании эволюции, творения и его завершения, на моей вере в провидение и чудеса.

Творческое начало: нет определенной модели мира

Бог – это не эволюция, как неточно сформулировал Пьер Тейяр де Шарден, но Бог *в* эволюции. Однако я очень симпатизирую этому великому иезуиту, богослову-естественнику, который первым творчески соединил богословие и науку для понимания общих для них проблем. Церковные начальники не оплатили ему бла-

годарностью: он потерял право преподавать в Парижском католическом университете еще до того, как я поступил туда учиться. Ему было запрещено публиковаться, и он так и не увидел напечатанной ни одной своей основной работы. Он умер одиноким в 1955 году в Нью-Йорке. В 1968 году я с трудом нашел его могилу на берегу Гудзона, к северу от Нью-Йорка. Только после Второго Ватиканского собора, на котором мой друг Леон-Артур Эльхингер (*Elchinger*), епископ Страсбурга, тогда еще безуспешно требовал реабилитации Тейяра, его работы стали предметом интереса и на богословских факультетах.

Итак, идея эволюции, как и многие современные взгляды, заняла свое место и в католическом богословии, несмотря на постоянное сопротивление Рима. Сегодня мы знаем: наша вселенная, по всей вероятности, конечна в пространстве и времени. Она возникла более 13,7 миллиарда лет назад в результате взрыва мельчайшей частицы чрезвычайной плотности, температуры и энергии, в которой был заложен потенциал миллиарда галактик. И до сих пор эта вселенная расширяется, исходя из тех условий, которые, похоже, были заложены в ней в самом начале вместе с пространством и временем.

Я не естествоиспытатель. Но если бы я был астрофизиком, то я поставил бы вопрос о начале начал. Как раз этот Большой взрыв, о причинах которого физики пока абсолютно ничего не знают, кажется непреодолимой границей для человеческого познания. Поэтому они и не смогли еще объяснить, откуда взялись универсальные природные константы, которые существовали уже в первые сотые доли секунды после Большого взрыва и которые определяют все физические процессы по сегодняшний день. Если бы я был физиком, то я сослался бы на философа Канта, считавшего, что за пределами опыта естественные науки уже не отвечают за наше познание, поэтому-то они и не могут дать ответа на основополагающий вопрос человечества о происхождении вселенной. Но – я продолжу в духе Канта – наука не отвечает и за то, чтобы объявить этот вопрос бессмысленным.

За вопрос о начале начал вместе с философией, которая еще со времен досократиков искала ответа на вопрос о главном принципе бытия, отвечает религия. Но даже для религиоведа труднообозримы многообразные представления о возникновении космоса (космогония) или предшествовавшие им представления о возникновении богов (теогония). Есть космогонии, в которых мир и человек ведут свое начало от движения безличных сил. Есть и другие, в которых мир был создан несколькими богами или одним Богом-Творцом.

То, что пророческие религии апеллируют к одному *Богу-Творцу*, представляет проблему для большинства представителей естественных наук. Это и понятно, ведь оба библейских рассказа о создании мира в Книге Бытия написаны около 900 и около 500 века до Р. Х. Оба рассказа не несут естественнонаучной информации о возникновении мира и человека. Но они донесли до нас впечатляющее свидетельство веры и ее ответ на вопрос «откуда»: в начале всех вещей стоит Бог. И вот это ученые не могут ни подтвердить, ни опровергнуть. Из хаоса («земля была безвидна и пуста») Бог создает упорядоченный космос, все элементы и живых существ. То, что Бог создал мир из «ничего», это поздняя библейская идея, она относится к эллинской эпохе. Это философское высказывание не следует понимать как утверждение автономного существования этого «ничто», как если бы это была, так сказать, черная дыра перед или рядом с Богом. Оно скорее является выражением того, что мир и человек, а также пространство и время обязаны своим происхождением только Богу и никакой другой силе.

Но могут ли нам сегодня вообще что-то сообщить о начале всех начал эти древние истории, оперирующие лишь образами (метафорами) и сравнениями (притчами), без математических формул и физических моделей? Конечно, это истины, о которых стоит задуматься и ученым-естественникам, потому что они важны не только для науки, но и в первую очередь для нашей жизни. Эти истины о том:

- что Бог источник всего и каждого;
- что Он не конкурирует в мировой истории ни с каким демоническим злым принципом;
- что мир в целом и в деталях, а также и материя, и человеческое тело, и сексуальность изначально непорочны;
- что человек есть цель процесса творения и что уже факт Божьего творения означает Его благожелательность к миру и человеку.

Как раз астрофизика учит меня: моя человеческая жизнь – мгновение по сравнению с возрастом человечества. А возраст человечества, в свою очередь, – ничто по сравнению с возрастом Млечного Пути, который включает в себя 100 миллиардов отдельных звезд, одна из которых Солнце. И этот наш Млечный Путь, в свою очередь, – пылинка по сравнению со скоплениями галактик, которые сначала называли «туманом» и каждое из которых содержит по 10 000 галактик, так что число галактик, которые мы можем наблюдать, доходит до 100 миллионов. Ведь даже и ученому-естествоиспытателю при этом должен неизбежно прийти на ум старый вопрос: а кто же я в этой вселенной? Что это все такое? Откуда все это? Из «ничего»? Но объясняет ли это «ничего» хоть что-то? И устроит ли это наш разум? И что еще могло бы быть альтернативой?

Единственная *альтернатива*, которой, конечно, мне не может дать только один разум, потому что она лежит за пределами пространственно-временного опыта, следующая: *Все происходит из той первой творческой причины причин, которую мы называем Бог-Творец*. Я не могу доказать это, но у меня есть все основания считать это верным, основываясь на моем разумном, проверенном, просвещенном доверии, которое позволило мне признать существование Бога. Ведь если Бог действительно Суций, то Он Бог не только для меня здесь и сегодня, но и Бог с самого начала, Бог на веки вечные.

Но чтобы избежать недоразумений, к которым склонны ученые-естествоиспытатели, я должен сразу добавить: вера в Творца

ни в коем случае не требует от меня признать какую-то из постоянно меняющихся физических моделей мира. Эта вера определяет условия всех моделей и самого мира и может сочетаться с различными моделями. Вера в Творца мира означает, что мы, доверяясь разуму и оперируя им, не соглашаемся с тем, что мир и человек навсегда останутся необъясненными, что мир и человек просто без цели и смысла пришли ниоткуда и уйдут в никуда. Это вера в то, что мир и человек, несмотря на все бессмысленное и ничтожное в них, имеют смысл и ценность, что они не хаос, а космос. Что они имеют в Боге, Первопричине, Первосоздателе, Творце свое главное оправдание. Как радостно сознавать, что меня ничто не заставляет в это верить! Я могу это сделать вполне свободно!

Вера в творческую причину причин меняет мое положение в мире, мое отношение к миру. *Она укрепляет мое глубинное доверие и конкретизирует мое доверие к Богу.* Конечно, она имеет для меня практические последствия и требует, чтобы я брал на себя ответственность за ближних и мир и решал мои земные задачи с глубокой серьезностью, с еще большей надеждой и трезвостью. Но я уже слышу возражение: разве библейские истории о чудесах не являются абсолютно нереальными и неприемлемыми для ученого-естественника, постоянным камнем преткновения?

Вера в чудеса сегодня?

Я не естествоиспытатель. Но новейшие открытия в микробиологии кажутся мне такими же убедительными, как и в астрофизике. Каких бы подробных объяснений ни существовало для перехода от неживого к живому, это всегда основывается на биохимических закономерностях и, следовательно, на самоорганизации материи, молекул. Как из первобытной материи посредством электроразрядов образовывались все более и более сложные молекулы и системы, так же из нуклеиновой кислоты и белков возникла жизнь на основе водорода. Я понял: уже на уровне молекул действует

впоследствии открытый Дарвином на примере животного и растительного мира закон естественного отбора и выживания самого приспособленного. Эта тенденция к «хорошей форме» подгоняет развитие «вверх» за счет менее приспособленных молекул. Так возникают одноклеточные, затем многоклеточные живые существа, а затем и высшие растения и животные.

Как верующий человек, я должен просто принять, что в соответствии с последними биохимическими открытиями не потребовалось вмешательство Творца в эти сложнейшие процессы. Хотя еще многие вопросы остаются невыясненными, но ясно, что возникновение жизни можно объяснить с точки зрения физики и химии. Мне нет необходимости допускать существование космической жизненной силы или энергии, как это делал уже упомянутый Тейяр де Шарден, полагавший, что развитие идет в направлении Омеги. В отдельных процессах, как и в квантовой механике, возникновение жизни определяется случайностями, но одновременно с самого начала процесс идет по законам природы.

Если бы я был биологом, я бы, конечно, задал себе вопрос: не исключает ли саморегулирующаяся эволюция Бога? Но так же, как и физики, биологи должны признать: эти данные молекулярной биологии не доказывают, но и не отрицают существование Бога. Процесс эволюции сам по себе не несет в себе смысла. Смысл ему должен дать человек. Поэтому и для биолога не существует интеллектуального принуждения, а есть свобода выбора. Но он вряд ли будет верить в Бога, если Бога понимать как личность вне истории, которая время от времени обрушивается на исторического человека или народы чудеса, в том числе противоречащие законам природы и мировому порядку.

И сам собой возникает вопрос: можем ли мы в эволюционирующем мире вообще верить в *чудеса*? Библия полна чудес от начала и до конца. И напрашивается вопрос: как мне, будучи христианином, согласовать эти чудесные истории со строгим логичным процессом развития, если на смену элементарным законам природы приходят «чудеса природы»? Конечно, я понимаю, что и

сегодня некоторые люди, которых мало затрагивают последние открытия естествознания, хотят буквально понимать библейские чудеса, нарушающие причинно-следственную связь. Я против «насильственного просвещения». Но просвещенные верующие должны внимательно отнестись к современным исследованиям библеистики, а не искать искусственных естественнонаучных объяснений «чудесам природы». Я прилагаю много сил для этого, ведь эти исследования интересны и ученым естественнонаучного направления.

Поэтому не нужно путать две вещи. Есть чудеса, в основе которых в большинстве случаев лежат реальные исторические события, которые трудно оспорить, в частности это многочисленные случаи харизматического целительства Иисуса, к которым также относится и «изгнание демонов» из душевнобольных. Второй род чудесных событий – это просто удивительные и редкие явления природы, как например, нашествия мух или саранчи или другие бедствия во время Исхода из Египта. А вот третья категория историй – это, очевидно, приукрашенные легенды: например, когда Солнце останавливает свой ход над Гаваоном в Книге Иисуса Навина, а в Новом Завете (и это не нужно замалчивать в проповедях) – хождение по воде, укрощение бури, насыщение народа пятью хлебами, три случая воскрешения из мертвых... Это все, собственно, и есть «чудеса природы», которые не надо воспринимать буквально.

Естествоиспытателю будет интересно знать, что Библия не рассказывает о настоящих нарушениях законов природы. Почему? Потому что люди во времена Библии совершенно не интересовались законами природы. Они о них не знали. Человек не мыслит естественнонаучно и, соответственно, не воспринимал чудеса как их нарушение.

Для человека библейской эпохи это были просто знамения, которыми Бог указывает на свое присутствие в мире, Божьи дела. Нигде в Библии не требуется вера в чудеса, нигде не указано, что чудеса существуют, или что то или иное событие является

чудом. От читателя ожидается иное – вера в то, что Бог творит историю.

Поэтому я, как просвещенный читатель Библии, который не воспринимает чудеса буквально, должен расставить акценты: важно не сотрясение горы Синай, а весть о связи с Богом и заповедях, которая восходит в этот момент к Моисею. Не сами «десять казней египетских» важны, а свидетельство Бога, который демонстрирует свою спасительную силу. Важен не чудесный переход через Красное море, а послание Бога, который для народа становится Спасителем. Поэтому так называемые «природные чудеса» в Библии, в отличие от исторических чудесных исцелений, – это метафоры. И, как любые метафоры, они не отменяют законов природы. Но как быть – этого вопроса нам не избежать – с теми библейскими рассказами, которые говорят об ужасном конце света?

Пришел наш последний час?

Многое, даже то, что говорят физики о «последних трех минутах вселенной», это только предположения. «Догадки о судьбе Вселенной» – это название немецкого издания книги физика Пола Дэвиса¹⁰. Большинство современных физиков-космологов исходят из того, что наш мир отнюдь не стабилен, не неизменен и не вечен. А дальше мнения расходятся: остановится ли когда-нибудь расширение вселенной, которое началось с Большого взрыва, и перейдет ли в сокращение (для этого нет никаких доказательств) или расширение будет постоянно продолжаться до конца.

Большинство астрофизиков придерживаются второй гипотезы. Расширение будет продолжаться без остановки и даже ускоряться, пока материя в середине звезд не сгорит дотла. В отличие от сокращения вселенной, этот процесс можно наблюдать уже

¹⁰ Полное название книги Пола Дэвиса «Последние три минуты: догадки о конечной судьбе Вселенной» (*Paul Davies, The last three minutes: conjectures about the ultimate fate of the universe*, Basic Books, New York, 1994). – *Прим. ред.*

сейчас, и астрономы удивительно точно с помощью физико-математических инструментов рассчитали стадии развития звезд. Но я спрашиваю себя: стоит ли бояться того, что случится (если вообще случится) через 500 миллиардов лет, когда запасы водорода в ядре Солнца будут исчерпаны и в нашей вселенной воцарятся холод и могильная тишина?

Для нас гораздо страшнее сегодня ожидание скорого конца нашей Земли, вернее, человечества, конца света по вине человека! Наука регистрирует драматичные сигналы-предупреждения: увеличивается содержание CO₂, атмосфера нагревается, ледники и вечная мерзлота тают, озоновая дыра растет и климат меняется быстрее, чем ожидалось. И одновременно нам угрожают перенаселение и загрязнение планеты, загазованный воздух, зараженные почвы, отравленные химикатами воды и нехватка воды – все это источники конфликтов. Даже такие известные физики, как Мартин Рис, спрашивают: «Это наш последний век?» (немецкое издание «Пришел наш последний час?», 2004)¹¹. Я уже не говорю о том, что мы первое поколение, которое способно, высвободив атомную энергию, в кратчайшее время вообще положить конец человечеству.

Меня не удивляет, что в такой обстановке некоторые верующие в Библию фундаменталисты пытаются внушить людям страх и ужас апокалиптическими картинками из Нового Завета (ср. Мф 24:6–8, 29). В США в последние десятилетия наблюдалась чрезвычайная популярность «христианской» литературы о «конце света», которая пришла на смену оптимистической научной фантастике и даже оказала влияние на политику, в частности учением об Армагеддоне, последней библейской битве «с царством зла».

Как библейские рассказы о сотворении мира соответствовали представлениям своего времени, так и рассказы о Страшном суде – тогдашней апокалиптике, настроению ожидания конца света на переломе времен как в иудействе, так и в раннем христиан-

¹¹ Martin Rees, *Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty-first Century?* Random House (UK), 2003. – *Прим. пер.*

стве. И действительно, устрашающие образы Апокалипсиса – это настоящее предупреждение человечеству и отдельному человеку наконец-то понять «знаки времени», серьезность момента. Но как библейская протология не является репортажем о событиях начала мира, так и библейская эсхатология не является прогнозом его конца. Напрасно кто-то ищет в ней сценарий последнего акта человеческой трагедии. Библия и здесь говорит *не языком научных фактов, а символическим языком образов*, который следует понимать не буквально, а в соответствии с духом времени.

Но имеют ли сегодня *смысл* эти эпические картины и рассказы о начале и конце? Они представляют нам то, что не могут исследовать естественные науки, то, на что мы надеемся и чего боимся. В библейских картинах конца света мне *даровано откровение о завершении божественного творения*. Я имею в виду, что и в конце истории, а самое главное, и моей жизни стоит не ничто, а Бог! Согласно Библии, история жизни человека идет к последней *цели всех целей*, которую мы назовем Богом, *Богом-Свершителем*. В конце времен мы не завершаемся ни как отдельные люди, ни как человеческий род, а со-вершаемся (так надеемся мы) в свершении Царства Божьего, как бы мы его себе ни представляли.

Я не могу доказать Бога-Свершителя, как и Бога-Создателя, но и здесь у меня есть все причины признать Его, основываясь на моем разумном, проверенном, *просвещенном доверии*, которое позволило мне признать существование Бога. Ведь если Бог действительно Сущий, то Он Бог не только для меня и сегодня, но и Бог в конце, в конце моей жизни и в конце мира. Если Альфа, то и Омега. Или, как говорится на литургии, Бог от вечности до вечности.

Но кому не хочется знать подробнее о Боге и Его путях? Даже Моисей однажды высказал желание увидеть славу Бога. Но получил ответ: «Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх 33:20). Тем не менее, если Моисей встанет в расщелине скалы, Бог прикроет

его рукой, защитит. «И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо» (Исх 33:23).

И так и будет в нашей земной жизни. Мы можем узреть славу Бога, Его величие, Его промысел только по прошествии времени. Когда я оглядываюсь на прожитые годы, я могу как бы «сзади» увидеть, где меня особенно поддерживали и вели. Этого должно быть достаточно. И этого мне достаточно.

7. Модель жизни

«Если бы Аллах пожелал, то сделал бы вас одной общиной, однако Он разделил вас, чтобы испытать вас тем, что Он даровал вам. Состязайтесь же в добрых делах».

Коран, сура 5, аят 48

Жизненный путь, полный смысла и утверждающей его жизненной силы – но по какой модели жизни жить?

В 1964 году во время моего первого кругосветного путешествия я был потрясен, увидев Азию. Особенно поразило меня, насколько различны людские лица у тайландских, китайских, японских женщин, мужчин и детей. Чуть ли не скучными мне показались после этого лица белых людей в Сан-Франциско.

Соревнование между религиями

После того как мы на нашей духовной горной дороге преодолели отвесную скалу перед трансцендентностью, мы заметили, что к вершине ведут разные пути. Уже в первой книге еврейской Библии особое место уделено разнообразию народов и культур. После рассказа о потопе поименно называются «племена сынов Ноевых, по родословию их, в народах их». От них после потопа должны были разойтись народы по земле. Но впоследствии были смешаны их языки, а сами они рассеяны по всей земле в наказание за высокомерный план абсолютного единения при строительстве Вавилонской башни.

Новый Завет во второй главе Деяний Апостолов, в рассказе о дне Пятидесятницы развивает тему смешения языков: там названы разные народы с их различными языками, в том числе арабы. С помощью Духа Святого они слышат одну и ту же весть на своих языках.

Но особенно четко признает различие религий Коран, он рассматривает их как соперничающие друг с другом за благо. Люди идут различными путями к спасению в зависимости от исповедуемой религии. Разные части света находятся в глобальной конкуренции, они выработали разнообразные культурные и религиозные формы, из которых можно выбирать, особенно в наше время. Единой мировой религии, несмотря на все процессы экономической и политической интеграции, еще не видно на горизонте.

Когда я бывал на других континентах, то часто думал о том, кем бы я стал, если бы родился не в Европе, а в другой культурной среде. Скорее всего я бы строил свою жизнь по совсем другой модели, жил по другим образцам ощущений, мышления и поведения. Например, по модели индуизма:

Модель индуизма

Представим, что я был бы одним из 1,2 миллиарда жителей Индии. Тогда с большой вероятностью я был бы индуистом. Когда-то «индуист» и «индус» означало одно и то же. Сегодня индуизм – это индийская религия, и четверо из пяти индусов принадлежат к ее различным течениям. Она определяет индийскую культуру, образ жизни и мировоззрения. Если бы я был индуистом, для меня было бы совершенно естественным, как, кстати, и для представителей индийских реформаторских течений буддизма и джайнизма, верить в древнее учение о круговороте жизни и реинкарнации. Круговорот природных процессов, различных исторических периодов, круговорот новых рождений человека. И я наверняка бы верил, что морально оправданные или неоправданные поступки (санскр. *karma*) в моих прошлых жизнях определяют мою нынешнюю жизнь, а мои добрые или дурные поступки в этой жизни определяют мое положение в будущей жизни. Циклическое представление о времени и истории.

Я бы, наверное, изучал старинные священные писания, Веду (священное «Знание») и книги, которые ее интерпретируют. Но

даже если и не изучал, то я наверняка был бы убежден, что во всем есть «вечная дхарма» (*Sanatana dharma*): всеобъемлющий космический и моральный порядок, который определяет все живое и которого должны придерживаться все люди, независимо от того, в каком классе или в какой касте они родились. При этом для меня не имели бы значения определения догм и формальное правоведение, ведь в индуизме нет обязательного для всех верующих авторитета священника. Важнее было бы правильное поведение: стараться соблюдать ритуалы, обычаи – религиозность на практике. Для меня речь шла бы не об определенных правах человека, но в первую очередь о моем предназначении, а поэтому о моих обязанностях и ответственности по отношению к семье, обществу, богам или Богу.

Может быть, мне было бы удобно верить в вечную дхарму. Почему? Потому что это космический порядок. Поэтому он не зависит от пространства и времени и имеет те же ритуалы, что и столетия назад. Одновременно этот вечный порядок достаточно гибок, чтобы принять и признать самые разные, а иногда и противоположные религиозные формы и образы. И показать различные пути к спасению:

- путь действия (*karmamarga*)
- путь познания (*jñanamarga*)
- путь жертвы (*bhaktimarga*)

Это все пути очищения, морального, духовного, религиозного.

Я пытаюсь представить дальше: наверное, я был бы недоволен некоторыми обрядами, учениями, предписаниями и практиками, так же как и в христианстве. Я бы принадлежал к сегодняшним критикам индуизма. Они обличают острую социальную несправедливость, которая противоречит древним индийским идеалам. Вряд ли я бы поддерживал социальные элиты, которые держатся за свои привилегии «вечного порядка», ссылаясь на космический закон, и часто устраняются от участия в решении социальных проблем. Не имея ни малейшей склонности к фундаментализму, я наверняка был бы на стороне критических мыслителей и ре-

форматоров Индии, которые борются против кастовой системы, официально отмененной, но практически существующей, и выступают за улучшение положения женщины и 150 миллионов неприкасаемых.

А может быть, я, как и многие индусы в прошлые века, да и в XX веке, отошел бы от индуизма как раз из-за кажущейся непреодолимости кастового порядка и обратился бы к буддизму. По примеру Б. Р. Амбедкара¹, до сих пор весьма чтимого в Индии человека, первого министра юстиции независимой Индии, который в 1956 году возглавил переход к буддизму почти полумиллиона неприкасаемых.

Буддийская модель

Если бы я родился в Шри Ланке, Таиланде, Бирме или Японии (я знаю эти страны и восхищаюсь ими), то я был бы наверняка одним из ста миллионов буддистов мира. Я бы разделял с индустами взгляд на мир как на круговорот рождений и мировых периодов, а также представление об определяющей роли кармы, поступков прошлой жизни. Но, как буддист, я бы не признавал авторитета Вед, а поэтому и господство брахманов, кровавые жертвы и кастовый порядок индусов.

Мою религию нельзя бы было сравнить с естественным течением Ганга, с которым уже в течение тысячелетий сравнивают индуизм. Она ориентировалась бы на эпохальный индусский образ Сидхарты Гаутамы, названного *Буддой*, «Пробужденным», «Священным». С VII века до н. э. он указывает людям путь к одухотворению, духовности, погружению во внутренний мир. В своем учении («Дхарма») он дает ответ на четыре исконных вопроса, «четыре благородные истины»: что такое страдание? Вся жизнь. Как оно возникает? Через «жажду жизни», жадность, ненависть,

¹ *Бхимрао Рамджи Амбедкар* (1891–1956) – юрист, буддист-реформатор: не признавал кастовых различий, резко критиковал ислам и индуизм. – *Прим. ред.*

умопомрачение. Как можно его преодолеть? Через отказ и победу над жадной жизни. Как можно этого достичь? На восьмеричном пути Будды.

Будда не хочет давать объяснение мира, он дает учение о спасении и путь спасения: как страждущему человеку найти освобождение и избавление, как преодолеть жизненные кризисы, как пережить страдание и смириться с собственной ограниченностью, конечностью, смертностью. В медитации человек обращается внутрь себя. Если ему будет дано озарение, то он сможет ощутить непостоянство вещей, понять, что все, что он видит в мире, нестабильно, зыбко, изменяемо. Даже мое собственное «я», за которое я так цепляюсь, не имеет сущности и поэтому тленно. У Будды я могу научиться быть свободным от собственного «я»: найти путь, ведущий от всепоглощающей жадности, ненависти и слепоты, от эгоизма и погруженности в собственное «я» к самоотречению. Восьмеричный путь Будды – это разумный путь середины: не погоня за удовольствиями, но и не самобичевание. А правильные мысли и отношение (знание), правильные слова и действия и правильная жизнь (нравственность, этос), старательность, внимательность и собранность. Колесо с восемью спицами – это символ Дхармы, учения Будды о восьмеричном пути.

Для меня здесь важно следующее: опираясь на знания, мы можем обрести нравственность, этос, и это ожидается от каждого буддиста, не только от монахов и монахинь. Сей этос включает четыре основных требования: не убивать, не лгать, не воровать, не предаваться сексуальным излишествам. Может быть, если бы я был буддистом, мне бы тоже пришла в голову идея общего этоса. Ведь в Декларации Парламента религий мира зафиксированы те же этические константы. Только пятое требование буддизма – отказаться от одурманивающих средств – не находит поддержки всех религий и поэтому не может быть частью мирового этоса.

Размышляю дальше: если бы я был буддистом, то, без всякого сомнения, мне было бы трудно, если бы пришлось (как в буддизме Тхеравады) стать монахом, чтобы с помощью тренировки ума

достичь медитативной сосредоточенности. Только она позволяет выйти из круговорота рождений и войти в «нирвану», туда, где кончаются жадность, ненависть и слепота и меня, может быть, ждет не «ничто», но блаженство. Скорее всего, я не чувствовал бы тяги стать буддистским монахом, как не тянуло меня стать христианским. В обоих случаях от монаха требуется то же самое: отстранение от мира, строго регулируемая жизнь без собственности и в сексуальном воздержании. Но в христианстве монашество – явление скорее крайнее, в буддизме – центральное. Но так же, как я не вступил в христианский нищенствующий орден, я не вступил бы и в Сангху, сообщество буддистских монахов. Я вижу свое место не вдали от мира, а в самой его гуще. В этом смысле я ближе не к буддистской, а к первоначальной китайской традиции.

Конфуцианская модель

Если бы я родился в Китае, среди 1,5 миллиарда китайцев, я стал бы, наверняка, последователем Конфуция. Различие между Западом и Востоком поверхностное. К этой мысли я пришел довольно поздно, благодаря поездкам по Китаю и совместным лекциям в Тюбингенском университете с китайской коллегой и подругой Юлией Чинь (*Julia Ching*). Наряду с профетическими религиями ближневосточного происхождения – иудейством, христианством и исламом – и мистическими религиями, имеющими индийские корни, в первую очередь индуизмом и буддизмом, религии китайского происхождения – конфуцианство и даосизм – это третье самостоятельное и культурно- и исторически равнозначное религиозное направление. Здесь прототип не пророк и не гуру, а мудрец. По сравнению с индийской религией с ее мистицизмом и мифологическим богатством, со строго циклическим мышлением китайская культура отличается трезвой рациональностью и историзмом. Там, в отличие от Индии, очень рано стала развиваться историография.

Я не смог бы примкнуть к китайскому (западного происхождения) марксизму и маоизму. Но зато мне был бы близок китайский

гуманизм, который начал свое развитие еще во времена греческих досократиков в VI веке до н.э. Переход от магической религиозности китайской культуры к рациональности: преимущество отдается человеку и его разуму, а не богам и духам. Результатом стал духовный переворот: рост интереса к истории, искусству и литературе, так что ученые, писатели и мыслители стали относиться к высшему слою общества.

Для Конфуция, или Кун Фу-Цзы, который был сначала одним среди многих учителей, этические решения человека важнее прорицаний оракулов, сохраняемых традицией. Он хочет разбудить не магические силы природы, а моральную силу человека. Вряд ли бы меня привлекло то, что Конфуций ориентируется на лучшее прошлое: его интересует восстановление первоначального, основанного на моральных принципах общественного порядка, который, в свою очередь, базируется на исполнении древних ритуалов, обычаев, норм поведения. Конечно, уже у Конфуция над всем этим стоит «Небо» как движущая сила, порядок, закон. Именно поэтому мы имеем дело здесь не просто с моральным учением. Человек, а в особенности властитель, должен стремиться понять и исполнить «волю Неба». Если он этого не делает, то теряет легитимность – такова движущая сила многих китайских революций.

Но бесспорно, мне была бы очень близка гуманистическая мудрость «Учителя Куна». Человек должен стремиться к гармонии в отношениях с людьми и природой и придерживаться со всеми людьми рамок *общечеловеческих* («жэнь») норм поведения: быть добрым, отзывчивым, благожелательным. В этом смысле должно стремиться как к внутреннему обновлению отдельного человека, так и к внешнему обновлению государственного устройства.

Слово, которое служит мне всю жизнь путеводной нитью во всех поступках, по Конфуцию, «*взаимность*» («шу»). Это аббревиатура впервые в истории человечества сформулированного им Золотого правила: «Не делай другому того, чего не желаешь себе!» Человечность могла бы и сегодня быть основой этоса не только в

Китае, но и во всем мире. Человечность вместо так часто встречающейся бесчеловечности.

Конечно, сегодня никто не хочет вернуть возникшую позднее конфуцианскую государственную религию, ушедшую в прошлое вместе с последним императором в 1912 году. Постоянное господство родителей над детьми, мужчин над женщинами и вообще само патриархальное устройство общества не имеют будущего. Но гуманистические ценности конфуцианства по-прежнему имеют важное значение: приоритет интересов общества перед личными, но при этом и уважение и поддержка личности; семья как основа общества; решение проблем обоюдным согласием, а не конфронтацией и этически-религиозная гармония как идеал человеческой и общественной жизни.

Но как бы ни был близок китайский гуманизм европейскому Просвещению и мне лично, я отношусь не к китайской или индийской религиозной традиции, а к ближневосточной, профетической. Многое в жизни не исключает одно другого. В религиозном диалоге мы сегодня скорее ищем взаимообогащения, чем конфронтации! Но ясно и другое: пути религий различны и нельзя пройти по всем одновременно. Я родился христианином и поэтому из всех нехристианских моделей жизни мне ближе всех еврейская.

Иудейская модель

В юности я не осознавал, что христианство имеет корни в иудаизме. Хотя напротив нас жила еврейская семья, с которой мы дружили. Но мы не разговаривали о религии. Церковь и многие верующие забыли: Иисус из Назарета, Мессия, Христос был иудеем. И Его ученики и ученицы были иудеи. Я это по-настоящему осознал только во время Второго Ватиканского собора в начале 1960-х годов. Во главе всего стоит кардинальное убеждение народа Израиля: «Яхве (в первые столетия это имя Бога еще произносили) – это Бог Израиля, а Израиль – Его народ».

С тех пор для меня всегда важна эта *непреодолимая общность*: она показывает, что иудейская и христианская жизненные модели едины в главной перспективе. Несмотря на изобилующую со времен Крестовых походов конфликтами историю, сначала церковного антииудаизма, а потом расистско-биологического антисемитизма, вылившегося в катастрофу холокоста, до сих пор общность сохранилась:

Как и иудеи, я, христианин, верую в единого Бога Авраама, Исаака и Иакова, которому оказываю свое полное доверие как Создателю, Зиждителю и Совершителю мира и истории.

Как и иудеи, мы, христиане, используем в богослужении многие элементы (псалмы), священнодействия (молитвы, чтения) и другие религиозные моменты иудаизма.

Как и иудеи, мы, христиане, используем сборник Священных Писаний (еврейская Библия, Танах, или Ветхий Завет), которые являются свидетельством общей веры и многих общих ценностей и мыслительных построений.

Подобно иудеям, мы, христиане, следуем этосу справедливости, правдивости и миролюбия на основе любви к Богу и ближнему...

На съемках фильма «В поисках следов» об иудаизме, на том самом месте в Тель-Авиве, где от руки еврейского фанатика в 1995 году погиб израильский премьер-министр и лауреат Нобелевской премии мира Ицхак Рабин, выступавший за мир с изгнанными с родной земли и угнетенными палестинцами, я особо подчеркнул религиозное и этическое наследие иудейской религии: «Вряд ли найдется другой народ, который предложил так много существенного и важного для будущего этоса человечества, как иудеи с их десятью заповедями. Эти зповеди, как сказал когда-то немецкий писатель Томас Манн, суть “наставление и скала, на которой стоит человечество”, “азбука человеческого поведения”».

Раввин и руководитель колледжа Авраама Гайгера в Потсдаме Вальтер Гомолка замечательно описал иудейские корни общечеловеческого этоса в нашей с ним совместной книге об иудейских

истоках мирового этоса². А мировой этос с точки зрения христианина изложен мною в книге, написанной в соавторстве с пастором из Майнца Ангелой Ринн-Маурер³. Но что значит специфически христианская духовность? Сначала нужно провести границы.

Ложная христианская духовность

Помимо «религиозности» сегодня часто говорят о «духовности», и это понятие может означать многое. Христианская духовность должна основываться в первую очередь не на благочестивых импульсах, чувствах и массовых акциях, как это видят некоторые «духовные» лидеры и их движения, а на разумной вере, твердых знаниях и проверенных выводах. Я во всяком случае не хочу просто верить во все что угодно и смешивать духовность с собственными противоречиями. Я верующий, но не суеверный. Я не верю в звезды гороскопа, и я никогда не обожествлял звезд масс-медиа, спорта или политики. Мой идеал не поверхностная религиозная мешанина, а религиозность на крепком фундаменте и с четким профилем.

Христианская духовность основывается не только на заверениях и утверждениях, но и на убедительных логичных аргументах. По этой причине для меня нет ничего, что было бы истинным только потому, что я считаю это истинным. И я не могу требовать от других, чтобы они принимали на веру религиозные положения. Как раз потому, что я верую, мне хочется разумного обоснования моей веры. Поэтому я не верю ни в литературные конструкции вроде «кода да Винчи», ни в прочие конспирологические теории о скрытых евангелиях, ни в замалчивание Ватиканом скандальных документов об Иисусе. Поскольку я основательно изучил собранные в Новом Завете исторические свидетельства христианской

² Hans Küng und Walter Homolka, *Weltethos aus den Quellen des Judentums*, Freiburg i. Br. (Herder), 2008. – *Прим. nep.*

³ Hans Küng und Angela Rinn-Maurer, *Weltethos – christlich verstanden : Positionen, Erfahrungen, Impulse*, Herder, Freiburg, 2005. – *Прим. ped.*

веры, у меня нет потребности в сенсационных религиозных романах и в псевдонаучных теориях, чтобы казаться более информированным и просвещенным.

Я много повидал в жизни, но не перестаю удивляться тому, как легко многие люди, и среди них серьезные христиане, попадают на приманки, вроде бессовестной выдумки о том, что Иисус не был распят, а женился на Марии Магдалине, родил детей и мирно умер в Индии или Кашмире. Я уже молчу про конспирологические клише о культовых убийствах тайных сообществ хранителей Грааля. Легковерие порождается не в последнюю очередь и тем, что руководство церкви (и не только Римско-католической) не ведет достаточной *просветительской работы*, а отчасти даже мешает ей. Слишком долго официальное учение в энцикликах, катехизисах, посланиях и проповедях замалчивало перед народом результаты исторической критики Библии, и в частности данные о возникновении евангелий и других библейских произведений. До сих пор многие не владеют базовыми знаниями о христианской вере и традиции, которые сейчас уже легко доступны. И таким образом люди становятся жертвами авторов «сакральных» триллеров и других информационных забав постмодернистского общества.

Не пора ли христианским церквям наконец-то *критично взглянуть на себя и вернуться к основам христианской духовности*, чтобы противодействовать тотальной утрате доверия к церкви, о которой говорит статистика? Одни только жалобы на девальвацию ценностей и духовный плюрализм нашего времени здесь не помогут!

Но можно спросить и иначе: способно ли еще *христианство* быть *ориентиром*? Не остается ли нам перед лицом церковной действительности только разочарование в христианстве? Не потеряло ли христианство, по крайней мере в европейских странах, свою достоверность и убедительность? Не является ли оно скорее частью проблемы, чем частью решения?

Все очевиднее тенденции развития *в сторону от христианства* и притяжение дальневосточных религий, эзотерических

течений или суррогатов религии в разных формах в рамках общества «развлечений и сильных ощущений». Все это ведет к религиозному равнодушию. *Fit for fan* («жить прикольно») – лозунг современности, и, кажется, совсем канул в Лету лозунг *Fit for faith* («жить по вере»).

И в этом есть *вина церкви*. Миллионы католиков по-прежнему имеют печальный опыт общения с церковными функционерами: авторитаризм, дискриминация женщин, сексуальные комплексы, неготовность к диалогу, нетерпимость по отношению к инакомыслящим. Но и в протестантских церквях узость, провинциализм, безликость приводят к тому, что каждый год их покидают тысячи верующих. Миллионы верующих уходят во внутреннюю эмиграцию, например, в новых землях Германии многие просто напросто не вступают в церковные общины. Поэтому и встает так настойчиво вопрос, может ли свет христианства в XXI веке еще быть ориентиром.

С другой стороны, многие люди, разочаровавшиеся в церкви, спрашивают себя: неужели *идеалы христианства* просто исчезнут? Как выглядел бы мир, который ничего не знал бы о десяти заповедях, о заповеди любви к ближнему и врагу своему, о Нагорной проповеди и притчах Иисуса? Приблизительно так же, как наши города без соборов и церквей! Поэтому многие не хотят вместе с церковью расстаться и с христианством. И очень многие, как внутри, так и вне церковных кругов, заявляют о том, что они ни в коем случае не разочаровались в христианстве, не потеряли надежду на то, что по-прежнему возможно быть христианином.

Но тогда мы должны, помня обо всех этих церковных и светских искажениях христианства, снова задать вопрос: что же означает слово «*христианский*»? Как нам понимать сегодня христианскую духовность? Как понимать себя как христиан? Что собственно означает *быть христианином* по сути, изначально? Мне, как богослову, понадобились годы, чтобы окончательно понять, что в основе христианской духовности лежат не догмы

(часто непонятные) или священные моральные заповеди, не великое учение или мировоззрение и не церковная система, а ... так что же?

Христианская модель

Как и многие католики, я до Второго Ватиканского собора воспитывался на традиционном образе Христа символа веры, эллинских соборов и византийских мозаик: Иисус Христос, восседающий на троне Сын Божий, добрый Спаситель, а еще раньше, в юности, Христос Царь. На уроках катехизиса мы заучивали догматические формулы, не понимая их: Иисус Христос – это «второе лицо Святой Троицы», «божественная Личность двойной природы», человеческой и божественной. Потом в Риме я слушал целый семестр цикл лекций о христологии, включая все ереси, против которых выступали соборы, с их ответами на все тогда стоявшие трудные вопросы. Я без труда сдавал все не очень простые экзамены на латыни. Ну а как обстояло дело с моей духовностью? Она была чем-то совсем иным и оставалась неудовлетворенной. Долгое время меня больше всего интересовало одухотворенное богословие апостола Павла, а Евангелия казались чем-то слишком знакомым и скорее скучным. Фигура Христа по-настоящему заинтересовала меня только после учебы, когда, познакомившись с результатами современных исследований по библеистике, я увидел Его как реальную историческую фигуру. Все последующее основательное изучение католической и протестантской литературы по экзегетике при подготовке моих лекций, семинаров и публикаций имело источником сильнейшее желание больше узнать об этом «неизвестном Иисусе».

Ведь суть христианства не в абстрактно-догматическом, не в обобщенном учении, а в ныне и присно *историческом образе* Иисуса из Назарета. В течение многих лет на основе богатейших библейских исследований двух последних веков я работал над этим уникальным портретом Назарянина, продумывая все со страстью

и симпатией, педантично обосновывая и систематизируя выводы. При работе над книгой «Церковь»⁴ (1967) меня осенило, что я постоянно говорю о церкви Иисуса Христа, но не знаю точного ответа, чего собственно хотел этот Иисус, о чем говорил, что делал. Я стал искать ответы на эти вопросы еще основательнее после того, как по собственной инициативе на Международном богословском конгрессе в Брюсселе попытался ответить на элементарный вопрос: «В чем заключается христианское послание?» В объемной книге «Быть христианином» (первоначально она планировалась как небольшая брошюра)⁵ я очень подробно описал проповедь, дела и судьбу Иисуса. Чрезвычайно увлекательная задача! В связи с этой работой я даже прочитал проповеди по всему Евангелию от Матфея, от начала и до конца, а потом и по Нагорной проповеди.

С тех пор я знаю, о чем говорю, когда утверждаю: христианская *модель жизни* – это Иисус из Назарета, Мессия, Христос, Помазанник и Посланник Бога. *Иисус Христос* – это фундамент подлинной христианской духовности. Бросающая вызов жизненная модель, образец для наших отношений с ближними и с самим Богом, которая стала ориентиром и критерием для миллионов людей на земле.

Кто является христианином? Не тот, кто только повторяет «Господи, господи» и поклоняется «букве», неважно, библейско-протестанского, авторитарного римско-католического или традиционалистского восточно-православного образца. Христианин – это тот, кто на своем жизненном пути старается на практике ориентироваться на Иисуса Христа. Большого не требуется.

Я никогда не чувствовал так отчетливо и явственно истинную христианскую духовность, как после моей проповеди в трущобах Сан-Сальвадора, в церкви, в которой 24 марта 1980 года прямо у алтаря был застрелен архиепископ Оскар Ромеро, активный за-

⁴ Рус. пер. Г. Кюнг. *Церковь*. М.: ББИ, 2012. – *Прим. ред.*.

⁵ Позже, в 2004 г., автор издал сокращенную версию этой книги. См. рус. пер.: Г. Кюнг. *Христианский вызов*. М.: ББИ, 2012. – *Прим. ред.*

щитник прав своего народа. На этом месте во время съемок фильма «В поисках следов» я вспомнил и протестантского участника антигитлеровского сопротивления Дитриха Бонхейфера (казнен нацистами в 1945 году), американского борца за права человека Мартина Лютера Кинга (застрелен в 1968 году) и польского пастора Ежи Попелюшко (убит польской службой государственной безопасности в 1984 году). Все они показали мне и миру, что можно оставаться верным этой духовности вплоть до жестокой насильственной смерти.

И мою жизнь, как и жизнь многих, менее драматическую, с ее взлетами и падениями, с ее *верностью церкви и критикой церкви* можно понять только с этой точки зрения. Как раз моя критика церкви идет от ранящего меня сознания глубокого несоответствия между тем, кем был исторический Иисус, что Он проповедовал, как жил, боролся, страдал, и тем, что представляет сегодня общественный институт церкви с ее иерархией. Это несоответствие иногда становится невыносимым. Иисус на мессе в Соборе Святого Петра? Или на молитве с президентом Джорджем Бушем и папой в Белом доме? Невозможно себе представить. Наверное, Его встретили бы словами Великого Инквизитора Достоевского: «Зачем же Ты пришел нам мешать?»

Поэтому самым неотложным делом, которое могло бы раскрепостить нашу христианскую духовность, было бы переориентировать как христианское богословие, так и практику, с традиционных догматических формулировок и церковной регламентации на неповторимый образ, который и дал само имя христианству. Конечно, этот образ можно познать только, по выражению Лессинга, перейдя «через огромный безобразный ров истории», но как раз поэтому этот образ можно всегда открывать заново в новом контексте.

Только мерилom в этой ориентации должен быть не придуманный, а настоящий, исторический Христос. Таковым мы можем увидеть Его в Новом Завете, несмотря на некоторые легенды и неисторические напластования.

Неповторимая жизнь

Я не могу изложить здесь историю Иисуса из Назарета. Я ее подробно изучил и изложил ранее. Конечно, можно спорить о многих деталях во всем контексте новозаветных свидетельств, которые были записаны, когда возникли первые христианские общины, и прежде всего о том, что является аутентичным словом Иисуса, а что нет.

Но в целом образ Иисуса в Новом Завете совершенно неповторим. Я изучал образы великих учителей других религий мира и посвятил каждому довольно точный словесный портрет. Каждый велик по-своему и заслуживает по крайней мере уважения других верующих и неверующих. Поэтому я был в недоумении, когда в 2006 году один, жаждущий сенсаций оперный режиссер в Берлине в эпилоге великой оперы Моцарта «Идомея» без всяких на то оснований (ни в музыке, ни в тексте) выставил отрезанные головы основателей мировых религий. И при этом еще заработал аплодисменты некоторых простаков-политиков и публицистов. И также мне было непонятно, как можно было нахваливать карикатуриста и газету, которая в том же 2006 году опубликовала из коммерческих и популистских соображений карикатуры, порочащие пророка Мохаммеда. Как будто для датских политиков свобода печати не включает в себя и ответственность прессы перед обществом. Представители других религий удивляются: как далеко зашла когда-то христианская Европа, для которой, кажется, уже нет ничего святого.

Для меня жизнь, учение и деяния Иисуса из Назарета рельефнее выступают на фоне других основателей религий. Иисус не был воспитан при дворе фараона, как, очевидно, Моисей, не был княжеским сыном, как Будда. Он не был ученым и политиком, как Кун Фу-Цзы, не был богатым и знатным купцом, как Мохаммед. Именно потому, что Его происхождение было столь незначительным, так поражает Его непреходящее значение. Он не сторонник ни обязанности все более совершенствующегося писанного

Закона (Моисей), ни аскетического уединения и ухода в жестко организованную общину монашеского ордена (Будда), ни обновления традиционной морали и общества в соответствии с вечным мировым законом (Кун Фу-Цзы), ни насильственного революционного захвата власти в борьбе с неверными и создания теократического государства (Мохаммед).

В исторической временной системе координат Иисус мне кажется уникальным. Его невозможно отнести ни к правителям, ни к бунтовщикам, ни к моралистам, ни к молчащим. Он провоцирует, но провоцирует не взирая на лица. Без какой-либо партии за спиной, он бросает вызов всем. «Человек, разбивающий любые схемы» (Эдуард Швейцер). Он не священнослужитель, но, похоже, ближе к Богу, чем священнослужители. Он не политический и не социальный революционер, но, похоже, революционер всех революционеров. Он не монах, но менее привязан к миру, чем все аскеты. Он не морализирующий казуист, но нравственней всех моралистов. Снова и снова мы видим в Евангелии: Иисус совершенно иной! При всех параллелях в деталях исторический Иисус из Назарета в целом остается неповторимым как тогда, так и сегодня.

Для нашей *жизненной практики* самое решающее в послании Иисуса о Божьей воле и Царстве – в речах, притчах и соответствующих делах – это радостная весть о новой свободе. Для меня здесь и сейчас это означает:

- именно в наше время биржевых лихорадок и скачков стоимости акций не поддаваться алчности и жажде престижа;
- именно в наше время возрождающейся империалистической политики не поддаваться желанию властвовать;
- именно в наше время беспримерной отмены всех табу и культа безграничного потребления не давать поработить себя сексуальной потребности и зависимости от наслаждений и удовольствий;
- именно в наше время, когда только эффективность является мерилем ценности человека, бороться за человеческое достоинство слабых, «непродуктивных» и бедных.

Речь идет о *новой свободе*: быть свободным, исходя из великой реальности Бога, которая охватывает и пронизывает не только меня, но и всех людей и которую Иисус называет словом «Отец». С Богом и ради Него мы становимся свободными ради блага наших ближних. При этом нет необходимости становиться аскетом. Как известно, и Иисус пил вино и участвовал в застольях. Но я не должен эгоистично заботиться только о собственных интересах и удовлетворять только свои потребности. Нужно в повседневной жизни не забывать о благе ближнего, того, кто как раз сейчас нуждается в нас. А это значит – не стремиться властвовать над ним, а, насколько возможно, служить ему. И всегда стремиться делать добро. И, где нужно, учиться прощать другим и жертвовать. Признаюсь: для меня это всякий раз новая непростая задача в моей долгой жизни.

Для самого Иисуса выполнение элементарных заповедей человечности само собой разумеется. И для Него выполнение воли Бога означает: не убивать, не лгать, не воровать, не предаваться сексуальным излишествам. В этом Его взгляд совпадает с требованиями других основателей религий, и это основа для мирового этоса. Но одновременно Он радикальнее в своих требованиях. В Нагорной проповеди Он идет дальше: призывает пройти не только одно обязательное поприще, но по возможности два. Это, конечно, не закон для всех, это было бы нереалистично, как справедливо замечают многие иудейские оппоненты. «Требования» Иисуса – это приглашение, предложение время от времени решаться на безоговорочное служение людям, по примеру милосердного самарянина (еретика для иудеев), оказавшего милость пострадавшему от разбойников человеку. Это значит в конкретной жизни руководствоваться любовью, которую не может потребовать от нас никакой закон. «Любовь» – слово, которое Иисус почти не употребляет, – это на практике и есть высшее, универсальное и радикальное требование. Любовь без сентиментальности, которая уважает каждого человека, даже противника, и не держит зла.

Для меня и для многих других это радостная, освобождающая духовность ненасилия, справедливости, милосердия, мира. И даже духовность радости, которая не возлагает на плечи человека ненужного морального груза. Духовность, которая объединяет, а не разъединяет, но и имеет свою цену.

Неповторимая смерть

Я все время думаю об этом: Иисус из Назарета был совсем молодым человеком, когда, возможно, воодушевленный проповедником Иоанном Крестителем на реке Иордан, Он бесстрашно пошел в мир. И самое старое Евангелие (от Марка), и самое позднее (от Иоанна) не повествуют о детстве Иисуса, как это делают Евангелия о Матфея и от Луки, со многими интересными и трогательными, но и отчасти сказочными подробностями.

Деяния Иисуса продолжались всего три года, а по хронологии Иоанна, который, вероятно, использовал при написании старинные источники, может быть, и один год. В то время как Будда, Кун Фу-Цзы, Моисей и даже пророк Мохаммед умерли своей смертью в преклонном возрасте, Иисус погиб тридцатилетним, был распят на позорном столбе, что в Риме являлось тяжелейшим наказанием для неримлян и, в первую очередь, для политических бунтовщиков, и рабов.

Но был ли Иисус политическим мятежником? Очевидно, что речи и поступки Иисуса должны были неминуемо привести к *конфликтам*. Наверняка не только меня укрепляет и утешает тот факт, что даже Он, пример для всех христиан, из-за своих дел и проповеди оказался в состоянии конфронтации с религиозно-политической элитой своего времени. Слишком радикальной была Его критика устаревших религиозных догм, власти господствующих групп. Слишком подозрительной – Его харизматическая способность исцелять больных. Слишком либеральным – Его отношение к религиозному закону, к субботе, закону о чистом и нечистом, правилам приема пищи. Слишком скандальным – Его

внимание к слабым, больным и малым мира сего, к бедолагам, деклассированным, женщинам и детям. Слишком «политически и религиозно некорректным» – Его отношение к еретикам, раскольникам и политически скомпрометированным людям: Ему жаль не первосвященника, а народ. Слишком милосерден Он, по мнению фарисеев, по отношению к униженным, нарушителям закона, мытарям, «грешникам» и «грешницам».

Из этого следует: послание Иисуса и Его дела – это беспрецедентный вызов общественно-религиозной системе и ее представителям, ее иерархии. Он ставит под сомнение привычную модель жизни иудея. Его протест против торгующих в храме был, видимо, решающей провокацией и привел в итоге к Его аресту и осуждению Его как лжеучителя, псевдопророка и богохульника. Конечно, Иисус не был ни тем, ни другим, ни третьим. Он не был и революционным вождем с политической программой. Но Он был *осужден* римскими властями *как* революционер и подстрекатель народа.

Его судьба известна: Он умирает на кресте, преданный учениками и последователями, осмеянный противниками и покинутый Богом и людьми. «*Eloi, eloi, lema sabahtani!*», что значит: «Боже Мой! Боже мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мк 15:34). И с этим громким криком Он умер.

С тех пор *крест* стал странным символом христиан. Только весть Иисуса, Его жизнь и деяния дают возможность понять, чем отличается Его распятие от, например, распятия вождя восставших рабов Спартака и многих других распятий мировой истории. Но вопрос остается: как мог этот символ позора стать символом спасения?

С самого начала вера христиан, которую они черпали из духовного опыта, заключалась в том, что Его смерть не была концом! Под «воскресением» понимается не история о воскресшем мертвце, а пасхальная Весть о том, что Иисус с Господом, что Он не ушел в ничто, а вновь родился в действительную действительность. То есть речь идет не о продолжении жизни и возвращении

Иисуса в наш пространственно-временной мир. Это быстро обросшее легендами «воскресение» есть подтвержденное свидетельством мучеников *вступление Его в вечную божественную жизнь*, которая выше всех человеческих представлений.

Олицетворенная модель жизни

Так распятый превращается в символ надежды. Ученики Иисуса, под впечатлением Его вступления в вечную божественную жизнь, начинают по-иному смотреть на учителя из Назарета. Он все больше превращается в *живое олицетворение Его дела*: олицетворение нового отношения к жизни, нового образа жизни. С момента Его воскресения к новой жизни, ясно, что Иисус – основа христианской духовности.

Как ясно сформулировал это апостол Павел: «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор 3:11). Или как это выражено в Евангелии от Иоанна: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин 14:6). В этом смысле я, как христианин, *верю* не только в Бога, но и в *Иисуса Христа*, посланника Бога. Он не царь, не философ, не государственный деятель, не полководец, нет, Он *олицетворение христианской модели жизни!* Христианская жизнь – это жизнь *в духе Христа*. Жизнь в духе Христа есть продолжение Его жизни.

Вот что понимается под христианской духовностью на практике: не просто быть верным догме или учению, но следовать в своей жизни Ему, Христу. И я каждый раз добавляю: по силам и возможностям, как это свойственно человеку. Но снова и снова наполняюсь Его духом, Божьим Духом.

Этот Дух нельзя перепутать ни с каким другим: ни с экзальтированным, ни с демоническим. Это *Spiritus sanctus*⁶, вдохновение, движущая сила христианской духовности: так я верю в Святого Духа. А выраженный в категориях эллинского мышления и

⁶ Святой Дух.

чуждых нам представлениях догмат Троицы я могу понять по-библейски: не как придуманную Августином тринитарную формулу как веру в $1 = 3$ и $3 = 1$. Но в духе Нового Завета как веру в единого Бога и Отца – через Его Сына и Посланника Иисуса Христа – в Святом Духе, Духе Бога и Христа.

Меняет ли этот Дух мою жизнь? Да, если я вдохновлюсь им, то он:

– дает мне новую *мотивацию*: почему мне следует поступить так, а не иначе. Почему я (на этот вопрос не знал ответа сам Зигмунд Фрейд) должен быть честным, прощающим и любезным, даже если мне из-за этого будет причинен ущерб и я пострадаю от необязательности и жестокости других людей;

– позволяет мне иметь новые *стремления*: бескорыстно помогать ближним, быть солидарным с обездоленными, бороться с несправедливым устройством государства, церкви и общества. Желание быть свободным, благодарным, щедрым, самоотверженным, радостным;

– воодушевляет меня на новые *действия*: новые большие и малые дела в духе Иисуса Христа как раз там, где другой помощи нет. Не только большие программы изменения общества, но конкретные шаги, знаки, свидетельства гуманности, очеловечивания человека и человеческого общества.

Но я ни в коем случае не хочу сказать, что я все это уже реализовал на практике! Я не образцовый христианин и не кандидат в святые. Но я не сомневаюсь, что эта духовная движущая сила сформировала мою жизнеутверждающую духовность. И для меня очень утешительно, что эта духовная сила не уменьшается с годами, а даже стала еще сильнее. Да, она способна на любом этапе жизни снова и снова дарить ощущение смысла жизни, жизненную энергию и жизненную радость. Ведь она показывает мне скрытый горизонт смысла и цель так, что я способен пройти не только через положительные этапы жизни, но и выдержать отрицательные. О радости и страдании мы еще подробнее поговорим в следующей главе.

Как христианин, я, конечно, больше всего внимания уделил в этой главе моей христианской духовности, модели жизни, предна-

значенной для меня. Но при этом не следует забывать: христианская модель не последняя в истории религии.

Мусульманская модель

Из когда-то простой христианской идеи в течение пятисот лет развилась крайне сложная система греко-эллинистической догматики, встроенная в византийскую государственную церковную систему, к тому же со множеством «еретических» ответвлений. В ней не осталось ничего, что могло бы легко привлечь жителей пустыни, бедуинов и торговцев Аравийского полуострова. Только арабский пророк под влиянием иудаизма и иудеохристианства мог убедить эти политеистические племена уверовать в единого Бога и в надобность общественной справедливости.

Так через семь веков после Рождества Христова неожиданно распространилась, и причем с невиданной скоростью, новая, самая молодая из мировых религий – ислам. И если бы я родился где-то в «зеленом поясе» между Марокко и Индонезией, среднеазиатским Узбекистаном и африканским Мозамбиком, то я был бы сейчас одним из 1,3 миллиарда мусульман, последователем пророка Мохаммеда.

Будучи мусульманином, я бы, как и иудеи и христиане, верил бы в единого и единственного Бога Авраама, милостивого и милосердного Создателя, оберегающего людей и ведущего их к совершенству. Но в то время как в центре иудейской модели жизни стоит Израиль как Божий народ и Земля обетованная, а для христиан в центре Иисус, Посланник и Сын Божий, так для меня, как мусульманина, центральное значение имел бы *Коран: Божье слово и книга*.

Мне было бы нетрудно признать Коран священной, живой книгой, изначально арабской, но действительной для мусульман всего мира. Однако мне было бы трудно видеть в Коране дословное откровение Божье, как бы продиктованную Богом книгу. Я бы ставил вопрос: не может ли быть Коран, слово Божье, одновременно словом человека, словом пророка Мохаммеда? Ведь и

в этом случае Коран мог бы быть для меня откровением истины, пути и жизни.

Коран является фундаментом *мусульманской модели жизни*: права, ритуалов и богословия, всего искусства и всей культуры ислама. Сюда также входят пять столпов ислама: помимо свидетельства единого Бога и его посланника Мохаммеда, обязательная ежедневная молитва, пожертвования обездоленным, соблюдение поста в месяц Рамадан и один раз в жизни паломничество в Мекку.

Будучи мусульманином, я бы непременно научился из Корана большому уважению к Иисусу: Он один из трех посланников Бога, которым было дано откровение до Мохаммеда: Моисею – Тора, Давиду – Псалтырь, Иисусу – Евангелие. Его можно смело назвать Мессией и Словом Божьим, можно признать свершенные Им чудеса. Но в то же время мне, как мусульманину, было бы трудно признать смерть Иисуса на кресте, хотя о ней прямо и в один голос свидетельствуют все Евангелия и послания апостола Павла. Для Корана такая смерть недостойна столь великого пророка. Поэтому в Коране утверждается, что Иисус непосредственно был вознесен к Богу, а распяли на кресте другого.

Вознесение Иисуса к Богу я, как мусульманин, следовательно, мог бы принять. К тому же я довольно легко мог бы принять взгляд иудейских христиан на Христа, который, видимо, был знаком и пророку Мохаммеду. Предположим, что на Первом Вселенском соборе в Никее в IV веке, на котором была принята формула символа веры, было бы представлено иудеохристианство, из которого ведь и выросло современное христианство. Иудеохристиане бы не приняли, как позже не принял бы и пророк Мохаммед, некоторых греческих формулировок. «Единосущий Отцу (*homoousios*)» – под этой христологической формулой, предложенной кесарем, наверное, не смог бы подписаться ни один иудеохристианин; и по сей день ее не признает ни один мусульманин или иудей.

Как и любой мусульманин и иудей, я протестовал бы против возвышения Иисуса, объявления Его, Сына Божьего, самим Бо-

гом (греч. *ho teós*), хотя сам Иисус называет Бога своим и нашим Отцом. В самом Новом Завете речь идет о полномочном «назначении» и «возведении на престол» Иисуса как «Мессии» (Помазанника) «в силе» (Рим 1:3–4; Деян 2:36) – через воскрешение Его самим Богом. Такой взгляд может принять и мусульманин.

Пророк Мохаммед в своем изречении «Не уверовали те, которые сказали: “Воистину, Бог – это Мессия, сын Марии”» (сура 5, аят 17) «предостерегает» эллинистическое христианство, которое в своей новой интерпретации взгляда на Христа не оставило места старым взглядам иудеохристианства. Ни один иудеохристианин, наверное, не возразил бы против представления о богосыновстве Иисуса, Его роли представителя Бога на земле: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную меня» (Пс 109:1; Деян 2:33–35). В христианской интерпретации из этого следует одно из важнейших христологических высказываний: Иисус является заместителем Бога, а заместителя можно, следуя иудейской традиции, также назвать и сыном: «Ты Сын Мой: Я ныне родил Тебя» (Пс 2:7; Деян 13:33). Это следует понимать в том же смысле, как в Библии: говоря о дне возведения царя на трон, сказано, что Бог «зачал» Царя Израилева.

Таким образом, исламскую модель можно рассматривать как корректив парадигмы эллинистического догматизирования Христа. Коран в принципе заново показывает нам исконную модель иудеохристиан, которую я описал в моей книге «Ислам» (2004). Задача сегодняшнего вероисповедания – перевести центральные идеи христианской веры с выражений позднего античного периода и латыни на современный язык сегодняшнего образа мышления.

Устойчивость и готовность к диалогу

Но я не хочу продолжать старый спор о догмах, лучше следовать Тому, кто мне путь и истина и жизнь. В этой главе мне хочется привести прекрасные слова протестантского богослова Дороти Зелле (*Sölle*), которые мне всегда импонировали:

*Можешь сравнивать Его с другими великими
Сократом
Розой Люксембург
Ганди
Он это выдержит
Но лучше если ты
будешь сравнивать Его
с собой⁷.*

Иисус как модель жизни, главным образом, бросает вызов мне самому, если я хочу быть достойным христианином. Даже об этом центральнойшем пункте христианской веры я могу смело говорить с иноверцами; я нахожусь в диалоге с иудеями, мусульманами и представителями других религий. Но я никому не хочу навязывать Христа как модель жизни. Не хочу навязывать даже иудею, у которого так много точек соприкосновения с Иисусом, который, быть может, признает Его последним израильским пророком. Я не занимаюсь обращением иудеев в мою веру. Не хочу навязывать ее и мусульманину, который признает в Иисусе последнего великого пророка до Мохаммеда. Не занимаюсь я и обращением мусульман в мою веру. Но между тем я убежден, что и иудеи, и мусульмане могут узнать много важного об Иисусе из книг Нового Завета – то, чего не содержат их священные книги.

Я по-прежнему убежден в том, что уже подробно изложил в «Проекте мирового этоса» в 1990 году:

– Мы можем многому научиться друг у друга; не только терпеть другого, но стараться понять, чтобы самим лучше понимать себя и иметь возможность сотрудничать.

– Мы можем спорить об истине, если этот спор ведется правдиво. Я, как христианин, не имею исключительного права на истину, но тем не менее не обязан перестать свидетельствовать о

⁷ *Meditationen und Gebrauchstexte*, 1969 [«Медитации и ежедневные тексты». – Прим. пер.].

правде, если вижу неправду. Диалог и свидетельство не исключают друг друга.

– Мы все имеем право следовать своему испытанному пути к спасению, но должны одновременно признавать, что и другие могут найти спасение в своей религии.

– Если посмотреть со стороны, как бы с точки зрения религиозной науки, есть разные пути к спасению, разные истинные религии. Но при рассмотрении изнутри, будучи верующим христианином, для меня истинна только одна религия – христианская, для которой все остальные правильны только с оговоркой.

– Потому что для меня Иисус Христос был и есть «путь, истина и жизнь». Но я признаю, что для иудея «путь, истина и жизнь» – это Тора, для мусульманина – Коран, для индуиста – Дхарма, для буддиста – Восьмеричный Путь, для даоса – Дао.

– Экуменическая позиция требует одновременно устойчивости и готовности к диалогу: для меня лично это значит быть верным делу христианства, неподкупно и не боясь церковных дискредитаций, но одновременно быть безгранично открытым для других.

8. Жизненные страдания

*«Я взываю к Тебе, и Ты не внимлешь мне,
стою, а Ты не видишь меня,
Ты сделался жесток ко мне...»*

Книга Иова, глава 30, стихи 20–21

Жизненный путь, жизнерадостный и осмысленный – но не без жизненных страданий. За все десятилетия моей жизни я никогда не был серьезно болен. И все же по странному стечению обстоятельств я пишу эти строки, находясь в Тюбингенской университетской клинике, – небольшая обычная операция, которая не должна меня пугать. Но в то же время это возможность еще раз задуматься о страдании, об этой темной основной теме жизни. Не с медицинской точки зрения (за мной здесь наилучший уход), а больше с богословской. И вот здесь мне особенно трудно дать ответ перед лицом высшей инстанции, пред которой мы выносим на суд свои жизни.

Извечный вопрос: почему я страдаю?

Как и любой человек, я страдал в достаточной мере, правда, больше психологически, чем физически. И у меня были жизненные кризисы – серьезные и не очень, о некоторых из них можно прочитать в моих книгах. И у меня есть опыт неудач, часто меня предавали те, кого я считал своими друзьями. Мне тоже знаком страх, прежде всего страх перед одиночеством, страх потерять людей, которых я люблю и которые мне дороги. «Почему я страдаю? – На на том вопросе зиждется атеизм», – говорит один из персонажей драмы Георга Бюхнера «Смерть Дантона». Да, почему я страдаю, почему именно я, почему именно сейчас, почему именно так? Это тот вопрос, который задают себе и верующие, и неверующие.

Этот вопрос у меня не возникает, если я верю в неизменную и необъяснимую силу судьбы или если в монистической мистике одиночества для меня нет трансцендентной инстанции, к которой я мог бы обратиться. Этот вопрос также не возникает, если я, напротив, являюсь приверженцем дуалистической религии, например, древнеперсидской или позднее манихейской, приписываю все беды второй, злой первозданной силе, существующей рядом с добрым Богом.

Но все же каждый, кто верит в живого доброго Бога, перед лицом всех страданий и зла этого мира сталкивается с загадкой, которая с древних времен по сегодняшний день встает перед нами в виде прямых или осторожных вопросов, горьких или усталых жалоб, возмущенных или циничных требований. Почему Бог не предотвратил зло? Уже греческий философ Эпикур около 300 года до н. э. обращал этот вопрос к религии. А затем в эпоху Просвещения французский рационалист Пьер Бейль классически сформулировал его так, как он повторялся уже несчетное количество раз по сегодняшний день: «Почему Бог не предотвратил зло?»

Или Бог не может: тогда Он действительно не всемогущ.

Или Он не хочет: тогда Он не является добрым, справедливым и святым.

Или Он не может и не хочет: тогда Он бессилен и завистлив одновременно.

Или Он может и хочет: но тогда почему существует зло на земле?

Ответы христианского богословия, начиная с Августина и до Фомы Аквинского, никогда меня полностью не удовлетворяли: зло не имеет собственной субстанции, а является только выражением недостатка добра, причина его не в наличии, а в нехватке чего-то. И об этом говорит такой отец церкви, как Августин, первоначально сторонник дуалистической религии, манихейства, который подарил всему латинскому богословию роковую идею прародительского, или первородного, греха, передаваемого через сексуальные отношения, что изначально представляет сексуаль-

ность как нечто, имеющее демоническую и злую природу. Как будто нельзя было отрицательную силу зла принять всерьез с другой точки зрения?

Фома Аквинский, наоборот, сформулировал точный и лаконичный ответ в трех фразах: *nec vult, nec non vult, sed permittit*.

Бог *не желает* зла: ведь Он бесконечно добр, справедлив, свят.

Но Бог также и *не не желает* зла, иначе бы на земле на самом деле не было бы никакого зла.

Бог *допускает* зло. Он допускает беды, чтобы воспитать и наказать нас.

Но, как ни умно это сформулировано, и это решение не смогло меня окончательно убедить.

Оправдание Бога перед страданием?

Философ, богослов, юрист, историк и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц вступает в полемику с аргументами Пьера Бейля. Благодаря Лейбницу мир узнал о «Тео-дицее», «оправдании Бога». Опубликованный в 1710 году трактат *Essais de théodicée sur la bonté de Dieu, la liberté de l'homme et l'origine du mal*¹ моментально стал классикой.

Лейбниц был в достаточной степени реалистом, чтобы не уменьшать разнообразные страдания и зло в мире. Для него мир ни в коем случае не является совершенным или просто хорошим. Более того, он различает три типа зла:

– метафизическое зло, или онтологические ограничения, которые имеют корни в конечности человека:

– *malum physicum*², или боль, связанная с телесностью человека;

– моральное зло, или грех, который проистекает из свободы человека.

¹ Лейбниц Г. В. *Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла*. Пер. с фр. и лат. К. Истомина и Ф. Смирнова. М.: Мысль, 1989. – *Прим. пер.*

² Физическое страдание. – *Прим. пер.*

Поэтому современный нам мир ни в коем случае не совершенен, нет, он для Лейбница всего лишь лучший из всех когда-либо возможных миров. Мир без греха и страданий, а значит, и без свободы человека, изначально не был бы лучше. Ради гармонии и целостности Бог допускает зло.

«Теодицея» Лейбница становится настольной книгой образованной Европы. Однако пятьдесят лет спустя широкая общественность разочаровывается в лучшем из миров: из-за землетрясения в Лиссабоне 1 ноября 1755 года, в День всех святых, с десятками тысяч жертв. Под впечатлением от этого события Вольтеру было совсем не сложно посмеяться над «Теодицеей» Лейбница в своем философском романе «Кандид, или оптимизм».

А в 1791 году Иммануил Кант пишет исследование с весьма остужающим названием «О неудаче всех философских попыток теодицеи». Несмотря на всю убедительность аргументов, четкую логику всеохватывающей системы теодицеи Лейбница, в конкретном случае, когда человек имеет дело с совершенно определенной болезнью, профессиональной или личной неудачей, неверностью или изменой или смертью, такая теодицея вряд ли будет утешением для отчаявшегося. Все интеллектуальные рассуждения на эту тему – все равно что лекции о составе продуктов и науке питания для страдающего от голода и жажды.

С другой стороны, вправе ли злостный курильщик сетовать перед Богом на рак легких или спортсмен-рекордсмен – на сердечный инфаркт? Очень часто мы просто не осознаем, сколько страданий человек причиняет себе сам, и не в последнюю очередь своей аморальностью, ненавистью и завистью к соседям или коллегам, вплоть до войн между народами и странами. Но мы также знаем, сколько страданий человек терпит абсолютно незаслуженно. В первую очередь не подлежат никаким оправданиям страдания невинных детей. Чего стоит подаренная Богом человеку свобода, если она ведет к таким ужасам! Именно этим объясняет Иван Карамазов у Достоевского свое желание «вернуть билет Творцу».

И доктор Риэ в «Чуме» Альбера Камю объясняет свое отрицание Бога пережитым у постели умирающих детей. А невообразимые страдания, голод и природные катастрофы, обрушивающиеся на головы сотен тысяч невинных людей!

Во время моих многолетних исследований еврейского вопроса (завершенных в 1991 году книгой «Иудаизм») мне пришлось очень близко столкнуться с новыми масштабами страданий. Именно в прогрессивном XX столетии человечество пережило зло в невиданных ранее размерах: тоталитарное государство и индустриализация убийства в Шоа. И тут вновь возникает со всей настойчивостью вопрос: как мог Бог допустить подобное? Мне понадобилось много лет, чтобы найти убедительный для себя ответ на этот вопрос.

Диалектика страдания в самом Боге?

В конце моей учебы в Риме я искал решение проблемы страдания не у Фомы Аквинского и Лейбница, а в ином направлении. Еще в Риме меня восхищала философия Гегеля, и я сразу же после досрочного завершения богословской диссертации о Карле Барте начал писать философскую диссертацию в парижской Сорбонне о христологии Гегеля с ее кульминацией – «спекулятивной Страстной пятницей».

Гегель пришел к выводу, что диалектика, единство и борьба противоположностей – положение (тезис), противоположение (антитезис) и примирение (синтез) – является не только ритмом мышления, но и нерушимым ритмом великого Целого природы, даже Абсолюта, самого Бога. Мне казалось, что проблему страдания поможет решить мысль, «что человеческое, конечное, хрупкое, бессильное, отрицательное составляет сам момент божественного, есть в самом Боге; что инобытие, конечное, отрицательное не внешне Богу и в качестве инобытия не препятствует единству с Богом» («Философия религии». Т. 2. С. 294).

Следуя Гегелю, в страстном пути Христа исполнился путь самого Бога, а в Его смерти – смерть Бога и одновременно смерть

самой смерти: «Бог умер, бог мертв – это самая страшная мысль: все вечное, все истинное не существует, само отрицание заключено в боге; с этим связана высшая боль, чувство совершеннейшей безнадежности, утрата всего высшего. Но процесс здесь не останавливается, наступает обращение, а именно бог сохраняет себя в этом процессе, который есть только смерть смерти. Бог вновь возрождается к жизни, тем самым он обращается в противоположность» (Т. 2. С. 290).

А значит, как я могу жаловаться, страдая и умирая, если в этом во мне отражается Божья судьба? Уже в Риме, на радостях от этого открытия, я составил краткое изложение диалектики свойств Бога и представил его моему профессору догматики. Он, хотя у него не было возражений, не знал, что ему с ним делать. К сожалению, я не смог закончить свою философскую диссертацию в Париже из-за моего назначения на кафедру основного богословия в Тюбингенском университете. Поэтому я впоследствии дважды переработал рукопись и опубликовал ее в 1970 году под названием «Воплощение Бога в человеке. Введение в богословское мышление Гегеля как пролегомены к будущей христологии»³. Еще и сегодня меня охватывает негодование, когда, просматривая эту книгу, я вижу, скольких трудов мне стоило изучение истории христологического догмата в ранней церкви и в средневековом богословии и насколько мало интересовались этими вопросами те, кто обычно претендуют на роль блюстителей веры. И все же в последней редакции этой книги все свои научные наработки я поместил в конец в виде экскурса в историю догматики. Между тем в это время мне бросилось в глаза нечто другое.

При изучении современной экзегетической литературы, особенно исторических исследований об Иисусе, мне стало ясно: нельзя, как Гегель, полностью отождествлять участь Иисуса с участью Бога. Мне пришлось признать, что эта христология «сверху», встречающаяся также у Карла Барта и Карла Ранера, висит в воз-

³ Küng Hans, *Menschwerdung Gottes. Eine Einführung in Hegels theologisches Denken als Prolegomena zu einer künftigen Christologie*, Herder, Freiburg, 1970. – *Прим. пер.*

духе без христологии «снизу», без конкретного исторического Иисуса. Очень верно описал этот «поворот» в моем христологическом мышлении двадцать лет спустя (1990) Карл-Йозеф Кусчель в своем монументальном исследовании «Рожденный до начала времен? Спор о христианских истоках»⁴. Конечно, я все еще, как и Гегель, хотел бы понимать Бога живым и живущим, который, в отличие от монументального Бога греческой метафизики, подвижен, изменяется, живет в истории. Не такого Бога, который величественно и отстраненно стоит над миром, а Бога, который открывается, выступает из себя.

Если мы думаем об историческом Иисусе из Назарета, то Его страдания и смерть ни в коем случае нельзя отождествлять со смертью собственно Бога. Ведь это смерть Сына Божьего, а не Отца, самого Бога. Более того, Отец воскресил «Сына» из мертвых и принял Его в свое вечное Царство. В религиозной философии Гегеля Бог сам, так сказать, автоматически переходит от смерти снова к жизни.

Бессилие Бога перед лицом холокоста

Холокост, систематическое уничтожение шести миллионов евреев и приблизительно полумиллиона цыган синти и рома, событие невиданной человеческой жестокости, поставил вопрос о Боге и страдании как никогда остро. Я вспоминаю волнующую речь еврейского философа Ханса Йонаса «О понятии Бога после Освенцима» в 1984 году в Тюбингенском университете (он сам бежал из Германии от нацистов, его мать погибла в Освенциме). Йонас исходит не из величия Бога, а из *страдания Бога* с момента создания мира, не из всемогущества Бога, а из Его бессилия. Бог молчал в Освенциме и не вмешивался «не потому, что Он не хотел, а потому что не мог». Эта сентенция Ханса Йонаса вписывается в традицию иудейской ми-

⁴ Kuschel K.-J., *Geboren vor aller Zeit? Der Streit um den christlichen Ursprung*, München, 1990. – *Прим. пер.*

стики, каббалы, которая рассматривает сам факт сотворения мира как «сокращение» (иврит: *Zimzum*), добровольное «отступление» Бога, добровольный уход в тень, самоограничение Бога. Удовлетворительный ли это ответ для иудеев, для христиан?

При всем уважении к Хансу Йонасу, которому мы обязаны чрезвычайно важной книгой «Принцип ответственности»⁵, я все же сомневаюсь в этом и нахожу подтверждение моим сомнениям у таких значительных иудейских богословов, как Луис Якобс и Йосеф Соловейчик. Мне кажется, что мы лишаем Бога тех свойств, которые всегда поддерживала великая иудео-христианская традиция – бесконечности, вечности и совершенства, – если утверждаем, что Он, как это свойственно человеку, должен отступить, уступить, чтобы дать возможность существовать другому рядом с собой. Ведь конечное не может ограничить бесконечное, даже бесконечная вселенная не может ограничить Бога, который присутствует во всех вещах. Лучше толковать творение не как ограничение Бога, а как «развертывание Бога» (Николай Кузанский: *explicatio Dei*).

Перед лицом Освенцима (а также и архипелага Гулаг и Хиросимы) современное понимание Бога у иудеев и христиан, как мне кажется, совпадает в двух важных пунктах: с одной стороны, и евреи и христиане отвергают безучастного, неисторического, апатичного, жестокого, бессердечного Бога, с другой стороны, и те и другие все равно верят в тайно присутствующего, участвующего в историческом процессе, милосердного, *сочувствующего Бога*. Из этого, как мне кажется, следует, что и всеилие Бога нельзя понимать, как если бы от всего далекий и ничем не затрагиваемый «абсолютный властитель» дирижировал бы историей, совершал бы все или мог бы совершить. Но, с другой стороны, нельзя просто заменить власть Бога бессилием, мудрость глупостью. Во всяком случае, это был бы уже не Бог Библии.

⁵ Йонас Ханс. *Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации*. М.: Айрис-пресс, 2004. – Прим. ред.

Поэтому я убежден: нельзя мириться с ужасающей реальностью Освенцима или десятков тысяч жертв цунами или землетрясения, прибегая к подобным рассуждениям о Боге. И правы мусульмане, что, отстаивая трансцендентность Бога, столь иронично комментируют такого «опустившегося», «жалкого» Бога. И особенно достойна критики с точки зрения представления о Боге христология христианских богословов. Я не могу уйти от вопроса:

Распяли Бога?

После Второй мировой войны христианские богословы, часто со ссылками на Дитриха Бонхеффера, пытались разрешить проблему страдания, постулируя «страдающего Бога». Бог «бессилен и слаб в мире», и как раз таким и только таким Он может быть рядом с нами, помогая нам. Помочь может только «страждущий Бог». Некоторые, размышляя о холокосте, приходили к заключению, что «невыразимые страдания шести миллионов – это голос страждущего Бога». А еще кое-кто даже полагал, что можно умозрительно разрешить проблему страдания, исходя из якобы развертывающейся истории страдания внутри Троицы (Отец, Сын и Дух Святой), диалектического процесса между Богом *и* Богом или даже Богом *против* Бога. Все это, конечно, абсолютно не имеет никакой связи с иудейской Библией и Новым Заветом.

Внимательный читатель Библии вряд ли поймет эти унижающие Бога рассуждения. Карл Ранер сказал мне однажды совершенно справедливо: «Почему мне должно быть лучше, если самому Богу плохо?» В Новом Завете человек Иисус, Сын Бога, взывает к Богу, своему Отцу, потому что думает, что Бог покинул Его в глубине страдания. Но нигде не взывает Бог к Богу, нигде мы не встречаем слабого, бессильного, страдающего, распятого или, еще хуже, умершего Бога. Если приравнять страдания человека к страданию Бога, то тогда нам придется и грехи человека (как например, преступления эсэсовцев) объявить грехами Бога.

Так что же, «распяли Бога»? Я не могу разделить этот тезис христианских богословов. Я лучше буду следовать Новому Завету и Библии, а не гностически-каббалистическим рассуждениям. На кресте Иисуса Христа был распят *не Бог*, не тот самый *единственный* Бог, *ho teós*, которого в Новом Завете называют Отцом, *Deus pater omnipotens*. Иначе как мог бы распятый, оставленный Богом Христос взывать: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мк 15:34)? Нет, в Новом Завете нет никакой «спекулятивной Страстной пятницы» (Гегель), никакого «поворота», «сальто мортале» самого Бога. На кресте был распят как раз не «Бог», несмотря на такую заманчивую мысль в известном рассказе Эли Визеля о повешенном в Освенциме мальчике⁶, а «Помазаник» Божий, Его «Христос», «Сын человеческий», «Сын Божий».

Другими словами, то объяснение, которое часто дают маленьким детям, указывая на распятие: «Это милосердный Бог», неверно. В христианской традиции крест является символом не «страдающего», «плачущего» Бога или крестного страдания Бога, а крестного страдания *человека*. Небиблейское «монархианство», мнение, будто сам Бог Отец страдал, было очень давно и справедливо осуждено церковью! И если иудейское богословие, также совершенно справедливо, выступает против образа садистского, кровожадного Бога, потребовавшего жертвы собственного Сына, то и христианское богословие должно выступить с не меньшей энергией против мазохистского понимания слабого Бога, воскресшего через страдание и смерть или вообще обреченного на вечное страдание. Здесь вновь проявляется глубокое различие между Иисусом Христом и Буддой Просветленным.

Просветленный и распятый

Мы можем себе представить это решающее различие наилучшим образом, если поставим рядом изображение смеющегося Будды,

⁶ Эли Визель. *Ночь. Рассвет. День: Трилогия*. М.: Агентство «Олимп», 1993. – Прим. ред.

сидящего на цветке лотоса, и страдающего Иисуса, распятого на кресте. Только из этой исторической перспективы можно действительно понять огромное значение Будды для буддизма и Иисуса для христианства.

Как часто, бывая в Японии или Юго-Восточной Азии, я преклонял голову перед статуей Будды (перед которой буддисты бросаются ниц), оказывая тем самым свое уважение к нему. *Будда Гаутама* вошел через свое просветление в нирвану, доступную уже в этой жизни, и после этого жил еще несколько десятилетий Пробужденным, Просветленным, пока не вошел после обычной смерти в окончательную нирвану – в паринирвану. Он жил не без страданий и боли, но в радостно-серьезном настроении, гармонично и успешно, был ценим властителями мира сего; его учение распространялось, число приверженцев выросло чрезвычайно. Умер он в преклонном возрасте, восьмидесятилетним, от пищевого отравления, окруженный учениками, так же мирно, как жил. И сегодня статуи Будды по всей земле показывают нам его невозмутимым и уравновешенным, пребывающем в мире и гармонии, даже веселым. Легко понять, что для многих азиатов Будда является очень симпатичным примером для подражания.

Как все по-другому у *человека из Назарета!* История страданий со взятием под стражу, истязаниями и, наконец, жестокой и позорной казнью человека, едва достигнувшего тридцати лет. В этой жизни нет ничего уравновешенного и законченного. Она осталась фрагментом, куском. Может быть, это фиаско? В любом случае, успеха в жизни нет и в помине; по всем доступным сведениям, этот человек умирает презираемым, отверженным и проклятым. Это одинокая смерть в сильнейших мучениях: отчужденный от матери и семьи, покинутый своими последователями и приверженцами, оставленный своим Богом. Его крик на кресте – последнее, что они от Него слышат. С тех пор и до сегодняшнего дня этот образ (для буддистов, да и для чувствительных христиан очень тяжелый) не перепутаешь ни с чем, это образ *страдающего человека как такового!*

Действительно, страдающий, который не излучает сострадания, а сам в нем нуждается, который не покоится в себе, а полностью отдает себя? Своим *страданием в самоотдаче и любви* отличается этот Иисус в христианском понимании от Будды, благосклонного, страдающего. И этим Он также характерно отличается от всего множества остальных богов и обожествленных основателей религий, от всех религиозных гениев и гуру, героев и царей всей мировой истории: Он страдающий, казненный, *распятый*. Но значит ли это, что не существует ответа на вопрос о страдании?

Неразрешимая загадка теодицеи

Жизнь – это страдание. Таково глубокое убеждение буддизма, к которому могут присоединиться и христиане, – страдание в широком смысле этого слова, тот негатив, который делает нашу жизнь тяжелой. Жизнь – это страдание и в наши дни. Самая совершенная техника и медицина, эффективная психотерапия и все социальные реформы не могут отменить страдания. К старым болезням добавляются новые, к старым бедам – современные, к физическим болезням – психические... И каждый человек может попасть в ситуацию, когда окажется перед вопросом, на который вряд ли есть ответ. Я десятилетиями занимался вопросом теодицеи в философии и богословии и пришел к твердому убеждению: теоретического ответа не существует.

Но это не исключает веру. И я могу и должен сказать, в особенности в контексте споров о холокосте: *если* Бог существует, то Он был и в Освенциме! Верующие различных религий и конфессий обращались к Богу, даже находясь на этой фабрике смерти. Они и в страдании, и в смерти остались верны убеждению: Бог есть. Но остается без ответа вопрос: как мог Бог знать про Освенцим и не предотвратить его?

Вопреки всей благочестивой апологетике нужно трезво признать: если богослов в этом вопросе хочет приоткрыть тайну, ко-

торая является тайной самого Бога, то он в итоге найдет в лучшем случае только отражение своих желаний или свою богословскую теоретическую конструкцию. Мне кажется, что в этой крайней точке, в этом сложнейшем вопросе самым правильным было бы *богословие молчания*. «Если бы я мог познать Его, то тогда я был бы Он» – гласит старая еврейская поговорка. И многие иудейские богословы, которые перед лицом всех страданий предпочитают отказаться от последнего оправдания Бога, цитируют только слова из рассказа о смерти в божественном огне обоих сыновей Аарона: «Аарон молчал» (Лев 10:3).

Никто из великих умов человечества, труды которых я изучал, ни Августин, ни Фома, ни Кальвин, ни Лейбниц, ни Гегель, ни Карл Барт не сумели разрешить эту вечную загадку. Кант написал «О неудаче всех философских попыток теодицеи» в 1791 году, когда в Париже рассуждали об отмене Бога и замене его Богиней Разума. Но мне хочется задать вопрос атеистам: Дает ли разум или *атеизм* ответ? Атеизм, который видит в Освенциме доказательство собственной правоты? Освенцим – скала, на которой стоит атеизм? И напрашивается вопрос: лучше ли объясняет мир атеизм? Величие и убожество мира? Объясняет ли неверие мир – такой, как он есть? И может ли утешить неверие в незаслуженном, непонятном, бессмысленном страдании? Разве такое страдание не является непреодолимым препятствием и для *неверующей* рациональности?! Нет, антибогословие здесь поможет не лучше богословия.

Так вот, мой вывод в результате десятилетних раздумий (и пока я не нашел никакой другой альтернативы): страдание, огромное, незаслуженное, *бессмысленное страдание*, индивидуальное или коллективное, невозможно *теоретически понять*, а можно лишь в лучшем случае *практически вынести*. Для христиан и иудеев на вопрос о теодицее есть только один практический ответ. Если спросить их об их отношении, то иудеи и христиане сошлутся на различную, но все же взаимосвязанную традицию.

Когда мы говорим о внешних страданиях, то перед глазами встает образ *Иова* из библейского рассказа V–II столетия до Р. Х.

Этот человек, не по своей вине потерявший все свое состояние, семью, здоровье, нищий, прокаженный, обвиняет Бога и отменяет все аргументы Его оправдания, которые пытаются привести его друзья. Иов показал, что человек не должен просто принимать страдание, ему не надо падать Богу. Он может восстать, протестовать против Бога, который кажется ему жестоким, злобным, коварным. Иов прав, и его правота признана. Но это еще не конец истории. В конце ему возвращается все потерянное.

Страдающий человек не может понять загадку Творца. Замки на тайне страдания и зла невозможно насильственно открыть ключами разума. Невозможно превратить тьму страдания и зла в свет с помощью психологии, философии, морали. Теодицея друзей Иова, которые пытались логическими аргументами оправдать Бога, провалилась. Но провалилась и теодицея самого Иова, который, оправдывая себя, пытался косвенно оправдать Бога. Бог был и остается недоступным пониманию. И в конце концов самым правильным для человека оказывается, несмотря ни на что, обратиться к Богу с безусловным, непоколебимым доверием. Человек имеет право протестовать, но это не должно быть его последним словом.

Для *христиан* (а почему бы и не для иудеев?) за вымышленным образом Иова проступает реальный исторический образ страдающего и умирающего «слуги Божьего», *страдальца из Назарета*. То, что Иисус был предан, истерзан, осмеян, Его медленная смерть на кресте предвосхитили то, что пришлось испытать жертвам геноцида (мне рассказывала об этом одна американка еврейского происхождения), ужасный всепроникающий тройственный опыт холокоста: сознание того, что можно быть оставленным всеми людьми, лишенным права быть человеком и быть оставленным самим Богом.

Первым христианам было нелегко истолковать позорную смерть Иисуса как смерть во спасение. Они использовали для этого и юридические понятия: смерть Иисуса как оправдание грешника. Или культовые понятия и образы: смерть Иисуса как заме-

стительная жертва, освящение. Или финансовые: смерть Иисуса как выкуп. И наконец, даже военные: смерть Иисуса как оружие против злых сил. Это многообразие библейских интерпретаций дает широкое поле для понимания каждому поколению. Единая теория искупления существует лишь со времен Средневековья. Но это учение о сатисфакции Ансельма Кентерберийского (умер в 1109), который хотел строго логически доказать, что жертва на кресте Сына Божьего должна была смягчить гнев Бога Отца, находит все больше противников. Свои выводы относительно истории догмата я уже изложил в других публикациях. Очевидно одно: именно распятие стало поводом для многих недоразумений в более чем двухтысячелетней истории христианства.

Ложно понятое распятие

Многие христиане не понимают, какой провокацией по сей день является весть о Распятом для нехристиан: не только для буддистов, но и для мусульман. Иначе, наверное, в 2009 году немецкий кардинал и протестантский иерарх⁷ не отказались бы получить общую межрелигиозную награду с Навидом Кермани, иранцем, родившемся в Германии, уважаемым мусульманским писателем и исламоведом, потому что тот критиковал символ Распятого как «идолопоклонство и богохульство».

Оба этих богословски образованных христианина должны были бы вспомнить, что еще апостол Павел писал о кресте как о «соблазне для Иудеев» и «безумии для Еллинов» (1 Кор 1:23). Римляне воспринимали рассказ о спасении Распятого как глупую, «ослиную» сказку. Об этом свидетельствует сохранившееся изображение распятого Христа: граффити III века на Палатин-

⁷ Речь идет о премии, присуждаемой федеральной землей Гессен. В 2009 г. вместе с Навидом Кермани соискателями премии были католический кардинал Карл Леман, один из руководителей Евангелической церкви Петер Штайнакер и заместитель председателя Центрального совета евреев в Германии Соломон Корн. – *Прим. ред.*

ском холме, в императорском округе Рима. Страдалец на кресте, но вместо человеческой головы ослиная, а под ним человек на коленях и подпись: «Алексамен молится своему Богу». Такое издевательское распятие.

Признаюсь, в моем кабинете висит прекрасная греческая икона с изображением Христа, но нет Распятия. Почему? Потому что я разделяю сдержанность первых христиан. В первые три столетия христианства Иисус изображался как молодой безбородый «добрый пастырь». Первые, самые старые изображения Христа относятся к V веку: Христос не в образе страдальца, а в образе победителя или молящегося. Лишь поздняя готика вывела тему страдания Христа на передний план. Самое потрясающее изображение Распятого, а также изображение воскресшего Христа кисти Матиаса Грюневальда написаны в преддверии Реформации и находятся в Кольмаре, где я часто любовался ими.

Я думаю, что в наше время нужно более дифференцированно подходить к факту позорной смерти Иисуса на кресте. С одной стороны, учитывая аспекты межрелигиозных отношений, с другой стороны – негативный опыт истории. Ведь мы не можем закрыть глаза на то, что в истории церкви крест служил для многих злоупотреблений. Распятие Христа, первоначальный символ спасения и мира со времен императора Константина, ставшего под этим знаком правителем Римской империи, все больше превращалось в символ борьбы и победы, в первую очередь для солдат, государственных деятелей, инквизиторов. Ужасны Крестовые походы и преследования еретиков в Средние века, но не менее ужасны военные действия американских «крестоносцев»⁸ в XXI веке в Ираке и Афганистане, которые, убивая тысячи людей, также думают, что Бог на их стороне.

К сожалению, по этой причине приобрело отрицательную коннотацию и понятие «следования за Крестом». Многие набожные христиане ответственны за то, что немецкое выражение

⁸ Истребители ВВС США корабельного базирования *Crusader* («Крестовый поход»). – *Прим. пер.*

*zu Kreuze kriechen*⁹ означает сегодня «малодушничать», «не доверять», «отступать», «безропотно подставлять шею». А «нести свой крест» для многих означает унижено, пассивно терпеть, затаиться, со всем соглашаться, держать кулаки в кармане.

Крест как символ не только воинствующих и власть предрежащих, но и слабаков и трусов, вызвал внутреннее сопротивление еще у молодого Ницше. Все это бесконечно далеко от евангельского образа смелого и решительного казненного молодого человека и его послания. Но в христианстве есть еще три тонких *недопонимания проповеди Креста*, которые отрицательно сказываются на практической жизни и от которых мне хочется отгородиться:

Следование Кресту я понимаю не как *культовый акт поклонения*. Я ничего не имею против поклонения распятию согласно Евангелию, например, на литургии в Страстную пятницу. Но возражаю, когда церковные деятели тысячекратно бездумно пользуются этим знаком для благословения. Что касается изображения распятия: как уже было сказано, в первом христианском тысячелетии вплоть до эпохи готики Христа не изображали распятым. Мы привыкли к распятию, но нам стоит подумать, как защититься от дешевой коммерциализации и индустриализации сакрального.

Следование Кресту я понимаю также и не как акт *мистической идентификации*. Опять же, ничего не имею против возникшей в Средние века глубокой мистики страданий и Креста Франциска Ассизского или испанских мистиков. Но возражаю против подхалимского отождествления себя со страданиями Одного, когда переступается грань и теряется благоговение перед Крестом. Больно видеть, как римские иерархи с крестом на груди выступают на помпезных церемониях не с традиционным пастырским посохом, а с посохом, на котором изображено распятие, как будто они, во всем своем великолепии, это своего рода второй Христос.

⁹ Букв. «ползти к распятию» (нем.). Глагол *kriechen* имеет также значение «пресмыкаться, раболепствовать». – *Прим. пер.*

Следование Кресту я понимаю, наконец, и не как *буквальное подражание*. Преклоняю голову перед такими великими личностями, как Лев Толстой или Мартин Лютер Кинг, которые, отказавшись от собственности и принципов насилия, последовали непосредственно примеру Иисуса и тем самым показали всем образец программы христианских действий. Но я возражаю против имитации Иисуса, когда люди ищут страданий, вплоть до самоубийства или (часто ложного) культивирования чудес и стигматов для демонстрации преемственности Христу. Я не верю в стигматы ни у Терезы фон Коннерсройт, ни у падре Пио, с которым я был лично знаком. Сам Иисус не искал страданий, они были навязаны Ему извне. И я не верю, что человек именно в страдании ближе к Богу. Такой взгляд превращает небеса в ад.

Если следование Кресту не означает ни *adoratio*, ни *identificatio*, ни *imitatio*, то что же тогда? Следование Кресту означает: вынести то страдание, которое *выпало мне*, в моей, ни с какой другой не сравнимой ситуации, страдание, которое *соотносится* (*correlatio*) со страданием Христа.

Свой жизненный крест

«Кто хочет идти за Мною... возьми крест свой и следуй за Мною» (Мк 8:34). Значит, мне нужно нести не Крест Христа, а свой *собственный* так же, как это делал Он. Рискуя, не зная, что принесет будущее, я должен идти своим путем. И у каждого человека свой жизненный путь, свой путь страданий. Каждый должен нести свой собственный *жизненный крест*, который никто не знает лучше его. Это подразумевает и принятие себя и своей «тени».

Я понял это будучи ребенком. Мать рассказала мне историю об одном недовольном человеке, который жаловался на свой крест и, сопровождаемый ангелом, попал в большой магазин, где можно было выбрать новый. Но один крест показался ему слишком тяжелым, другой слишком легким, и после некоторых поисков он нашел такой крест, который, казалось, соответствовал его силам.

«Ты выбрал свой крест», – сказал ему ангел. С тех пор он нес свой крест не ропща.

Впрочем есть немало людей, которые воспринимают свой крест как слишком тяжелый: потерпевшие неудачу в профессиональной жизни, неизлечимо больные, покинутые близким человеком... Взгляд на распятого Христа может помочь им в тяжелой ситуации понять, что, даже когда тебя оставили люди и Бог, не все потеряно.

Но чаще всего нам нужно терпеливо выносить банально повторяющиеся трудности повседневности: крест своей профессии, совместной жизни, сложных жизненных перипетий или неприятного окружения, бесконечные обязательства, требования, претензии, обещания... Сегодня никому не нужно *искать страданий* и истязать себя, как это делали древние аскеты. Многим требуется немало сил на то, чтобы нести, *терпеть* обычный, нормальный *крест повседневности, который порой тяжелее иных «героических актов»*.

И нельзя просто пассивно терпеть, мы должны везде, где это возможно, *бороться* со страданием, использовать наши ограниченные личные и общественные возможности для изменения ситуации в лучшую сторону. Кроме того, мы должны по возможности в себе *перерабатывать* страдание: внутренняя свобода от страдания проявляется там, где верующий человек не позволяет тяготам и бедам раздавить себя, когда он при всех сомнениях не отчаивается, в одиночестве не чувствует себя потерянным, в огорчениях не теряет жизнерадостности, при всех неудачах не думает, что все кончено.

Тем не менее, человеческая жизнь остается под знаком Креста, крестным путем, его определяют боль, забота, страдание и смерть. Но крестный путь человека приобретает смысл в Кресте Иисуса, в преемственности Креста, если человек готов это принять. Никакой крест мира не может отменить здравый посыл, который исходит от Креста Воскресшего к жизни: это знак того, что внешние угрозы, бессмысленность, ничтожность, потерянность, одиноче-

ство и пустота все равно окружены Богом, солидарным с человеком. Так верующему открывается путь *не в обход страданий*, но *сквозь страдания*: в активном равнодушии к страданию, он должен быть готов к борьбе против страдания и его источников как в частной жизни, так и в общественной.

Контрольный вопрос для гуманистов

Я говорил о преодолении отрицательного (вроде лакмусовой бумаги) христианского учения и нехристианского гуманизма. Может быть, теперь уже ясно, что в Распятом отрицательное преодолевается на такой глубине, на какой это вряд ли возможно для нехристианского гуманизма.

Бесспорно, даже если я пойду по пути Иисуса и в повседневной жизни трезво буду нести свой крест, я не смогу победить или уничтожить страдание. Но я могу вынести его в вере и преодолеть. Я не буду просто подавлен страданием и в отчаянии не захлебнусь в нем. Если Иисус выстоял в крайнем страдании, оставленный людьми и Богом, то не пропадет и тот, кто доверился Ему. Ведь мне в моей вере дана надежда, что страдание не окончательно, это не конец. Последним для меня остается надежда на жизнь без страдания, которой, конечно, ни я сам, ни человеческое общество вряд ли когда-либо достигнем. Исполнение этой надежды я могу скорее ожидать от Совершенства, от таинственного другого, от моего Бога: все страдания окончательно прекратятся в вечной жизни.

По жизненному страданию, по отрицательному в человеческой жизни можно проверить, является ли гуманизм надежной опорой. Христиане, я все время это подчеркивал, не меньше гуманисты, чем другие. Но христиане, если они правильно понимают христианство, смотрят на человеческое, истинно человеческое, человеческое, смотрят на человека и его Бога, гуманизм, свободу, справедливость, жизнь, любовь, мир, смысл глазами Иисуса, который для них является высшим мерилom, Христом. Применяя

эту мерку, я могу исповедовать гуманизм, который ратует за все истинное, доброе, прекрасное и человеческое. Я это осуществил еще в классической гимназии, так сказать, заложил основу моего универсального мышления. Как христианин, я могу признавать и действительно «радикальный» гуманизм, который обращается к «корням», к *radix* и который способен интегрировать и преодолеть и ложное, недоброе, уродливое, бесчеловечное. Не только все положительное, но и все отрицательное, даже страдание, вину, смерть, бессмысленность.

В своей книге «Быть христианином», после тщательных размышлений на 600 страницах, я выразил это в одном-единственном предложении, в котором и сегодня, спустя десятилетия, не хочу изменить ни одного слова:

*Следуя за Иисусом Христом,
человек в современном мире
действительно может по-человечески
жить, трудиться, страдать и умирать –
в счастье и несчастье, в жизни и смерти
поддерживаемый Богом и поддерживая ближних.*

И для меня остается важным сказанное тогда в введении: «Автор написал эту книгу не потому, что считает себя особенно хорошим христианином, а потому, что считает: быть христианином – это особенно хорошее дело».

В этой связи перед лицом всех тягот и мучений жизни остается ответить на вопрос:

Как выстоять?

Меня часто спрашивали: «Как Вы выстояли?» Да, чтобы выстоять, нужно многое, и я никогда не осудил бы тех, кому не хватило сил. Нужно иметь хорошее здоровье, физическое и психическое, немного юмора и «легкости», нужны в первую очередь друзья, ко-

торые не оставят тебя в трудный час, люди, которые помогут все вынести, в том числе в банальной повседневности. Одному едва ли возможно выдержать.

Но как сохранить здоровым тело и дух, юмор и доверие к людям? Здесь можно бесконечно много говорить. Я же хочу указать только на одно, что мне кажется решающим, что мне в любом случае помогло бы выдержать, что меня поддерживало бы даже тогда, когда все остальное бы рухнуло, когда я по какой-то причине утратил бы чувство юмора, оказался бы глубоко виноватым, когда меня оставила бы удача, когда я потерял бы здоровье и доверие к людям.

Что же главное в жизни христианина? Вопрос в том, что имеет решающее значение? Успех, достижения? Нет, даже если в «обществе эффективности» главное – успех, все любят успех, и нет ничего успешнее успеха, для меня, как христианина, успех не главное! Мне не нужно всегда и во всем быть правым, выходить победителем, получать признание. Мне не нужно оправдываться перед моим ближайшим окружением, перед обществом, авторитетами, да даже и перед самим собой.

Конечно, не следует априори отказываться от результативности, представлять ее в черном свете. Но я должен осознавать, что человек не сводится только к своей профессии, что он больше той роли, которую он исполняет, что результативность, хотя и важна, не имеет решающего значения. Да, мне следует добиваться результатов в работе, бороться за свои убеждения, привлекать новых сторонников, убеждать. Но видимые результаты все равно не главное, как бы они ни были важны в повседневной жизни, в профессии, в церкви.

Ведь разве я застрахован от неудач и серьезных ошибок? Безусловно, никто с этим спорить не станет. Но второе измерение этого послания проявляется в том, что для христианина не могут быть решающими ни многообещающие авансы, ни ошибочные поступки. И неудача, и поражение могут приобрести в моей жизни иное значение.

Решающим является совсем другое – то, что я и в пограничных ситуациях, и в крайней нужде, и под тяжким бременем вины не отчаиваюсь, никогда не отчаиваюсь, никогда! Или сформулируем положительно: я всегда и непоколебимо сохраняю доверие, непоколебимое, безусловное доверие в вере или веру в доверии к милости Божьей.

Вот оно – то, что было главным уже для Авраама и отцов Израиля: «Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность» (Рим 4:3). Что было главным для Марии и первых учеников Христа: «И блаженна Уверовавшая» (Лк 1:45). Чему научился у Иисуса этот симпатичный, нерешительный Петр: доверяясь, идти по воде, не замечая бури и волн, обратив взгляд на Него. И что, ссылаясь на Христа, втолковывал христианам апостол Павел: «что человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Гал 2:16; Рим 3:28).

Это значит: оправдывается безусловным доверием к милостивому и доброму Богу. Здесь Павел очень глубоко проник в то, что было так важно для Иисуса и что отразилось в Его послании, в притчах о блудном сыне, о мытаре и фарисеях, о работниках в винограднике... В этих словах Павел выразил сущность учения, борьбы, дел и страдания и, наконец, смерти Иисуса. Ведь перед глазами Павла и нашими глазами предстает распятый Иисус, для которого на кресте были очевидны безрезультативность и неудача всех Его стараний, Иисус, оправданный только Богом, Его Отцом и нашим Отцом. Распятый Иисус учит нас, что человек оправдан одной лишь доверительной верой, и это дает ему великую свободу.

Большая свобода

«Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос» (Гал 5:1). Здесь речь идет не о той ограниченной «малой» свободе, свободе воли, психологические процессы которой исследует современная нейрология и которую мы принимаем как данность (и у самих себя, и у других) нашей повседневной жизни. И законодательство

исходит из этой свободы, когда говорит о вине и невиновности: в нашем правовом понимании «свободным» является действие или решение тогда, когда человек мог поступить по-другому или мог не поступить так вообще.

Речь идет о «большой» свободе, которую человек может сохранить, даже находясь в оковах. Принципиально речь идет о моей внутренней свободе не отдать свое сердце ложным богам, таким, как власть, деньги, карьера, спорт, секс или каким-либо другим, а отдать только истинному Богу, который проявил себя в Иисусе из Назарета. И поскольку мое сердце принадлежит единому бесконечному Богу, я свободен и останусь свободным по отношению ко всем относительным ценностям, благам, силам и авторитетам. В Нагорной проповеди, в которой Иисус собрал все требования веры в коротких афоризмах, Он призывает каждого к послушанию перед Богом, чтобы быть свободным для служения ближнему.

Над всеми заповедями, над всеми правильными и ошибочными поступками стоит благородный и милостивый Бог. И ради этого Бога я ни за что не дам себя поглотить целиком никакой роли – профессиональной, научной, деловой, политической, домашней... Я остаюсь человеком, которого Бог любит даже тогда, когда с возрастом моя роль заканчивается и наступает усталость от жизненной борьбы. Перед Богом я такой, какой есть – более или менее красивый, умный, здоровый, результативный, – и остаюсь ценным, важным, принятым. И таковым остаюсь даже тогда, когда я больше не нахожу подтверждения в профессиональной деятельности, когда я уже не могу похвастаться перед людьми результатами. Даже старый и больной, я принят Богом, любим Им, не смотря на то, что перестаю быть «продуктивным».

Как богослов и христианин, я присоединяюсь к мнению великого протестантского богослова Карла Барта, который мне сказал однажды, что перед Великим Судьей в конце жизни он не хочет ни ссылаться на свои «собрания сочинений», ни оправдываться «добрыми намерениями», а хочет с пустыми руками обратиться

к Богу со словами: «Господи, милостив будь ко мне грешному!» – ведь только это будет адекватно ситуации.

От начала и до конца я доверяюсь милости Божьей. Но не протестантизм ли это? На мой взгляд, это полностью в духе Евангелия, и я в сущности только выразил смысл сказанного в Священном Писании (пусть это и звучит сегодня патриархально): «Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что́ должны были сделать» (Лк 17:10).

Это в духе Евангелия, и поскольку это в духе Евангелия, то и вполне по-католически, как мы, католики, это выражаем в хвалебном песнопении *Te Deum Laudamus*: «*In Te, Domine, speravi; non confundar in aeternum!* – На тебя, Господи, уповаю: Не смутимся вовеки!» Из-за этого жизнеутверждающего доверия уменьшается мой страх перед жизнью и укрепляются мое мужество и жизненная радость. Это – основа для истинного искусства жизни.

9. Искусство жизни

*«Все испытывайте, хорошего держитесь.
Удерживайтесь от всякого рода зла».*

1 Фес 5:21–22.

Жизненный путь через радости и страдания. Но что такое искусство жизни?

Об искусстве жизни, *Savoir-vivre*, культуре жизни, написано бесконечно много. На протяжении всей жизни от нас требуется искусство в решении жизненных задач. Я стараюсь справиться с обстоятельствами и в каждой ситуации делать все от меня зависящее. Но *take it easy* («относиться легко к жизни») не всегда лучшее решение. Да, мне знакомы ситуации, в которых от меня требуются неудобные, неприятные, жесткие решения или жертвы. Искусство жить, жизненная мудрость, жизненные радости ни в коем случае не исключают «упражнений в аскезе», тренировки, дисциплины. Предпосылкой искусства жить может быть некоторое внутреннее равновесие между – говоря категориями глубинной психологии К.Г. Юнга, – интровертированностью и экстравертированностью, а также между анимусом, мужским жизненным началом в женщине, и анимой, женским началом в мужчине. Эта задача человека – интегрировать и культивировать аниму и анимус в своей личности и в собственной жизни – распространяется на любой вид художественной деятельности и, конечно, на сферу воображения, состояние влюбленности, любви и, таким образом, на всю область эротики и сексуальности. Везде необходимо различать, проверять и сохранять лучшее.

Эрос и агана

Некоторые богословы, размышляя о любви, не устают подчеркивать разницу между вождедеющим эросом греков и дарую-

щей агапой в духе Иисуса. Я не могу согласиться с этим резким разделением, оно вредит как эросу (лат. *amor*), так и агапе (лат. *caritas*).

Я против любых попыток принизить и демонизировать эрос. Этим страстная любовь, которая стремится к другому, сводится к сексу, но также табуируются и эротика, и секс. И то и другое – важные жизненные силы. Отрицательное отношение к телесному и подавление сексуальности, впрочем, имеют долгую историю, которую старается обойти стороной школьное богословие, игнорируя при этом критическую экзегезу и историю догматов. Это отношение находит отражение уже в некоторых античных верованиях, в первую очередь в манихействе и гностицизме. Мощную поддержку это течение нашло в латинской западной культуре, породившей понятие «*первородного греха*», передаваемого через сексуальный акт. Его не найдешь ни в рассказе о рае в Книге Бытия, ни у апостола Павла, ни в греческом богословии. Эта гениальная ошибка принадлежит гениальному латинскому отцу церкви Августину, он привил ее всему западному богословию, средневековому богословию, а через Лютера и протестантизму. Августин, когда был мирянином, стал отцом, еще будучи семнадцатилетним риторм, и тринадцать лет жил во внебрачных отношениях с матерью ребенка. Одно время он был последователем манихейства, которое объясняло зло и сексуальность вечным злым началом. Исходя из своего манихейского прошлого и лично пережив чудовищную власть сексуальности над человеком, Августин соединил первородный грех – отталкиваясь от неверного латинского перевода и неверной интерпретации отрывка из Послания к Римлянам апостола Павла (5:12), – с половым актом и связанной с этим «тварностью», эгоистичным влечением и похотью.

С точки зрения Августина, каждый ребенок, появляющийся на свет, отнюдь не невинен, но вследствие полового влечения своих родителей изначально заражен первородным грехом и обречен на вечное проклятие, если его вовремя не крестить. Поэтому, по Августину, всякий половой акт позволителен исключительно с

целью продолжения рода (лат. *generatio*), но ни как не с целью получения удовольствия (лат. *delectatio*). Еще папа Иоанн Павел II придерживался мнения, что мужчина и в браке может «нечисто» смотреть на свою жену. Не удивительно, что такое отрицательное отношение к эросу и сексуальности именно в Католической церкви и католическом воспитании принесло бесконечно много вреда и привело к запрету противозачаточных таблеток. Эрос попадает под подозрение даже тогда, когда он понимается не только как необыкновенная, потрясающая, слепая, чувственная страсть, но и, как в «Пире» Платона, как вырастающее из дружбы стремление к прекрасному, к философскому познанию, как творческая сила, поднимающая человека из мира чувств к миру идей и к высшему божественному благу. Католики вправе ожидать от своей церкви нового, безбоязненного, любящего и человечески дружелюбного взгляда на сексуальность как силу, дающую жизнь человеку, сотворенному Богом и желанному Богу.

Даже *Мария*, мать Иисуса, почитаемая очень рано, считалась в латинском мире вплоть до XIII века, также и у Фомы Аквинского, запятнанной первородным грехом. Но в то же время почитание Марии набирало силу («*de Virgine nunquam satis* – Не устанем восхвалять Деву!») и, без всякого сомнения, очень обогатило ориентированные тогда на мир мужчины поэзию, изобразительное искусство и музыку, обычаи и культуру праздничных обрядов, в целом народное благочестие.

Наконец, францисканский богослов Дунс Скот (ум. в 1308), вопреки всей предыдущей традиции, стал отстаивать изначальную непорочность (*prae-redemptio*) Святой Девы, утверждать, что Мария избавлена от первородного греха. Была придумана идея *immaculata conceptio*, непорочного зачатия, которую стали распространять всеми средствами и не в последнюю очередь с помощью литургии. В конце концов, в 1854 году она была определена как догмат тем самым папой Пием IX, который после падения папской власти над Римом способствовал утверждению Первым Ватиканским собором (1870) юрисдикционного примата папы и

догматического учения о безошибочности папы. С тех пор как существует догмат о непорочном зачатии (1854), католическое моральное богословие все больше отходит от традиционного представления Аристотеля, Фомы Аквинского, испанских схоластов эпохи барокко об одушевлении человеческого зародыша. Эти мыслители исходили из того, что человеческая *личность* начинает существовать не с вегетативной и не с чувственной фазы, а с третьей фазы – одухотворения. Сегодня же считается (исходя не из медико-биологических, а из богословско-догматических аргументов), что личность свойственна уже оплодотворенной клетке, именно это привело к невероятному обострению проблемы прерывания беременности.

Так Дева Мария, как асексуальный символ непорочности, была возвышена над всеми другими женщинами, которые запятнаны первородным грехом и сексуальным влечением. Одновременно Дева Мария стала служить для духовенства, которое с XI века принимает обет безбрачия (целибат), безопасным идеальным образом женщины для сублимации или одухотворения полового влечения. Таким образом, марианизм, папизм и целибат поддерживали друг друга, в особенности с XIX века. Но их так и не включили ни в один символ веры. Напротив, Второй Ватиканский собор попытался, хоть и с половинным успехом, выступить против эксцессов марианизма и папизма.

Принижение и демонизация эроса и секса идет рука об руку с преувеличением и отчуждением от чувственности *агапы*. Она спиритуализируется (неверно именуясь платонической любовью), становится идеалом любви без страсти! Исключается все витальное, эмоциональное, аффектированное. Но там, где любовь только волевое решение, без движения сердца, она теряет настоящую человеческую глубину, теплоту, задушевность, нежность, сердечность. Такая «христианская каритас» может благодетельствовать, но едва ли может излучать любовь.

У любви есть много образов: дружба, любовь между детьми и родителями, братьями и сестрами, любовь к родине, народу,

любовь к правде, свободе и, наконец, любовь к ближнему, врагу и Богу. Мне кажется, важнее различия между эросом и агапой – различие между эгоистической любовью, которая видит только себя, и дарящей любовью, которая видит другого. Кто желает другого, может одновременно отдавать ему себя. А кто отдает себя другому, может также желать его. Любовное желание и любовное служение, любовная игра и верность в любви не исключают друг друга.

Сила любви

Судя по синоптическим Евангелиям, сам Иисус использует слова «любовь» и «любить» в смысле любви к ближнему крайне редко. И тем не менее любовь к ближнему пронизывает все Его учение. Это означает, что для Него любовь – это в первую очередь действие, а не эмоционально-сентиментальная доброжелательность, которую я не могу испытывать по отношению ко всем людям. Любовь понимается как доброжелательное существование для других, готовность прийти на помощь. Она воплощена в Иисусе, во всех Его действиях, ободряющих речах и исцелениях, борьбе и страданиях. У Назарянина мы можем научиться тому, чего так не хватает нашему обществу конкуренции и преобладающего эгоизма и что так радует нас, когда мы с этим встречаемся: учитывать потребности других, делиться, прощать и просить прощение, стараться бережно относиться друг к другу, уступать и помогать.

Вместе с тем Иисус соединяет *любовь к людям и к Богу* в одно нераздельное целое. Любовь к людям – это единственный критерий благочестия и желанного Богу человеческого поведения. Иисус сконцентрировал свои заповеди на этой двойной центральной идее еврейской Библии: любовь к Богу и человеку. При этом Он имеет в виду не: «Обнимитесь, миллионы! Слейтесь в радости одной!» из великой шиллеровской и бетховенской «Оды к радости», а скорее любовь к «ближнему», мерилom которой ставит любовь к

самому себе: «Возлюби ближнего, как самого себя». Будь отзывчивым, открытым и готовым прийти на помощь *человеку, который здесь и сейчас во мне нуждается*, который для Иисуса и есть ближний. Не только тот, кто близок мне в семье, в моем племени или народе, а тот, кто находится в нужде, как например, для «добротого самарянина» странник, пострадавший от разбойников, которому тот бескорыстно помог.

Понятая таким образом любовь, не знает границ. И действительно, согласно Иисусу, она не должна иметь разделяющих границ. Любовь для Иисуса – и это очень характерное для Него заострение – распространяется и на врагов. Нужно преодолеть жесткую грань между своими и чужими. Нашим ближним может стать любой человек, даже наш политический или религиозный противник, соперник, а также и враг. При всех различиях и противоположностях нужны открытость и сочувствие не только к членам своей социальной группы, своего народа, расы, класса, партии, религии, нации, но и безграничная открытость и преодоление разрушительных разграничений, в какой бы области они ни проявлялись.

В этом смысл притчи о ненавистном враге иудейского народа, самарянина, полукровке и еретике, которую Иисус провоцирующее рассказывает своим соотечественникам как пример не просто добротого дела, дела любви, «самаританства», но реального преодоления вековой границы – между иудеями и неиудеями, ближними и дальними, добрыми и злыми, фарисеями и мытарями.

Любовь как исполнение мирового этоса

В этой любви выражается великая *свобода*: такая любовь ориентируется не на какую-то заповедь или запрет механически, но на то, что требует и позволяет сама действительность. В этом смысле прав Августин, когда, радикально отказываясь от казуистики, смело утверждает: «Люби – и делай что хочешь». Любовь сама по себе следует обязательным для всех людей принципам миро-

вого этоса и одновременно превосходит их. Как говорит апостол Павел в Послании к Римлянам: «Любящий другого исполнил закон. Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай [чужого] и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя. Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона» (Рим 13:8–10). В этом собственно христианский вклад в мировой этос.

На что конкретно способна сила любви, выразил апостол Павел в Первом Послании к Коринфянам. Это имеет силу по сей день:

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает» (1 Кор 13:4–8).

Может ли сила любви действительно изменить жизнь? Некоторые простые противопоставления неизвестного мне автора отчетливо показывают, как любовь, если она станет основным мерилом в жизни, способна ее изменить:

*Долг без любви порождает недовольство;
Долг, исполненный в любви, – стойкость.*

*Ответственность без любви порождает бесцеремонность;
Ответственность с любовью – заботливость.*

*Справедливость без любви делает нас жестокими;
Справедливость, движимая любовью, – надежными.*

*Воспитание без любви порождает противоречия;
Воспитание с любовью – терпение.*

*Ум без любви порождает хитрость;
Ум, направляемый любовью, – понимание.*

*Дружелюбие без любви делает нас лицемерными;
Дружелюбие, питаемое любовью, – добросердечными.*

*Порядок без любви делает нас мелочными;
Порядок, поддерживаемый с любовью, – великодушными.*

*Профессионализм без любви порождает неуступчивость;
Профессионализм с любовью – доверие.*

*Власть без любви порождает насилие;
Власть, ведомая любовью, – готовность помочь.*

*Почет без любви делает нас высокомерными;
Почет в сочетании с любовью – скромными.*

*Собственность без любви порождает жадность;
Собственность с любовью – щедрость.*

*Вера без любви порождает фанатизм;
Вера с любовью – миролюбие.*

Итак, правила общечеловеческого этоса, мирового этоса, основываются и поддерживаются христианским этосом, но в то же время становятся более радикальными и универсальными, так как распространяются на всех людей, в том числе на врагов. Но, может быть, важнее то, что находит отражение в обыденной жизни. Из христианской модели, которая олицетворена Иисусом в Евангелиях, последовали и продолжают следовать бесчисленные попытки как в идеях, так и в делах воплотить христианскую программу в повседневную жизнь. Можно бесконечно приводить примеры деятельной и сострадательной христианской любви. Для меня особо важны четыре конкретных посыла христианского этоса к человеку: установление мира за счет отказа от своих прав, использование власти во благо других, ограничение себя в потреблении, воспитание на основе взаимоуважения. По этому поводу выскажу некоторые отрывочные соображения.

Мир за счет отказа от своих прав

Я думаю о проблеме войны и мира. Я ежедневно слежу за событиями в мире в средствах массовой информации. В течение десятилетий казалось невозможным установить мир в сердце Европы, на Ближнем или Дальнем Востоке. Почему? Потому что «другая сторона» не хочет – так объясняли обе стороны. Но проблема лежит глубже: как правило, обе враждующие стороны претендуют на одни и те же территории (раньше это были Саар или восточные территории Германии, сегодня – Палестина или Кашмир) и могут обосновать свои претензии историческими, экономическими, культурными, политическими аргументами. А правительства, следуя своим конституциям, считают своим долгом защищать права своего государства. Старые образы врага и предубеждения по отношению к другим странам, народам, культурам поддерживают атмосферу страха и коллективной подозрительности. Поэтому спираль взаимного насилия не может быть сломлена и мир не может быть восстановлен, поскольку каждая сторона не видит, почему она, а не противник, должна отказаться от претензий.

Что говорит мне об этом христианское послание? Конечно, я знаю, что с помощью Нагорной проповеди государства не создашь. Из нее нельзя вывести конкретных правил и предложений: как вести себя в случае пограничных конфликтов, как проводить конференции по разоружению. Но из нее мы можем почерпнуть нечто, чего не могут потребовать от своих народов государственные деятели, зато религиозные лидеры, епископы, богословы, пасторы могут высказать широкой общественности – что отказ от прав без какой-либо компенсации не обязательно означает позор и может служить миру! «Кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф 5:41).

Разумеется, отказ от своих прав ни в коем случае не должен привести к ситуации, когда «прав сильнейший». Христианская весть не стремится отменить правовой порядок. Но она хочет по-

казать относительность права во имя человека и мира. Это требование к политикам отказаться в определенных ситуациях от отстаивания своих прав методами насилия. После Второй мировой войны христиане-политики, поддерживаемые церковью, успешно применили этот принцип ради примирения Франции и Германии, а позднее Германии – и Польши и Чехословакии. Личность Иисуса повлияла на идеи и практику ненасильственного сопротивления Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, что серьезно изменило соотношение сил в мире.

Все, что касается большой политики, касается и мелких повседневных «войн». Повсюду, где отдельный человек или группа вспоминают, что не обязательно всегда жестко и воинственно настаивать на своем праве, становится возможным мир, прощение, примирение. Скольких конфликтов в семье, между соседями, на предприятиях, в городе можно было бы избежать или по крайней мере позже отрегулировать, если бы как раз в области права вместо буквалистской верности закону и справедливости конкретно проявлять человечность между людьми и группами и таким образом возвращать дух истинной справедливости. К счастью, уже несколько лет как снова вошли в практику посредничество и мирное урегулирование, и это помогает избежать многих правовых конфликтов. Не случайно в Нагорной проповеди обещано «кротким»: «они наследуют землю» (Мф 5:5).

Власть во благо других

Я думаю о проблеме экономической власти. Еще до начала мирового экономического кризиса она грубо использовалась для жесткой экономии расходов и сокращения рабочих мест. Работодатели находятся в постоянном конфликте с профсоюзами, и обе стороны обвиняют в проблемах правительство. Поэтому в последние годы все настойчивее говорят о «хищническом капитализме», ибо слишком часто власть преследует свои, частные интересы – вопреки принципу социальной рыночной экономики.

Как может помочь в этой ситуации христианская весть? И здесь, конечно, я понимаю, что одни призывы к морали не помогут. Христианское послание не дает ответа на вопрос, как, например, построить магический квадрат из полной занятости, экономического роста, стабильности цен и положительного внешнеторгового баланса. Спрос и предложение, внешняя и внутренняя торговля, очевидно, подчиняются жестким экономическим законам. «Социал-дарвинизм» (не имеющий никакого отношения к Дарвину) учит использовать ситуацию в конкурентной борьбе максимально в свою пользу.

Но христианское послание напоминает мне (и этого невозможно добиться только законодательными способами), что в неизбежных ситуациях конфликта интересов ни банкам, ни крупному бизнесу, ни профсоюзам отнюдь не зазорно поступиться частью своей власти. Предпринимателю не обязательно переключивать любое повышение расходов производства на потребителя, а профсоюзному лидеру – во что бы то ни стало настаивать на всяком повышении зарплаты. Даже банки могут в определенных ситуациях в виде исключения не воспользоваться своим положением ради интересов других, интересов общества. Да, в отдельных случаях можно и «подарить» власть, прибыль, влияние. «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду», – говорится в Нагорной проповеди (Мф 5:40).

В последние годы правительству пришлось целым рядом законодательных шагов ограничить своеволие нередко бесчеловечного капитала. Но нам необходимы и перемены в мышлении! В первую очередь банкиры, особенно центральных банков, политики и публицисты должны признать, что за роковым бесконтрольным развитием финансовых рынков, раздуванием денежной массы и пузырями на рынке недвижимости стояли мотивы безграничного стремления к наживе и экономическая мания величия, которые необходимо обуздать. Экономика должна снова подчиниться политике, а политика – этике. Это значит, что деньги не могут больше быть высшей ценностью. Уже в Конституции Федеративной

Республики Германии записано: «Собственность обязывает». Экономическая власть должна использоваться в общественных интересах, в интересах всех участников экономического процесса (*Stakeholder*), а не только акционеров (*Shareholder*). Этот посыл отнюдь не «опиум» для потерявших надежду, но реалистическое указание на опасность везде, где власть имущие подавляют безвластных, а власть подменяет закон.

Что применимо в большой экономике, применимо и в малой: всюду, где индивид или группа вспоминают, что неизбежная конкурентная борьба не должна вестись за счет человека и человечности, они способствуют очеловечиванию конкурентной борьбы, делают возможными и в экономическом соревновании взаимное уважение, внимание к личности, солидарность, милость. А таким образом и справедливое выравнивание различных интересов, которое может стать стабильным, если в различных областях создается такая тесная сеть взаимополезных отношений, что разрушение связей приносит каждой стороне больше вреда, чем преимуществ. Это особенно важно в период массовой безработицы. В Нагорной проповеди обещано: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф 5:7).

Умеренное потребление

Я думаю о проблеме экономического роста и общества изобилия. Следуя признанной экономической теории, необходимо постоянно производить, чтобы можно было постоянно потреблять. Необходимо все больше потреблять, чтобы могло расширяться производство. Таким образом, уровень желаемого потребления всегда поддерживается выше уровня необходимого с помощью рекламы, примеров из жизни известных лиц, являющихся образцом для потребителя. Высокий уровень потребления становится решающим показателем успешной жизни. И так повсеместно, не только в Европе и Америке, но и в Индии и Китае – с тяжелейшими последствиями для окружающей среды.

Чему может научить нас в этой ситуации христианская весть? Я понимаю, что она не может предложить конкретных решений по проблемам изменения климата и защиты окружающей среды, распределения сырья и воды, защиты от шума и утилизации мусора. Мы не найдем в ней и указаний, приведут ли те или иные идеи и реформы к сокращению разрыва между богатыми и бедными, между промышленными и развивающимися странами. Но христианская весть учит меня оказывать сопротивление обществу потребления, выбирать свободу от потребления: бессмысленно искать счастья только в наслаждениях и благосостоянии, нельзя поддаваться диктату престижа и соперничества, не следует присоединяться к культу изобилия. И нельзя допустить, чтобы одержимость временем заглушила в человеке стремление к вечному счастью.

«Максимизаторы», которые все измеряют масштабом соотношения цены и эффективности и постоянно ищут лучшего, в большинстве случаев не являются счастливыми людьми. Счастливы скорее те, кто привык довольствоваться немногим, кто не сравнивает бесконечно, а удовлетворяется принятым решением и таким образом практикует самоограничение. И это действительно как в большом, так и в малом: вместо порока жадности умеренность. Нужно стремиться к обретению внутренней свободы: самодостаточная скромность и, в конце концов, спокойная уверенность, которая не поддается страхам о завтрашнем дне, а обращается к задачам сегодняшнего. О таких «нищих духом» говорится в Нагорной проповеди, что их есть Царство Небесное (Мф 5:3).

Воспитание во взаимном уважении

Я думаю о проблемах воспитания: о стилях и методах воспитания, о воспитателях – отцах, матерях, учителях, наставниках. Со времени культурной революции 1968 года эта область находится в тяжелом кризисе. Воспитателям приходится выдерживать массивную критику и нетерпеливые претензии справа и слева: для одних они слишком консервативны, для других слишком прогрес-

сивны, для одних воспитание слишком политизировано, для других слишком аполитично, для одних слишком авторитарно, для других антиавторитарно. Широко распространены растерянность и неуверенность в ориентирах.

Чему учит меня в этой ситуации христианская весть? Она не дает педагогических советов о том, как воспитывать и учить детей, как лучше и эффективней организовать школьное и профессиональное образование, какой тип школы для какого возраста лучше, как нужно менять стиль воспитания юношества в период полового созревания.

Но христианская весть указывает на главное в отношении воспитателя к ребенку и ребенка к воспитателю и говорит о том, почему вообще необходимо воспитание, несмотря на разочарования и неудачи. В любой ситуации процесс воспитания должен быть движим не собственным престижем и личными интересами, а интересами доверенного нам воспитанника. Воспитание следует понимать не как субтильную форму репрессивной власти, а как взаимное уважение к достоинству и ребенка, и воспитателя.

Конечно, не нужно наивно-романтически делать из детей «партнеров» воспитателей, они должны воспитываться взрослыми, а это – ежедневный трудный процесс. Дети существуют не просто для воспитателя, так же как воспитатели – не только для детей. Воспитатели не должны эксплуатировать или тиранически подавлять детей, но и дети не должны тиранить воспитателей. Воспитатели не должны авторитарно навязывать свою волю детям, но и наоборот, дети не должны диктовать взрослым. *Взаимное уважение* достоинства друг друга в христианском смысле означает для воспитателя запас безусловного доверия, добра и в первую очередь любви, которую нельзя обмануть. А для детей – доверительное принятие поставленных границ в духе сотрудничества и благодарности.

Так можно и во времена неопределенности и потери ориентиров сделать возможной наполненную смыслом жизнь. О тех, кто понимает воспитание в этом духе, Иисус говорит: «Кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня» (Мк 9:37).

Честный спорт

И спорт тоже относится если не к жизни, то хотя бы к искусству жить. Я сам до 80-летнего возраста регулярно занимался горными лыжами и знаю: в отличие от моих ежедневных занятий плаванием, лыжи остаются рискованным спортом, и умные люди покупают особую страховку, когда едут кататься в горы. В одно мгновение может произойти несчастный случай с роковыми последствиями. Каждый лыжник может рассказать о пережитых приключениях и падениях, иногда о неосторожности и глупости. Несмотря на улучшение снаряжения, количество несчастных случаев за последние годы не уменьшилось, как раз наоборот. Самое опасное – столкновение с другим лыжником, это может закончиться смертью. Поэтому не удивительно, что многие требуют все больше новых правил и предписаний на лыжных спусках, даже создания специальной полиции.

Но поможет ли это? Я думаю не только о лыжах, но и о других видах спорта, в особенности о футболе. И мир спорта так же, как и все общество, страдает от раздутого арсенала правил и предписаний в результате профессионализации и коммерциализации. То есть законов и правовых инстанций нам хватает. Но не хватает того, что нигде *не прописано*, не предусмотрено законом: внутреннего настроя, нравственного подхода. Не хватает *этоса*, без которого прописанные правила будут нарушаться, обходиться, подрываться. Этос предполагает, что человек добровольно взял на себя внутреннее обязательство следовать определенным ценностям и не изменять им.

В 2005 году на Днях Евангелической церкви в Ганновере я имел конструктивную открытую дискуссию о мировом спорте и мировом этосе с ответственными лицами Немецкого футбольного союза (президентом, тренером национальной сборной команды, судьей и игроком национальной сборной). Все были единого мнения, что и самые лучшие правила не помогут, если люди не будут чувствовать внутренней обязанности их выполнять. Именно

спорт – это та область нашей жизни, в которой все зависит от того, что правила не только всем знакомы, но и выполняются. Когда мы говорим о спортивном духе, мы как раз и имеем в виду готовность к благородной борьбе, которая включает в себя равенство шансов и честность.

Массовый футбол мог бы быть самым прекрасным выражением *честной борьбы (fairness)*. Слово *fair* вошло из английского языка в немецкую спортивную терминологию и означает «приличный», «честный», «справедливый». А термин *fair play* означает пристойное и соответствующее правилам товарищеское поведение. «Спортивное поведение» – недаром это выражение вошло в повседневную речь. Однако в наше время приходится заново осмысливать, что честность в спорте для каждого участника означает *разумное, соответствующее неписаным моральным законам поведение*. Нечестно – это если кто-то пользуется незаслуженными преимуществами, и в особенности если нарушено общее согласие. В последние годы следом за спортсменами и спортивными функционерами под подозрение в коррупции попали до сих пор безупречные спортивные судьи. Да и вообще весь футбол, включая агрессивных болельщиков, предстает в сомнительном свете. Нарушено доверие. Распался казавшийся благополучным футбольный мир. Но и гандбол, велосипедный спорт, другие виды спорта также находятся в опасности.

Как добиться честности в футболе, в спорте? Нужно нечто большее, чем только «вынужденное соблюдение спортивных правил под угрозой санкций», заявила Рабочая группа по проблемам спортивного права (*Konstanzer Arbeitskreis für Sportrecht*) в 1998 году. Требуется «общий настрой, *дух*, соответствующий этическим принципам, который позволяет:

- *внутренне* соглашаться с правилами,
- не желать успеха, ради которого, конечно, напряжены все силы, любой ценой,
- не видеть в сопернике врага, которого нужно победить любыми средствами,

– уважать соперника как партнера в спортивном соревновании

– и поэтому признавать за ним право на равенство шансов, на уважение его здоровья и человеческого достоинства независимо от национальности, расы и происхождения».

Все это может быть понято как конкретизация золотого правила: «Не делай другому того, чего не желаешь себе», правила, которое действительно для команд, болельщиков, наций. Его можно сформулировать как позитивное правило, как это сделано в Негорной проповеди: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф 7:12).

Футбол может создать серьезную конкуренцию религии, он может стать *заменой религии*. Сегодня говорят уже о культе футбола, о «футбольном боге». Можно провести параллели между ритуалом на стадионе и литургией. Когда спортсмены целуют кубок, это напоминает целование икон. Когда спортсмены высоко поднимают кубок, это напоминает показ чаши-дароносицы. А то, что пение и скандирование многотысячной толпой вызывает общие, почти религиозные переживания, с этим уже никто и спорить не будет. Но значение имеет не отдельный феномен как таковой, а тот общий дух, который внушает отдельному человеку, что то, что он сейчас переживает, есть самое главное в жизни. Если, однако, футбол лишь заполняет пустоту в головах и сердцах, то он становится опасным. Против этого не помогут пиво и водка, они будут только подогревать нигилистическую страсть к насилию.

При некоторых правильных условиях глобализация спорта – это *шанс*. Я убежден, что спорт дает уникальный шанс сблизить людей различных национальностей, культур и религий. Это показывают хорошо проведенные спортивные мероприятия. Спорт имеет значение, выходящее за границы наций, культур и религий. В этом и заключается сегодня, несмотря на коммерциализацию и допинг, еще не совсем потерявшая свою силу олимпийская идея. Она имеет большую символическую силу для межкультурного и межрелигиозного понимания.

Люди договорились о своде правил поведения, независимо от их национальности, культурных или религиозных различий. С помощью спорта они встречаются и пытаются понимать друг друга, сотрудничать. Это отличный пример мирового этоса. И поскольку в спорте речь идет не просто о правилах, а скорее об определенном духе, это имеет огромное культурное, религиозное и политическое значение. Люди разных культур и религий могут жить в духе честности, равноправия шансов, толерантности, человеческого достоинства, партнерства. И не потому, что они отказываются от своей культуры и религии или нивелируют их, а потому, что они находят опору для этих идеалов и ценностей в своей культуре и религии. Поэтому я выступаю за новую честность в футболе и вообще в спорте. В это должны внести вклад все: игроки и атлеты, судьи, функционеры и, конечно, болельщики.

Здоровье без мании здоровья

Мы желаем друг другу при любой возможности (и я это разделяю) здоровья, приговаривая: «здоровье – самое главное». Здоровье действительно является основой жизни, и забота о нем относится к искусству жить. Но действительно ли здоровье самое важное?

Конечно, многие люди сами разрушают свое здоровье, ведя нездоровый образ жизни. Курение, алкоголь, наркотики, обжорство, лень, психические расстройства, если и не разрушат жизнь, то сократят ее, сделают ущербной. Но я не стану приводить здесь рецепты здорового питания и сна, похудения и поддержания здоровья: их каждый день пропагандируют средства массовой информации.

Без сомнения, движение во время ежедневных занятий спортом, здоровое питание, умеренное потребление вина и общая дисциплинированность помогли мне дожить до почтенных лет. Но вместе с тем я всегда понимал, что здоровье не есть высшее благо. Если все в жизни вращается вокруг здоровья, жизнь становится эгоцентричной. Здоровья, которое определено Всемирной орга-

низацией здравоохранения как состояние полного телесного, душевного и социального благополучия, нельзя добиться любыми средствами. Вряд ли помогут разного рода таблетки. И даже косметическая хирургия не сможет дать нам «вечной молодости». И кто знает, во скольких случаях изболевшейся душе больше помогло бы посещение храма, чем посещение фитнес-студии.

Современная биология доказывает, что смех – лучшее лекарство: вместо стресс-гормонов, адреналина и кортизола вырабатываются «гормоны счастья», эндорфины, которые снимают напряжение. Для меня со смехом может конкурировать только музыка, которую называют самым сладким лекарством. Иммануил Кант, как известно, считал, что «провидение дало людям для утешения в их скорбях три вещи: надежду, сон и смех». Да, я никогда не терял надежды, несмотря на все церковные трудности. И смех – частый гость в нашем доме; у нас у всех напряженная, но в целом радостная жизнь.

Но не всегда большие заботы позволяли мне хорошо спать. И я знаю, что я не смогу оставаться здоровым вечно. Обещания биологов и медиков бесконечного продления жизни – это иллюзия. Забота о здоровье не должна превращаться в религию здоровья. Поэтому, когда врач (Манфред Лютц) выступает «против садистов-диетологов, мании здоровья, культа фитнеса» и защищает «желание жить» (2002), я это только приветствую. Но в наши дни и без того все меньше людей верят в полубогов в белых халатах, все меньше врачей боятся Федеральной врачебной палаты, как святой инквизиции, а в больницах в обращении с пациентами уже редко применяют греческие и латинские «священные» медицинские термины. Однако ни фармацевтическая промышленность, ни врачи и аптекари, ни больницы и политики не сдают добровольно свои позиции перед курсом экономии в здравоохранении.

При всем этом важно, что больной человек, даже смертельно больной человек остается человеком. И пусть немногим, но все же некоторым людям удастся жить со своей болезнью достаточно счастливо. Иной груз, например, тяжелая вина, с раскаянием или нет, может быть тяжелее, чем болезнь.

Одна из моих любимых цитат в Нагорной проповеди: «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне... довольно для каждого дня своей заботы» (Мф 6:34). Сам Иисус, при всей серьезности жизни, не был мрачным аскетом и принимал участие в жизни людей, в их праздниках, поэтому обвинение в том, что Он был «обжора и пьяница», хотя и клеветническое, исторически верно (Мф 11:18 и далее). Правда, рассказ о превращении воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской в Евангелии от Иоанна (Ин 2:1–12) – это легенда. Иногда правильно последовать совету, который дает апостол Павел своему ученику Тимофею в одном из пастырских посланий: «Впредь пей не [одну] воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тим 5:23).

Ars vivendi

Сегодня в центре внимания и верующих и неверующих планы и дела этого мира. Похоже, что современный человек имеет при желании значительно больше возможностей обогатить свою жизнь различными событиями и опытом, чем предыдущие поколения. Поэтому сегодня искусство жить в значительной степени состоит в том, чтобы жить как можно более полно, насыщено.

Но разве наша жизнь становится насыщенной только потому, что нам легче ее наполнить, потому что мы живем быстрее? Я чувствую, что и меня касаются наблюдения социолога Хартмута Роза¹, считающего, что техническое ускорение (транспорт, коммуникация, производство) привело к ускорению социальных изменений, в частности эстетических, литературных, музыкальных и философских течений и стилей. Оба ускорения привели к ускорению *жизненного темпа*. Мы стараемся успеть сделать как можно больше дел за день, за неделю, за всю нашу жизнь. За счет более быстрых действий, сокращения пауз и времени ожидания, за счет

¹ Hartmut Rosa, *Beschleunigung. Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne*, Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 2005. – *Прим. ред.*

единовременного выполнения нескольких дел. Таким образом мы попадаем в «круговорот ускорения», когда одна скорость подгоняет другую. Все это причины для многих стрессов.

Конечно, я всегда понимал, что при всем ускорении невозможно добиться вечной жизни, что эта жизнь может кончиться в любое мгновение. Иногда, когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что я прожил семь жизней: так много в моем прошлом разнообразных переживаний и впечатлений. Но я никогда не поддавался иллюзии, что благодаря более быстрой и наполненной жизни я преодолел ее конечность и привнес смысл не только в мою жизнь, но и в смерть.

Размышляя к концу этой книги о том, в чем для меня лично состоит *искусство жизни*, я прихожу к тем же заключениям, которые попытался разъяснить выше. Для меня оно значит:

- сохранить доверие к жизни на всех жизненных этапах и в любом возрасте;
- суметь сохранить радость жизни, несмотря на все заботы и разочарования;
- постараться пройти свой путь жизни последовательно и твердо, выполняя все требования и преодолевая препятствия;
- постоянно находить и реализовывать смысл жизни в своей духовной деятельности, ориентируясь на большой смысл;
- видеть основу жизни, основу основ, на которой стоит моя доверяющая вера;
- черпать энергию жизни в той силе, которая есть святой источник духа, средоточие и цель жизненного процесса, которая помогает мне пройти весь путь до конца;
- ориентироваться на модель жизни, которой я придерживаюсь с юности и которая поддерживает меня;
- преодолевать и внутренне справляться со страданиями жизни, как мне это подсказывает моя модель жизни.

Никто не избежит старости. С годами становится все тяжелее физически. Но многое и облегчает нашему поколению тяжесть лет. Не стоит раздражаться, нужно принять как неизбежное, что

приходится пользоваться очками, протезами, слуховым аппаратом или какими-то иными приборами. Достижения медицины и фармацевтики помогают пожилым людям улучшить условия жизни. Но все равно наши органы слабеют, тело уже служит нам не так, как в молодые годы. В особенности болят и ослабевают суставы и кости.

«Прощайтесь со своей молодостью изящно», – советует протестантский богослов Элизабет Мольтман-Вендель (*Moltmann-Wendel*) в проникновенной книге об искусстве старения (2008). Мы так долго учились ходить с прямой спиной. Но почему бы не попросить стул и не присесть, если стало тяжело стоять? Почему бы не полежать, когда стоять не нужно и когда есть возможность расслабиться, «дать себе волю»? И наконец дать волю воспоминаниям: поговорить о том, что пережито, что задвинуто в далекие уголки души, что так и не зажило. Я знаю из своего опыта, как целительно и освобождающе – продумать и записать свои жизненные воспоминания. Удастся ли мне закончить уже начатый третий том, который должен последовать за «Завоеванной свободой» (*Erkämpfte Freiheit*) и «Спорной правдой» (*Umstrittene Wahrheit*)? Я не уверен, но принимаю все, что готовит мне жизнь.

Ars moriendi

Все получилось совсем не так, как я думал. Как и многие мои современники, благодаря невероятному прогрессу гигиены и медицины я получил в подарок еще один новый период жизни сверх обычных человеческих лет. И вот я вступил в девятое десятилетие моей жизни. Сколько еще осталось? Чем старше я становлюсь, тем больше занимает меня вопрос достойного конца жизни. *Ars vivendi*, искусство жизни, дополняет не менее важное *ars moriendi* – искусство смерти. Если мне дано будет на это время.

В 50-е годы после многомесячных страданий умер от опухоли мозга мой двадцатитрехлетний брат, задохнулся от накопившейся в легких жидкости. С тех пор я знаю, что не хочу так умереть.

Известный профессор литературы Тюбингенского университета Ганс Майер положил конец своей жизни длительной голодовкой в возрасте 94 лет. С тех пор я знаю, что и такой путь для меня не является Божьей волей. С тех пор как мой любимый коллега и друг Вальтер Йенс влачит убогое существование в состоянии старческого слабоумия, пусть и с хорошим уходом, часто плачет, кричит, буянит, я знаю, что я ни в коем случае не должен пропустить момент, когда возможно принять решение о смерти (когда-то и он так думал). Так как же я хочу умереть?

Mors certa, hora incerta – «смерть неизбежна, но час ее неизвестен». Неизвестно, когда, где и как закончится наша жизнь. Как я уже писал, в молодые годы я думал, что умру рано. И часто, счастливо завершая работу над книгой, я чувствовал глубокую благодарность: как прекрасно, что мне позволено закончить и этот труд. Очень редко я думал во время работы: это ты обязательно должен закончить. Моя позиция была всегда: будет как будет. Я не вспоминаю с ностальгией о прошлом, не позволяю себе предаваться старческой тоске, не стремлюсь во что бы то ни стало казаться молодым. Кто ежедневно думает о смерти, не боится ее. На вопрос корреспондентов: «Как бы Вы хотели умереть?» я, как правило, отвечаю с улыбкой: «Во время деловой поездки». А сейчас еще добавляю: «Во всяком случае, не в доме престарелых».

Я твердо убежден, что лично, до последнего своего дыхания, отвечаю за подаренную мне Богом жизнь – я, а не врач, священник или судья. Поэтому я в 1995 году совместно с Вальтером Йенсом написал книгу «Умереть достойно – в защиту ответственности за себя»², а в 2009 году подкрепил ее еще 20 тезисами, которые здесь нет необходимости приводить. Для меня, верующего в жизнь вечную, к искусству смерти относится понимание того, что нет необходимости растягивать до бесконечности земную жизнь. И когда придет время, я имею право сам решить, как и когда мне умереть,

² Walter Jens, Hans Küng, *Menschenwürdigsterben: ein Plädoyer für Selbstverantwortung*, München, Piper Verlag, 2009. – *Прим. ред.*

и мое решение как пациента должно учитываться. То, что в июне 2009 года германский бундестаг признал распоряжение пациента в любом случае обязательным для всех врачей и попечителей, утверждает меня в моем мнении.

На протяжении десятилетий мне удавалось сохранять полученное с молоком матери в первый год жизни и не раз испытанное впоследствии доверие, несмотря на все трудности и разочарования, враждебность и нападки. Но удастся ли мне сохранить это доверие действительно до конца жизни? Я не знаю этого, никто этого не знает. Со времен Августина мы говорим о *perseverantia* – способности выстоять и выдержать все испытания до конца как об особой благодати – *gratia perseverantiae finalis*.

Я надеюсь, мне будет дарована эта особая возможность до конца сохранить доверие, что в итоге и есть самое главное, какими бы достижениями или поражениями ни была полна моя жизнь. Если я получу этот дар, то я бы хотел умереть сознательно и проститься с миром достойно. Приведа в порядок все, что необходимо. В благодарности, ожидании и молитве.

Но если я все же ошибаюсь и вступлю не в вечную божественную жизнь, а в ничто? Тогда, я убежден в этом и это уже многократно подчеркивал, я все равно прожил лучшую и более осмысленную жизнь, чем без этой надежды.

«И это было все?» – так выразился берлинский еврейский писатель Курт Тухольский, покончивший жизнь самоубийством в 1935 году от отчаяния по поводу успехов национал-социализма: «Если бы мне пришлось сейчас умереть, я бы сказал: “И это было все?” – И: “Я не совсем верно понял.” И: “Шумновато было”».

Нет, я так не думаю. Это еще не все. Я хочу «верно понять» мою жизнь. Еще раз с самого начала увидеть ковер моей жизни, сотканный из многочисленных разноцветных нитей. Понять все, что было для меня загадкой, все, что за моей спиной. И все уже не «шумно», а тихо, радостно, наполненно. Такова моя надежда на конечное торжество в покое и гармонии вечной жизни, вечной

любви и счастья. А до этого еще важно то, что сформулировал великий Августин в начале своей «Исповеди»: *«Inquietum est cor nostrum, donec requiescat in Te, Domine* – Непокойно сердце наше, пока оно не успокоится в Тебе, Боже» («Исповедь» 1:1).

10. Видение жизни

«Кто опоздает, того накажет жизнь».

Президент Михаил Горбачев,
речь на праздновании 40-й годовщины
образования ГДР в Восточном Берлине,
7 октября 1989 года.

Жизненный путь, основанный на жизненном доверии и подвижимой жизненной перспективой.

Вот мы и достигли высокой цели в нашем духовном горном восхождении – укрепленной, надежной твердыни, откуда можно увидеть весь мир, и не только мир религий и культур, но и мир науки, экономики и даже политики. Вследствие моего происхождения и воспитания – вырос в стране свободы и прямой демократии, окруженной тоталитарными режимами, – я всегда был политически активным человеком. Но я не хотел быть «политическим богословом», потому что «политическое богословие» всегда оказывалось на практике политической идеологией. Так было еще у автора этого термина Евсевия, епископа при дворе императора Константина, а много позже у духовного отца национал-социализма юриста Карла Шмитта и, наконец, у латиноамериканских революционеров-марксистов во второй половине XX века. Я никогда не хотел состоять на службе у какой-либо партии, политической или церковной, а хотел служить целому, общему благу. Для этой цели я разработал с годами *социально-критическое богословие*, исходя из перспектив мировой (а не только латиноамериканской) политики, опираясь на действительность, а не на идеологию.

Прощание с псевдорелигиозными великими идеологиями

Меня никогда не увлекали *утопии*. «Утопия» буквально означает «место, которого нет». За последние десятилетия утопии своими

обещаниями грядущего прекрасного и счастливого мира, неважно социалистического или капиталистического, ввели в заблуждение многих людей. Моя духовность должна была оставаться реалистичной: никаких идей без заземления. Никаких умно задуманных, но невыполнимых планов. Никаких восторженных представлений о будущем без реальной связи с настоящим. Но мне кажется, что для настоящего полезно реалистичное *видение* будущего. Имеется в виду, конечно, не оптическая галлюцинация или сверхъестественное видение, а обоснованное *общее представление*, общая перспектива будущего как отдельного человека, так и общества. Это предполагает расставание с иллюзиями и отрезвление.

Антиутопия «1984» Джорджа Оруэлла, вышедшая в 1949 году, стала для меня одним из первых предупреждений об опасности социалистического тоталитаризма и сталинского террористического режима, страшное подтверждение которым я вскоре нашел в книгах Александра Солженицына. Другим предупреждением была устрашающая перспектива, показанная Олдосом Хаксли в романе «О дивный новый мир», опубликованном в 1932 году, где изображен «прекрасный новый мир» в 642 году эры Форда, капиталистический мир высоких научных технологий, в котором массовое производство и массовое потребление заменили Бога и религию.

Я никогда не принадлежал к тем западноевропейским или латиноамериканским деятелям, которые некритично относились к *революционной идеологии прогресса социализма*. Волна мирных революций в Восточной Европе в 1989 году и распад системы реального социализма буквально лишили дара речи этих сочувствующих на Западе. Убогое положение – экономическое, социально-политическое и культурное – стран Восточного блока вывело на улицы массы протестующих, которые спровоцировали своими выступлениями выборы и свергли тоталитарные правительства. Но удивительно, что и западные интеллектуалы, которые в 60–70-е годы составляли мощную словесную оппозицию, перед

лицом новых насущных перемен онемели. С великими идеологиями или «научными» тотальными концепциями мира, которые долгие годы заменяли религии и в которые верили, попросились без великих надгробных речей. Не удалось «расколдовать мир» (Макс Вебер), и стал очевиден «возврат религиозности», которая впрочем никуда и не уходила.

Но мне не хотелось принадлежать и к тем, кто верит в *эволюционно-технологическую идеологию прогресса капитализма*. Нельзя не заметить, что вера в науку не оправдала себя: ведь атомная бомба, токсичные газы, клонирование человека – это тоже продукты науки. Бесспорный прогресс технологии принес человечеству одновременно экологические, экономические и социальные проблемы, вылившиеся в мировой экономический кризис, перед которым беспомощны «реальные политики» и крупнейшие финансисты и экономисты мира. Изменение климата, защита окружающей среды, распределение водных и сырьевых ресурсов, борьба с шумом и проблема мусора, а также все увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми, между промышленными и развивающимися странами – как же справиться со всем этим?

Значит, надо попроситься с верой в разум и науку, в технологические псевдорелигии, которые обещали решить все проблемы с помощью техники, соблазнили, а затем разочаровали миллионы людей. Мы живем не в эпоху «второго модернизма», как полагают некоторые, не желающие увидеть эпохальную смену парадигмы после Второй мировой войны, а в эпоху «постмодернизма», которая ставит совсем иные акценты, чем разум, прогресс, нация, и в которой религии имеют значение для людей во всем мире. Но, конечно, нам не помогут черные антиутопии, церковная реставрация и пугающие религиозные картины будущего. Необходимо конструктивное видение будущего.

Уже давно я прилагаю усилия к тому, чтобы заново открыть и оценить забытую идеологиями *гуманистическую этику*. Не потому что я приверженец морализма, преувеличивающего значение морали, в особенности сексуальной, и ставящего ее в центр всего,

для которого мораль единственное мерило поведения. Я уважаю относительную независимость различных областей человеческой деятельности, таких как экономика, наука, право и политика, и категорически против использования себя в интересах каких-либо институтов: государства, партии, церкви, обществ по интересам. Но как свободный человек, я выступаю за то, чтобы во всех этих областях и институтах люди оставались открытыми к реформам и в экономике, политике и обществе придерживались *этических норм*. И не только в узких национальных рамках, а в мировом масштабе.

Реалистическая надежда

Сегодняшняя эпохальная смена парадигмы, которой охвачены мир, политика, экономика и культура, настоятельно требует от нас *видения* более мирного, справедливого, гуманного мира. Я имею в виду общее, целостное видение основных перспектив современности в будущем. По отношению к будущему я не хочу заниматься предсказаниями, пророчествовать, загадывать загадки, говорить предположениями и темными намеками. С другой стороны, я не хочу просто экстраполировать определенные статистические данные и тенденции, которые якобы могут точно спрогнозировать будущее. Последний, разразившийся в 2008 году, мировой экономический кризис показал фундаментальную слабость математических конструкций и моделей, базирующихся на оптимистических предпосылках.

По моему мнению, насущно необходима *аргументированно проработанная* концепция лучшего миропорядка, исходя из которой можно определить стратегию и тактику. Первые три десятилетия своей деятельности как богослова я занимался многообразной проблематикой церкви и христианства, а следующие три десятилетия – преимущественно чрезвычайно сложными, комплексными проблемами мировых религий, мировой политики и экономики и мирового этоса.

Концепция, о которой я говорю, должна сочетать в себе диахронное и синхронное мышление. Мы должны одновременно

учитывать и великие исторические эпохи, и различные регионы мира, и, таким образом, видеть широкие взаимосвязи; такой подход изложен в моей трилогии об иудаизме, христианстве и исламе и в публикациях об индуистских и китайских религиях. Для этого повсеместно необходима непредвзятая критика существующих реалий и вместе с тем рациональное видение понятных, конструктивных альтернатив, которые могут дать конкретные импульсы для реформ.

Такой жизнеспособный проект будущего, который исходил бы из существующей социальной действительности и одновременно выходил бы за ее рамки в стремлении к лучшему мировому порядку, выработать очень трудно. Если послевоенная Европа еще имела испытанных страданием и этически мотивированных деятелей государственного масштаба, которые привели свои народы к примирению, миру и новому мировому порядку, то после 1989 года, кажется, миром распоряжаются лишь прагматично настроенные государственные и партийные функционеры, которые в значительной степени ответственны за сегодняшние кризисы – доверия, финансов, экономики и общества.

Несомненно, виноваты во всем не только политики и государственные власти, но и их избиратели. Сопrotивление реформам в народе ширится повсюду. Еще в 1950-х годах Марти́та Йор (*Jöhr*), будущая основательница швейцарского Фонда мирового этоса, побудила своего мужа, известного ученого-экономиста Адольфа Йора, подробнее исследовать психологические факторы колебаний экономической конъюнктуры. Сегодня уже существует отдельная отрасль науки – поведенческая экономика (*Behavioural Economics*), исследующая психологические особенности человеческого поведения, в первую очередь в экономике, которое очень часто не соответствует общепринятому представлению о рациональном поведении *homo oeconomicus*, якобы все время стремящегося только к максимальной выгоде. Сегодня достаточно очевиден феномен сопротивления реформам. И тем не менее у меня есть надежда, о которой я хочу коротко рассказать.

Обращение к ООН

Сегодня речь идет, не более и не менее, о *новой парадигме глобальных отношений*, как я уже писал в книгах¹ «Проект “Мировой этос”» (1990), «Мировой этос для мировой политики и экономики» (1997) и «Глобальный бизнес – глобальный этос. Глобальный рынок требует новых стандартов и глобального рамочного порядка» (2001). Многие идеи, которые я выразил в этих книгах, вошли в Манифест ООН «Мосты в будущее» (*Brücken in die Zukunft*, 2001). Я был одним из двадцати членов *Group of Eminent Persons*², которых пригласил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, чтобы выработать программу диалога культур для новой парадигмы международных отношений; многому я научился и у других членов группы. Мы представили наш манифест 9 ноября 2001 года (не намного позже рокового 11 сентября) Генеральному секретарю и Генеральной Ассамблее. Манифест имел заголовок *Crossing the divide* («Преодолеть разделение»), в немецком переводе «Мосты в будущее». По этому поводу в тот же день, 9 ноября, я получил возможность выступить перед Ассамблеей ООН со следующим заявлением, которое выражает мое реалистическое видение будущего:

«Перед лицом нынешних испытаний и невзгод многие люди задаются вопросом: будет ли век XXI лучше XX века, полного насилия и войн? Достигнем ли мы нового мирового порядка, лучшего мирового порядка? В XX веке мы упустили три шанса для создания нового мирового порядка:

- в 1918 году, после Первой мировой войны, из-за европейской “реальной политики”,
- в 1945 году, после Второй мировой войны, из-за сталинизма,
- в 1989 году, после объединения Германии и войны в Персидском заливе, из-за отсутствия концепции будущего.

¹ См. выходные данные этих изданий на с. 273 в разделе «Глобальная этика». – *Прим. ред.*

² Группа выдающихся личностей (англ.). – *Прим. ред.*

Наша группа (*Group of Eminent Persons*) предлагает такое видение новой парадигмы международных отношений, которое учитывает и новых персонажей на глобальной сцене.

В наши дни религии снова начинают играть заметную роль в мировой политике. Это правда, что религии в истории очень часто показывали свою разрушительную сторону. Нередко они давали толчок вражде, ненависти, насилию и оправдывали войны. Но во многих случаях они способствовали пониманию, примирению, сотрудничеству и миру. В последние десятилетия во всем мире усилилось стремление к межрелигиозному диалогу и сотрудничеству религий.

В этом диалоге религии мира вновь открыли для себя, что их собственные этические принципы поддерживают и углубляют те секулярные этические ценности, которые содержатся во Всеобщей декларации прав человека. Парламент религий мира в 1993 году в Чикаго устами более 200 представителей всех религий мира впервые в истории заявил о согласии в отношении общих этических ценностей, стандартов и установок как основы для мирового этоса. Это заявление было включено в отчет нашей группы экспертов перед Генеральной Ассамблеей и Генеральным секретарем ООН. Что же является основой мирового этоса, который могли бы принять все представители больших религий и этических традиций?

Прежде всего, принцип человечности: с каждым человеком, будь то мужчина или женщина, белый или цветной, старый или молодой, богатый или бедный, должно обращаться по-человечески. Еще яснее это выражено в Золотом правиле взаимности: не делай другому того, чего не желаешь себе. Этот принцип лежит в основе четырех центральных сфер жизни и призывает каждого человека, каждую организацию и каждую нацию взять на себя ответственность:

- за культуру ненасилия и уважения к каждой жизни,
- за культуру солидарности и справедливого экономического порядка,
- за культуру толерантности и честной жизни,
- за культуру равноправия и партнерства мужчины и женщины.

Именно в эпоху глобализации такой глобальный этос абсолютно необходим, поскольку глобализация экономики, технологий и коммуникаций ведет к глобализации проблем во всем мире, которые грозят взять верх над нами. Это проблемы окружающей среды, атомных и генных технологий, глобализации преступности и терроризма. В такие времена крайне необходимо, чтобы глобализации экономики, технологий и коммуникаций сопутствовала глобализация этоса. Другими словами, глобализации нужен глобальный этос не как некий довесок и балласт, а как основа и поддержка людей и гражданского общества.

Некоторые политологи предсказывают в XXI веке “столкновение культур”. Наше видение будущего противопоставляет этому не просто оптимистический идеал, но реалистическую надежду: религии и культуры мира в сотрудничестве всех людей доброй воли могут помочь предотвратить такое столкновение при условии, что будут реализованы следующие принципы:

- Нет мира между нациями без мира между религиями.
- Нет мира между религиями без диалога между религиями.
- Нет диалога между религиями без глобальных этических норм.
- Нет возможности сохранить нашу планету, мир и справедливость без новой парадигмы международных отношений на основе глобальных этических норм».

Так прозвучало мое тогдашнее заявление. Но чтобы эта концепция не осталась общей и абстрактной, мне нужно было плотнее заняться практическими вопросами политики и экономики, что потребовало большой работы. Зато мне удалось обосновать и конкретизировать давно вынашиваемые идеи.

Новая парадигма мирной глобальной политики

С тех пор как я в пятом классе, в 1940 году, написал 32-страничное сочинение на тему начала Второй мировой войны, я ежедневно с волнением слежу за событиями в мире. Господствовавшая до конца Второй мировой войны в политике парадигма европейско-

го модернизма делала основной акцент не на мирном сотрудничестве, а на насилии и войне, наследуя макиавеллистское презрение к политической морали.

Новая политическая парадигма, возникшая в Европе и мире с 1945 года, выдвинула принцип *замены* модернистской *политики национальных интересов, власти и престижа* (как это было еще в Версале или в период второй администрации Буша) *политикой регионального согласия, сближения и примирения*. Начало было положено Францией и Германией (и это стало примером для всех), а ЕС распространил эту политику на весь континент. Вместо прежних конфронтации, агрессии и реванша такой подход требует при конкретных политических действиях, в том числе на Ближнем Востоке, в Афганистане, Кашмире и Шри-Ланке, *кооперации, обоюдных компромиссов и интеграции*.

Очевидно, что эта новая общая политическая ситуация предполагает *изменение менталитета*, и не только в политике сегодняшнего дня:

– Недостаточно новых организаций, необходим новый *образ мышления (mindset)*.

– Национальные, этнические, религиозные *различия* должны пониматься не как угроза, а по меньшей мере как возможность *взаимного обогащения*.

– В то время как старая парадигма предполагала наличие врага, даже заклятого врага, новой парадигме не нужен *враг*, но нужны партнеры, конкуренты, а зачастую и оппоненты.

– Военной конфронтации на всех уровнях противопоставляется экономическая и социальная конкуренция. Уже не война – путь к благу, но международное право и взаимопонимание народов.

– Практика показала, что стабильное благоденствие народа достигается не войной, а только миром, не против- или даже сопоставлением, а *совместно друг с другом*.

– И поскольку в этой взаимности и взаимозависимости могут быть удовлетворены различные интересы, постольку возможна политика не «игры с нулевой суммой», при которой проигрыш од-

ного равнозначен выигрышу другого, но с *положительной суммой*, когда в выигрыше все.

Конечно, проводить политику при новой парадигме не легко, она остается – теперь уже без насилия – «искусством возможного». Чтобы такая политика работала, она не должна основываться на постмодернистском плюрализме произвола по принципу *anything goes*³. Она предполагает *общественное согласие* в отношении определенных основных ценностей прав и обязанностей. Это основополагающее согласие должно быть поддержано всеми общественными группами, верующими и неверующими, представителями различных религий, философий и идеологий. Требуется не только новая политика и новая дипломатия, но и обращение сердец, истинное принятие друг друга, новый этос.

Мировая политика, экономика и финансовая система существенно образом определяют судьбу наций и регионов. То, что нет больше национальных или региональных островов стабильности, уже начинают постепенно понимать всюду. Несмотря на сильное расхождение интересов различных наций и регионов, существует настолько тесное политическое, экономическое и финансовое *сплетение* интересов, что экономисты говорят о *мировом обществе*, а социологи – о *мировой цивилизации* (в технико-экономическом и социальном смысле): мировом обществе и мировой цивилизации как поле совместного взаимодействия, в которое прямо или косвенно вовлечены мы все. Мировой экономический кризис доказывает, как это верно.

Новая парадигма справедливой мировой экономики

Я принадлежу к тем немногим богословам, которые регулярно заглядывают на экономические полосы газет. Еще студентом я серьезно интересовался социально-философскими и социально-политическими вопросами. В книге «Мировой этос для мировой

³ Все сойдет (англ.). – *Прим. ред.*

политики и мировой экономики» я уже в 1997 году подверг детальной критике как модель государства всеобщего благосостояния (Швеция), так и модель неокapитализма (США), основательно исследовав новые *экономико-политические концепции глобализации*: с одной стороны, чисто рыночную экономику, как ее представляет экономический ультралиберализм Милтона Фридмана, с другой – социально-ориентированную рыночную экономику в соответствии с идеями Людвига Эрхарда, которые сегодня должны быть дополнены экологическими аспектами и расширены в глобальном масштабе. Еще в 1990 году я вместе с другими учеными выдвинул идею *глобальной эколого-социальной рыночной экономики*, которой для того, чтобы быть действенной, необходим глобальный этос. Моя позиция принципиально отличается от следующих двух:

Во-первых, от *неэкономической этики убеждения (Gesinnungsethik)*, которую время от времени представляют церковные и профсоюзные деятели. Тот, кто выдвигает в отношении общества *моральные требования, оторванные от экономической целесообразности*, не учитывая, таким образом, законов экономики, исповедует не мораль, а морализм. И, во-вторых, от *беспринципной этики успеха (gesinnungslose Erfolgsethik)*. Ее представляют, главным образом, одержимые мыслью об успехе менеджеры и бессовестные ученые-экономисты и публицисты. Кто догматически выдвигает *экономические требования в отрыве от этических норм*, тот представляет не интересы экономики, а экономический редукционизм, *экономизм*. Ни в коем случае нельзя признать примат успеха, он принадлежит этосу. Я могу преследовать личные интересы, но должен нести этическую ответственность за любое предпринятое действие, даже если это в конкретных условиях конкуренции может быть и слишком жестким требованием.

Мой вывод неизменен тогда и сейчас: необходимо сочетать *экономические стратегии с этической оценкой*. Но очевидно, что мировая экономика в силу неизбежной и закономерной глобализации сдвинулась в сторону новой модели капитализма. Даже тот, кто отдает приоритет экономике, вынужден критиковать эту

неокапиталистическую модель. Она неприемлема из-за ее антисоциальных последствий для огромного числа людей и отсутствия общих этических норм, и она же в основном ответственна за мировой экономический кризис.

Часто утверждают, что мировой финансовый кризис 2008 года невозможно было предвидеть. Но еще в 1997 году в виду резко усилившейся лихорадки мировой финансовой системы я предупредил о возможности нового биржевого краха и разрушения мирового экономического порядка, как это было в 1929–1933 годах. Вот что я писал в книге «Мировой этос и мировая политика и экономика»:

«Одно мельчайшее замечание, к примеру, председателя Федеральной резервной системы США Аллана Гринспена в начале декабря 1996 года об «иррациональном изобилии» (*irrational exuberance*) и завышенной оценке финансовых рынков⁴ заставило нервных инвесторов на высококонъюнктурных рынках акций Азии, Европы и Америки в панике сбросить акции и привело к резкому падению курса. Это говорит о том, что кризисы в эпоху глобализации априори имеют тенденцию не к затуханию, а скорее к колебаниям» (с. 292). Я рискнул тогда высказать еретическое для экономистов предположение, что теория хаоса может быть применена и по отношению к экономике: мельчайшие причины могут привести к катастрофическим последствиям. Во всяком случае, никак нельзя исключить возможности «повторения мирового экономического кризиса и крушения мирового экономического порядка, подобного 1929–1933 годов».

Тем временем «кредитный капитализм» (Ганс Мартин Шёнхер-Манн) фирм, частных и общественных организаций, в которых все оплачивается кредитами, привел к краху банковской системы. В ноябре 2008 года, во время поездки с лекциями по США, я и там услышал сетования по поводу алчности в экономике и мании величия в политике. Мои мысли нашли подтверждение в инаугурационной речи *американского президента Обамы* в январе 2009 года:

⁴ Гринспен заявил следующее: «Как нам узнать, когда иррациональное изобилие необоснованно завышает стоимость активов? – *Прим. ред.*»

«То, что мы в эпицентре кризиса, хорошо понятно. Мы ведем войну против трудно достижимой сети ненависти и насилия. Наша экономика ослаблена вследствие жадности и безответственности одних и коллективной неспособности других – тех, кто не мог принимать тяжелые решения и подготовить наш народ к новым временам. Потеряны дома, рабочие места, подкошен бизнес. Здравоохранение слишком дорого стоит, слишком много школ не дают нужного образования, и каждый день несет новые доказательства того, что наш способ расхода энергии приводит к укреплению наших врагов и росту угрозы для планеты. Все это – индикаторы кризиса, за ними факты и статистика. Труднее измерить, но это не менее важно, *ослабление нашей морали и углубление недоверия в стране*».

Провал, во-первых, рынков, во-вторых, учреждений и, в-третьих, морали требует этических правил для вполне законного стремления к прибыли. Этика – это отнюдь не взбитые сливки на пирожном, не малозначимое приложение к глобальной рыночной экономике. Нет, столь остро необходимая *новая финансовая архитектура* должна быть поддержана *рамками этического порядка*. Только основополагающие этические нормы, которые сформировались в процессе очеловечивания человека, могут обуздать фатальную человеческую жадность и высокомерие. И я надеюсь, что свой посильный вклад в это внесут церкви, религии и содружество народов.

Надежда на единство церквей

Я был и остаюсь лояльным членом моей церкви. Я верю в Бога и в Христа, но, однако, не верю «в» церковь. В самой церкви я выступаю против любого отождествления с Богом, против самодовольного триумфализма и эгоистичного конфессионализма, я открыт для всей христианской общины, для всех церквей.

В течение десятилетий я расширял свое видение: от идеи единства церквей до идеи мира между религиями и до подлинной общности наций. Теперь, на склоне своих лет, перевалив за восьмой десяток, мне еще труднее, чем раньше, высказывать предположения,

какие ожидания могут исполниться. Поэтому в этой последней главе я говорю о *spero* – на что я надеюсь. Моя надежда, мое троичное видение надежды, разделяемое многими, переживет мою земную жизнь.

Всю свою жизнь богослова я посвятил обновлению Католической церкви и богословия, равно как и экуменическому взаимопониманию между христианскими церквами. Мне было дано увидеть успехи, в первую очередь при папе Иоанне XXIII и во время Второго Ватиканского собора.

Но мне пришлось испытать и неудачи, главным образом в период пост-соборных пап: они, вместе со своим куриальным аппаратом власти, предали реформаторский собор и, чтобы не допустить реформ, реконструировали средневековую, антиреформаторскую, враждебную современности римскую систему с полностью ручным епископатом.

Но верно предупреждение: «Кто опоздал, того накажет жизнь». За блестящим фасадом папской церкви уже трудно скрыть распад пастырских структур: вымирание целибатного духовенства, бесконечные скандалы с обвинениями в педофилии, тысячи общин без священников, массовый характер продажи церковных зданий, принудительное слияние приходов в гигантские территориальные «пастырские единицы» – и при этом все меньше крещений, все малолюдней на богослужениях, все меньше венчаний, из церкви уходят эмансипированные женщины, отсутствует интерес у молодежи... Заставят ли растущие нужды и снижение собираемости церковных налогов все же провести реформы?

Я надеюсь не на унифицированную единую церковь, в которой переплавлены в единое целое конфессиональные, региональные, а также национальные особенности христианских церквей. Я надеюсь на *экуменическое единство* христианских церквей в примирении и сохранении их различий. Но не блажь ли, не безумно ли завышена моя надежда? Нет, она реалистична и ее осуществление уже давным-давно начато с основания церкви.

Поэтому я не оставляю надежды: экумена христианских конфессий возможна, она необходима! Она должна вырасти

снизу и заставить руководство церквей признать себя. Вот мое видение:

– Догмы, созданные людьми и разделяющие сейчас церкви, уступят место Божьим истинам и евангельской вести Иисуса. Будут распущены средневеково-архаичные структуры, которые третируют людей, в особенности женщин, как низестоящих. Непомерный церковный аппарат, в течение веков стягивавший к себе все больше власти, уменьшится до человеческой меры.

– Наконец-то будут отменены средневековые привилегии и претензии Католической церкви к другим христианским церквям, их миссии и богослужениям. Непогрешимый папизм и псевдохристианское обожествление папы уступят место миссии в духе апостола Петра, служащей единству всего христианского мира и осуществляемой в рамках синодальных и соборных структур.

– Но также и присущие протестантизму библейский фундаментализм, тенденции к расколу и региональная провинциальность отойдут в сторону во имя церкви, ответственной за мир, во имя просвещенной «христианской свободы», которой чужда как морализирующая самоправедность, так и догматическая нетерпимость.

– Равно и восточный ортодоксальный традиционализм и литургизм будут преодолены. Они трансформируются в христианство, одновременно имеющее глубокие корни в традиции и связанное с современностью, которое сможет действовать как закваска при формировании новой политики и общества, в том числе в восточно-европейских странах.

Одним словом, не идеальный церковный мир, а церкви, все более ориентирующиеся на Евангелие и открытые к нуждам современников.

Надежда на мир между религиями

Я всегда был религиозным человеком и остаюсь им. Но я тем не менее не противостою нерелигиозным людям, сторонникам секуляризации и лаицизма. Я чувствую себя вполне секулярным

человеком и считаю обоснованно необходимым отрицать только идеологический секуляризм, программное безбожие.

Я христианский богослов, но я все чаще выступал за изменение отношения христианских церквей к другим религиям мира. На этом пути были успехи: в декретах Второго Ватиканского собора о свободе совести и вероисповедания, об иудействе, исламе и других мировых религиях, а также в бесчисленных межрелигиозных диалогах, конференциях, встречах во всем мире.

Но и тут не обошлось без неудач: на нашей планете все еще идут войны, которые поддерживает или оправдывает религия. Центральный чак конфликтов – уже более сорока лет продолжающаяся при поддержке США оккупация палестинских территорий Израилем, который, игнорируя многочисленные резолюции ООН и права народов, не только не освободил эти территории, а расширил на них свои поселения. Израиль убежден, что сумеет сломить арабское сопротивление с помощью бесчеловечных войн в Ливане и секторе Газа.

И здесь в силе предупреждение: «Кто опоздает, того накажет жизнь». Невозможно вести мирную жизнь за стеной, как это было в ГДР, в условиях враждебного окружения, и все выигранные войны ничего не стоят, если каждый раз заново ставится на карту мир. Другу еврейского государства особенно больно сознавать, как ничтожно мало осталось от терпимости к другим религиям, провозглашенной Декларацией о создании Государства Израиль, и что из-за десятилетиями проводимой политики обструкции практически полностью потеряна вера в нравственность этого государства.

Моя надежда связана *не с единством религий* или каким-либо синкретизмом. Моя надежда связана с *экуменическим миром между мировыми религиями!* А это означает мирное сосуществование, растущую конвергенцию, творческое взаимодействие (*Proexistenz*) религий в едином поиске всегда превосходящей правды и тайны единого и истинного Бога, полностью раскрывающейся только в эсхатоне – в конце времен. Пустая утопия? Нет,

реалистическая надежда, осуществление которой уже началось с основания великих мировых религий, значительно более космополитичных, чем национальные государства и их политики.

Несмотря на все трудности, я не оставляю надежду: мир между религиями возможен и необходим! Вот мое видение: нет мира между нациями без мира между религиями, но нет мира между религиями без диалога религий. Между правдой и миром нет противоречия, как это утверждают несведущие социологи. Каждая религия может оставаться при своем представлении об истине, если только она будет уважать истину других, оставаясь терпимой на практике и готовой совместно с другими религиями пробуждать и направлять моральную энергию человечества. Вот на чем основана моя надежда:

– Все больше людей будут понимать, что три великие профетические религии – иудаизм, христианство и ислам – составляют единое взаимосвязанное религиозное течение, имеющее ближневосточный семитский источник, и все представители этих религий исповедуют Бога Авраама, Творца и Господина этого мира, признают движение истории к будущему и этическую основу фундаментальной человечности (десять заповедей).

– Все больше людей будут учиться примирению в экуменическом духе: обогащаться во втором большом религиозном течении индийско-мистического истока (в первую очередь индуизм, буддизм) и в третьем духовном течении – китайской мудрости (конфуцианство, даосизм), черпать сокровища из их духовных ценностей, их мистической глубины, их выверенного столетиями взгляда на мир и человека.

– И наоборот, все больше и сами три профетические религии будут взаимообогащаться, черпая из неистощимого интеллектуально-духовного наследия, без всякого религиозного колониализма, без триумфалистского высокомерия, без принижения ценности или использования в своих интересах.

Одним словом, не идеальный мир религий, но религии, живущие в мире и не поступающиеся своей истиной.

Надежда на сообщество наций

У меня по-прежнему только швейцарский паспорт, и, хотя я уже более пяти десятилетий являюсь немецким университетским профессором (и ко мне очень хорошо относятся), я верен своей родине. У меня нет проблем с самоидентификацией. Моя национальная идентичность включает сегодня и европейскую идентичность. Я одновременно и патриот, и космополит.

Еще со студенческих лет в Риме и Париже я приобрел опыт в международном богословии. Во время моих многочисленных поездок по миру, на межрелигиозных конференциях, во время работы в университетах США и повсюду в тихие часы учебы я усвоил, что богословие вместе с церковью и религиями должно вносить свой вклад в понимание между народами. Успехи такого понимания налицо: вековая «наследственная вражда» (Германия – Франция) давно преодолена, процесс создания сообщества государств в Европе идет вперед, несмотря на все «Сциллы и Харибды». Со времени падения Берлинской стены заметно значительное улучшение отношений между Востоком и Западом.

Но есть и неудачи. Наряду с процессом европейской интеграции и роста взаимопонимания между Востоком и Западом набирает силу процесс расхождения между Севером и Югом. Горчайшим разочарованием для всего мира в период президентства Буша-младшего, с 2001 до 2008 года, стал возврат авторитетной американской демократии к давно устаревшей парадигме конфронтационной односторонней политики силы. Вместо взаимного понимания, примирения и интеграции, которые мы наблюдаем в Европейском сообществе (и которые поддерживались США) – высокомерная, маниакальная, односторонняя политика американского империализма и милитаризма.

И здесь снова в силе предупреждение: «Кто опоздает, того накажет жизнь». Очень дорогостоящие внешняя политика (Афганистан, Ирак, Палестина, Иран) и внутренняя политика Буша (крах рынка недвижимости, банковской системы и системы над-

зора) привели к мировому экономическому кризису и к самому низкому уровню доверия американскому президенту к концу его правления. Как-то будут идти дела при новом президенте?

Моя надежда связана не с единым мировым правительством или мировой бюрократией. И не с господством во имя культуры или религии, не со старыми или новыми формами физического или психологического давления в духе религиозного догматизма или морализма. Наоборот: свобода веры или неверия для неверующих и сомневающихся и солидарность с ними! Моя надежда связана с экуменическим сообществом народов, поистине «объединенными нациями», которые увидят в религиях (и проникнутся пониманием этого) их извечно гуманную цель – благо человека и всех людей! Что это – наивная фата-моргана? Нет, это реалистическая надежда, осуществление которой начато уже во многих местах.

Несмотря на все трудности, я не оставляю надежду на то, что сообщество наций возможно и необходимо. Вот мое видение: религии смогут по-новому, во всеобъемлющем экуменическом духе, реализовать – на Севере и Юге, Западе и Востоке – свою моральную ответственность за:

- мир и тем самым умиротворение на земле;
- справедливость и тем самым устранение несправедливых социальных, политических и экономических структур;
- сохранение творения и тем самым достойной для жизни среды обитания на планете Земля.

Но что таит будущее?

Историю невозможно просчитать

Вновь я должен спросить себя в конце моих размышлений: такая надежда – не утопия ли, пришедшая из «ниоткуда»? Если посмотреть на то, что происходит вокруг, и не в последнюю очередь в моей собственной Католической церкви, то можно впасть в отчаяние. Но, прежде чем посмотреть вперед, я хочу оглянуться назад.

Когда я был студентом, меня сильно впечатлила диалектика истории Гегеля («Философия мировой истории») и Карла Маркса («Коммунистический манифест»). Но скоро я заметил, что это идеалистическая и материалистическая конструкции. В истории нет законов, подобных законам природы. Ход истории определяют не правила, из которых можно вывести руководящие принципы для будущих действий.

В 1950-е годы в Риме, в условиях политики отката от реформ и богословских «чисток», которые проводил абсолютистский режим папы Пия XII Пачелли, можно было легко поддаться «пораженческим» настроениям. Если бы избрали папу Пия XIII, то это бы еще более ухудшило ситуацию, и Католическая церковь оказалась бы перед переломными событиями 1968 года совсем неподготовленной. Но в 1958 году папой был избран Иоанн XXIII Ронкалли, который при поддержке Второго Ватиканского собора (1962–1965) начал проводить – пусть и с частичным успехом – политику обновления и экуменической открытости.

В 1970-е годы в Дрездене друзья, пригласившие меня в небольшую поездку с докладами по ГДР, прощаясь, говорили мне, что увидят меня теперь только после выхода на пенсию, когда им будет разрешено поехать в Западную Германию. В виду застоя советской системы при Брежневле положение в Восточном блоке было отчаянным. Выборы еще одного аппаратчика генеральным секретарем КПСС, наверное, дали бы возможность советской системе протянуть еще несколько лет, как это казалось вначале при Андропове и Черненко. Но в 1985 году генеральным секретарем выбрали Михаила Горбачева, который ускорил модернизацию Советского Союза и тем самым фактически приблизил давно назревавший крах советской системы, падение Берлинской стены и распад советской империи.

В конце XX и в начале XXI века, часто бывая в США, я казался сам себе вопиющим в пустыне. В условиях отката США при президенте Джордже Буше к старой парадигме военной конфронтации и агрессии казалось безнадежным призывать к новой

парадигме понимания, сотрудничества и интеграции. Если бы после этого был выбран следующий республиканский президент, ничего бы существенно не изменилось, состояние паралича США продолжалось бы. Но в ноябре 2008 года президентом был избран Барак Обама, который решительно старается изменить внешнюю и внутреннюю политику.

История развивается – и это нас иногда обескураживает, а иногда радостно удивляет, – не следуя логическим правилам и экономическим тенденциям. В отличие от природы здесь царствуют не только неизбежность и закономерность. Историю – и это подтверждает весь мой жизненный опыт – невозможно просчитать. И, как бывало всегда, на ход истории решающим образом могут повлиять выдающиеся личности, естественно, вместе с другими. Они могут, находясь в безнадежной ситуации, проиграть битву, но выиграть войну (я думаю при этом о Черчилле или де Голле). Но они могут также – тут я вспоминаю об Анваре Садате и Ицхаке Рабине, убитых фанатиками из своих же рядов, – выиграть битву, но проиграть войну. Не заслужили ли они большей поддержки при жизни?

Их время еще придет. Или это только мечты?

Моя последняя надежда

*Träume sind Schäume*⁵? Старая поговорка означает, что то, о чем я мечтаю, не обязательно должно исполниться.

Есть мечты, которым лучше не исполняться.

Есть мечты, которые, к сожалению, не исполняются.

Есть мечты, которые исполняются позже.

28 августа 1963 года защитник прав американских негров и баптистский священник Мартин Лютер Кинг выступил в мемориальном центре Линкольна в Вашингтоне со своей пророческой речью *I have a dream* («У меня есть мечта»), в которой он

⁵ Мечты как пена (нем.). – Прим. пер.

изложил свое видение равноправия американских негров: «*And so even though we face the difficulties of today and tomorrow, I still have a dream.* – И хотя мы осознаем сегодняшние и завтрашние трудности, у меня все равно есть мечта...» А 4 апреля 1968 года он был убит в Мемфисе, штат Теннесси, и в тот же вечер мне пришлось сообщить эту страшную новость потрясенным людям, собравшимся в церкви Риверсайд в Нью-Йорке. Но идея Мартина Лютера Kinga о ненасильственном сопротивлении, гражданском неповиновении и победе черных продолжала оказывать действие. Через 45 лет после вашингтонской речи, 4 ноября 2008 года, был избран первый черный президент Соединенных Штатов Барак Обама. Мечта Мартина Лютера Kinga не была пеной.

Почему? «Когда кто-то мечтает один, то это остается мечтой. Но когда мы мечтаем вместе, это становится реальностью», – говорил архиепископ Эльдер Камара фон Ресифи (*Recife*), один из самых выдающихся епископов Второго Ватиканского собора. По его приглашению я неоднократно выступал с докладами на бразильской епископской конференции. Моей мечтой мечтают многие, мое видение примиренного христианства, мира между религиями и истинного сообщества наций вместе со мной разделяют многие. Так же, как и Мартин Лютер King, я не увижу исполнения своей мечты. Но она не уйдет вместе со мной в могилу. Она будет продолжать жить, поддерживаемая стремлением целого поколения к более мирному, справедливому и гуманному миру. В это я верю и на это надеюсь.

А что произойдет со мной? Я надеюсь, что и для меня однажды примирятся все противоречия и будет возможно существование в гармонии, мире и счастье, и мне будет дано в конце то, что в христианской традиции называется провидением, *Visio beatifica*, «блаженное видение». Апостол Павел в известном письме к Коринфянам, сразу после гимна любви, выразил это так:

«Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти

знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор 13:8–13).

В этом исполнится для меня, как я надеюсь, то, во что я верю.

Для дальнейшего чтения: книги Ганса Кюнга

Христианская жизнь

Rechtfertigung. Die Lehre Karl Barths und eine katholische Besinnung, Johannes/Benziger 1957; Serie Piper 4039.

Credo. Das Apostolische Glaubensbekenntnis – Zeitgenossen erklärt, Piper 1992; Serie Piper 2024; специальный выпуск *Einführung in den christlichen Glauben*, Piper 2006.

Menschenwürdig sterben. Ein Plädoyer für Selbstverantwortung (mit W. Jens und Beiträgen von D. Niethammer u. A. Eser), Piper 1995; Serie Piper 2329, Переиздание (со статьей И. Йенса) Piper 2009.

Vertrauen, das trägt. Eine Spiritualität für heute (hrsg. v. H. Hanna), Herder 2003.

Церковь и христианский экуменизм

Konzil und Wiedervereinigung. Erneuerung als Ruf in die Einheit, Herder 1960.

Strukturen der Kirche, Herder 1962; Serie Piper 762.

Kirche im Konzil, Herder 1963.

Die Kirche, Herder 1967; Serie Piper 582. Рус. пер.: *Церковь*. М.: ББИ, 2012.

Wahrhaftigkeit. Zur Zukunft der Kirche, Herder 1968.

Was ist Kirche? Herder 1970; Gutersloher-TB 181.

Unfehlbar? Eine Anfrage, Benziger 1970; Serie Piper 1016.

Fehlbar? Eine Bilanz, Benziger 1973.

Katholische Kirche – wohin? Wider den Verrat am Konzil (mit N. Greinacher), Piper 1986; Serie Piper 488.

Die Hoffnung bewahren. Schriften zur Reform der Kirche, Benziger 1990.

Основы богословия и христологии

Menschwerdung Gottes. Eine Einführung in Hegels theologisches Denken als Prolegomena zu einer künftigen Christologie, Herder 1970; Serie Piper 1049.

Christ sein, Piper 1974; Serie Piper 1736. Рус. пер.: *Христианский вызов.* М.: ББИ, 2012.

20 Thesen zum Christsein, Piper 1975; Serie Piper 100.

Existiert Gott? Antwort auf die Gottesfrage der Neuzeit, Piper 1978; Serie Piper 2144.

24 Thesen zur Gottesfrage, Piper 1979; Serie Piper 171.

Ewiges Leben? Piper 1982; Serie Piper 364. Рус. пер.: *Вечная жизнь?* М.: ББИ, 2013.

Freud und die Zukunft der Religion, Piper 1978; Serie Piper 709. Рус. пер.: *Фрейд и будущее религии.* М.: ББИ, 2013.

Große christliche Denker, Piper 1994; Serie Piper 2283.

Der Anfang aller Dinge. Naturwissenschaft und Religion, Piper 2005; Serie Piper 4850. Рус. пер.: *Начало всех вещей. Естествознание и религия.* М.: ББИ, 2007.

Всемирный экуменизм

Jesus im Widerstreit. Ein jüdisch-christlicher Dialog (mit p. Lapede), Calwer/Kösel 1976.

Christentum und Weltreligionen. Hinführung zum Dialog mit Islam, Hinduismus und Buddhismus (mit J. v. Ess, H. v. Stietenron, H. Bechert), Piper 1984; Serie Piper 1908/2055/2130.

Christentum und Chinesische Religion (mit J. Ching), Piper 1988; Serie Piper 2738.

Spurensuche. Die Weltreligionen auf dem Weg, Piper 1999; Serie Piper 4292, 4293 und 5167.

Мировая литература и музыка

Dichtung und Religion. Pascal, Gryphius, Lessing, Hölderlin, Novalis, Kierkegaard, Dostojewski, Kafka (mit W. Jens), Kindler 1985; Serie Piper 1880; Serie Piper 901.

Theologie und Literatur. Zum Stand des Dialogs (mit W. Jens und K.-J. Kuschel), Kindler 1986.

Anwälte der Humanität. T. Mann – H. Hesse – H. Böll (mit W. Jens), Kindler 1989, Serie Piper 1267.

Mozart – Spuren der Transzendenz, Piper 1991; Serie Piper 1498.
Рус. пер.: «Вольфганг Амадей Моцарт – следы трансцендентного», в Ганс Урс фон Бальтазар, Карл Барт, Ганс Кюнг. *Богословие и музыка. Три речи о Моцарте.* М.: ББИ, 2006.

Musik und Religion. Mozart – Wagner – Bruckner; Serie Piper 4607.

Kunst und Sinnfrage, Benziger 1980.

Современная религиозная ситуация

Theologie – wohin? Auf dem Weg zu einem neuen Paradigma (mit D. Tracy), Benziger 1984; Gütersloher Verlagshaus 1984.

Das neue Paradigma von Theologie. Strukturen und Dimensionen (mit D. Tracy), Benziger 1984; Gütersloher Verlagshaus 1984.

Theologie im Aufbruch. Eine ökumenische Grundlegung, Piper 1987; Serie Piper 1312.

Das Judentum, Piper 1991; Serie Piper 2827.

Das Christentum. Wesen und Geschichte, Piper 1994; Serie Piper 2940; grundlegend für die vorliegende Thematik.

Die Frau im Christentum, Piper 2001.

Kleine Geschichte der katholischen Kirche, Berlin 2001.

Der Islam. Geschichte, Gegenwart, Zukunft, Piper 2004; Serie Piper 4709.

Die Schweiz ohne Orientierung? Europäische Perspektiven, Benziger 1992.

Глобальная этика

Projekt Weltethos, Piper 1990; Serie Piper 1659.

Weltfrieden durch Religionsfrieden. Antworten aus den Weltreligionen (mit K.-J. Kuschel), Piper 1993; Serie Piper 1862.

Erklärung zum Weltethos. Die Deklaration des Parlamentes der Weltreligionen (mit K.-J. Kuschel), Piper 1993; Serie Piper 1958.

Ja zum Weltethos. Perspektiven für die Suche nach Orientierung (Hrsg.), Piper 1995.

Weltethos für Weltpolitik und Weltwirtschaft, Piper 1997; Serie Piper 3080.

Wissenschaft und Weltethos (mit K.-J. Kuschel), Piper 1998; Serie Piper 3247.

Globale Unternehmen – globales Ethos. Der globale Markt erfordert neue Standards und eine globale Rahmenordnung (Hrsg.), Frankfurt 2001.

Dokumentation zum Weltethos, Serie Piper 3489.

Wozu Weltethos? Religion und Ethik in Zeiten der Globalisierung (im Gespräch mit Jürgen Hoeren), Herder 2002; новое издание 2006.

Friedenspolitik. Ethische Grundlagen internationaler Beziehungen (Hrsg. mit D. Senghaas), Piper 2003.

Weltethos christlich verstanden (mit A. Rinn-Maurer), Herder 2005.

Weltethos aus den Quellen des Judentums (mit W Homolka), Herder 2008.

Жизненное равновесие

Erkämpfte Freiheit. Erinnerungen, Piper 2002; Serie Piper 4135.

Umstrittene Wahrheit. Erinnerungen, Piper 2007; Serie Piper 5387.

Ганс Кюнг ВО ЧТО Я ВЕРЮ

Эта книга глубоко личная, автобиографическая. Целостный религиозный взгляд одного из самых универсальных мыслителей и богословов современности обращен к фундаментальным вопросам жизни каждого человека: во что лично я верю, чему я могу доверять, на что могу надеяться и как должен жить?

«Я пишу для людей, находящихся в поиске. Для тех, кого не удовлетворяет традиционалистская вера, но одновременно не устраивает и собственное неверие или сомнения, для тех, кто не ищет дешевой “оздоровительной духовности” или краткосрочной помощи в жизненных проблемах».

Ганс Кюнг, из предисловия



ГАНС КЮНГ (род. в 1928 г.) – крупнейший современный богослов, католический священник. Заслуженный профессор экуменического богословия в Тюбингенском университете, президент Института глобальной этики в Тюбингене и попечитель ББИ.

издательство



www.standrews.ru

ISBN 978-5-89647-267-4



9 785896 472674 >